Кецаль
и
голубь

Кецаль и голубь

ПОЭЗИЯ
НАУА, МАЙЯ, КЕЧУА

Перевод
с испанского и
индейских языков

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1983

И(Латин)
К37

Редакционная коллегия:
Е. ВИНОКУРОВ, С. МАМОНТОВ,
В. СТОЛБОВ, Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Составление и предисловие
В. ЗЕМСКОВА

Комментарии
В. ЗЕМСКОВА и Р. КИНЖАЛОВА

Художник
В. СУРИКОВ

© Состав, предисловие, комментарии, переводы, кроме отмеченных знаком *, оформление. Издательство «Художественная литература», 1983 г.

К $\frac{4703000000\text{-}109}{028(01)\text{-}83}$ 165-83

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кецаль и голубь — так символически обозначено на титуле этого сборника поэтическое искусство коренных американских народов науа, майя и кечуа — тех, кого после завоевания континента европейцами в XVI веке стали называть общим словом индейцы. Кецаль, птица с ярким оперением, испокон веку был священным символом величия и могущества для народов науа — жителей Центральной Мексики, и для майя, расселявшихся от полуострова Юкатан в Мексике до нынешних Гватемалы, Гондураса и Белиза. Скромный голубь был и остается излюбленным образом кечуанцев, живущих в Эквадоре, Перу, Боливии и на северо-западе Аргентины. Конечно, данная книга далеко не исчерпывает богатства поэзии коренного населения Америки, ведь на континенте насчитывается несколько сотен народов и племен, но здесь читатель познакомится с искусством только тех народов, которые достигли ко времени открытия Америки наиболее высокого уровня развития, создали выдающие-

ся цивилизации и вполне зрелые и оригинальные поэтические традиции.

Следует учитывать также и то, что эта книга — первая попытка представить на русском языке более или менее цельную картину творчества науа, майя и кечуа. Поэзия многих древних народов, например, Востока, достаточно хорошо известна нам; настоящее же знакомство с поэтическим искусством народов Америки стало возможным не так давно. Записанная в век открытия Америки испанскими монахами, историками, поэзия эта оказалась прочно забытой на долгие столетия, и первые опыты изучения и переводов ее на европейские языки (в том числе и на русский) были сделаны в последней трети XIX — в начале XX века. Среди первопроходцев следует назвать таких переводчиков и комментаторов, как американец Д.-Г. Бринтон, немец Э. Зелер, француз Б. де Бурбур, русский поэт Константин Бальмонт, энтузиаст-переводчик и интерпретатор поэзии коренного населения Америки, и других. Однако только в последние десятилетия стало возможным знакомство с творчеством этих народов в более полном объеме. Произошло новое открытие давно известного. Что мы имеем в виду? Во-первых, то, что теперь уже усилиями самих патриотически настроенных латиноамериканских деятелей культуры (среди них мексиканские ученые А.-М. Гарибай К. и М. Леон-Портилья, крупнейшие писатели континента гватемалец М.-А. Астуриас и перуанец Х.-М. Аргедас, прозаик и фольклорист боливиец Х. Лара) было найдено в архивах, возрождено, извлечено из древних рукописей, собрано, записано, систематизировано, переведено, прокомментировано, выпущено сборниками множество памятников. Во-вторых, переводы, осуществленные латиноамериканскими специалистами на испанский язык — основной исторический посредник

между языками индейцев и иными европейскими языками,— отличаются большей близостью к оригиналу, а современные знания позволяют точнее интерпретировать сложные, нередко затемненные образы и сюжеты. Нельзя не отметить здесь и вклад нашей отечественной науки в изучение языков и литературы коренного населения Америки, например работы лауреата Государственной премии Ю. В. Кнорозова, столько сделавшего для расшифровки иероглифики майя.

Одним словом, благодаря усилиям ученых, представителей различных отраслей знаний — ведь для верного понимания поэзии древних нужен труд не только филологов, но и историков, этнографов, а иногда и философов,— сегодня перед нами открывается картина высокого поэтического искусства, богатой духовной жизни народов, без представления о которых карта мировой культуры пестрела бы слепыми белыми пятнами на тех землях, что в наши дни называют Латинской Америкой.

Как писал И. А. Бунин: «Молчат гробницы, мумии и кости,—//Лишь слову жизнь дана...» [1]

Культуры, которые со времен постигшей их катастрофы оставались полурасшифрованным заветом, начинают говорить в полный голос, и нам открываются высокие и оригинальные традиции, требующие такого же уважительного внимания, с каким мы относимся к древним культурам Греции или Египта, Индии или Китая.

Судьбы народов, творчество которых здесь представлено, сложились по-разному с тех пор, как после завоевания континента европейцами началось форми-

---

[1] И. А. Бунин. Собр. соч., т. 1. М., «Художественная литература», 1965, с. 369.

рование новых на мировой карте латиноамериканских, смешанных, наций, и сохранилось оно в разной мере. В настоящем сборнике не ставится задача максимально полного ознакомления со словесно-поэтическим искусством науа, майя и кечуа. В меньшей мере здесь представлены эпико-мифологические сказания, искусство древнего театра, в большей степени — лирика. В таком подборе был определенный умысел. Лирика полнее, чем иные жанры, запечатлевает характерность ощущения окружающей жизни, особенности народного мировосприятия. А именно это — дать возможность почувствовать неповторимость новых для читателя поэтических традиций в ряду иных, знакомых — и казалось наиболее важным для первого опыта.

Полнее других дошла до нас доколумбова поэзия науа.

Науа, составляющие единую языковую семью, начали заселять Центральную Мексику в VII веке, однако племена, с которыми встретились европейцы, появились здесь в XII веке. Этих завоевателей, вторгшихся в области, которые уже многие столетия были очагом древнейших цивилизаций (загадочная культура Теотиуакана, культуры сапотеков, тольтеков, майя и другие), иногда сравнивают с древними римлянами, ибо, разорив местные земледельческие народы и осев на постоянное жительство на территориях вокруг соленого озера Тескоко, они усвоили и по-своему развили их достижения. Главенствующую роль среди племен науа, создавших целый ряд городов-государств, вскоре стали играть ацтеки (они же теночки или мешики; столицей их был город Теночтитлан — Мехико), которые в союзе с тескоканцами и тлакопанцами подчинили множество родственных и иноязычных племен. Именно этим народам, а также находившимся в зависимости от них жителям городов-государств Чалько

и Уэшоцинко, и принадлежит большая часть дошедших до наших дней поэтических памятников, хотя известно, что в районе озера Тескоко существовало много иных значительных культурных центров науа, богатых городов с кипучей хозяйственной и культурной жизнью.

Что же представляло собой поэтическое творчество науа? Прежде всего следует иметь в виду, что народы науа (и это с определенными отличиями относится и к иным американским народам, о которых здесь идет речь) находились на этапе перехода от каменного века к веку железа, от родового строя — к рабовладельческим деспотиям. Как и другим народам подобного уровня развития, науа были свойственны нерасчлененность отдельных видов знаний и искусства, теснейшая связь поэзии с мифологией, обрядами, трудовой деятельностью.

Поэзия науа в ряде своих жанров была непосредственной формой выражения мифологического мировоззрения и знаний о космосе и земле, частью магических обрядов, призванных воздействовать на силы природы, а также и историографией, то есть средством закрепления памяти о происхождении и важнейших событиях в жизни народа, и философией, и средством развлечения. Одним словом, сказать, что поэзия среди науа пользовалась уважением, было бы мало, она являлась предельно серьезным общественным занятием, делом государственной важности. С поэзией так или иначе соприкасались все — и в доступных школах, где преподавали ремесла, военное дело, и в аристократических заведениях, где учились будущие жрецы и вожди. Существовали специальные школы поэзии и игры на музыкальных инструментах, певцы-поэты служили в храмах и при дворах вождей. В соседнем с ацтекской столицей городе Тескоко, своего рода «науаских Афи-

нах», во дворце вождя была специальная зала знаний и музыки, где собирались поэты и философы; в Теночтитлане, подражавшем Тескоко, был выстроен специальный дом знаний, поэзии и музыки. Поэт находился в ряду столь же уважаемых знатоков своего дела, как историки, составители анналов и генеалогий, древние юристы, создатели законодательных сводов и деловых бумаг, жрецы, хранители мифологических и культовых знаний. Однако в сравнении с ними поэт оказывался в особо ответственном положении. Дело в том, что он не мог полагаться на пиктографическое — рисунчатое — письмо, которым ацтеки писали свои цветные «книги» (многометровые свитки, получившие название кодексов). Рисунчатым письмом можно было закрепить сюжеты мифа или историн, деловые сведения, информацию о порядке отправления культов, но нельзя было передать содержание дословно, и потому поэтические «тексты» заучивались наизусть, слово в слово, а искажения, особенно если речь шла о поэзии культовой, грозили строжайшим наказанием, даже смертью. Так же строго судились и игра на обрядовых музыкальных инструментах, и исполнение соответствующих танцев. Впрочем, поэтическое слово, музыка и танец у науа (это касается искусства и других народов) были нераэрывно связаны между собой. Поэзия пелась и танцевалась. Науа вообще не знали термина «стихотворение», существовало одно понятие — «куикатль», что означает: музыка со словами или просто музыка. Звучащая и коллективная природа древней поэзии определяла ее ритмометрику, строй и форму исполнения: сольно-хоровое, хоровое, антифоническое (диалогическое) в сочетании с музыкой, обрядом, пантомимой.

До нас дошли далеко не все слои поэтического творчества народов науа. Обращает на себя внимание

отсутствие, скажем, трудовых песен или свадебной обрядовой лирики. Но зато нам известна их гимническая поэзия — песнопения богам, которые были для древних не некими отвлеченными понятиями, а, так сказать, вполне реальными существами, жившими рядом с людьми и управлявшими судьбами природы, мира. Конечно, понимание гимнов требует определенного знакомства с пантеоном богов, с их ролью и «занятиями». Отметим, что боги науа были родственными богам майя, ибо у них было общее древнее происхождение, и назовем некоторых из них: это Кецалькоатль, «светлый» бог ветра, утренней звезды, так называемый «культурный герой», обучивший народ навыкам труда и искусства, основам морали (фрагмент мифологического сказания «Кецалькоатль и тольтеки»); мать земли Коатликуэ и ее чудесно рожденный сын — бог солнца и войны Уицилопочтли («Песнь Со-Щитом-Рожденного...», «Песнь о щите»); бог дождя Тлалок и другие. Особое место среди богов науа (как и майя) занимали покровители земледелия, прежде всего маиса, основного продукта питания американских народов. Многоликий, подверженный всем трансформациям, которые претерпевает злак от посева (зарождения) до сбора урожая (смерти), бог солнца и маиса предстает в юношеском возрасте в «Песне в честь Шочипилли»; его подруга — богиня любви и цветов Шочикецаль («Песнь в честь богини цветов и любви»).

От расположения, здоровья и деятельности этих и множества других богов зависело благополучие всего миропорядка, земли, людей, и естественно поэтому пристрастное отношение древних науа к своим покровителям. Однако мифо-философия науа, запечатлевшая стихийную диалектику бытия, которую создают все древние народы, отличалась (и это во многом харак-

терно и для майя) каким-то особым драматизмом, напряженностью переживания и вдумывания в тайны мироздания, в вопросы о судьбе человека в игре обожествленных сил природы. Для народов Мексики и Центральной Америки космос был не застывшей картиной, где все — раз и навсегда, а ареной беспрерывной борьбы, схождения и расхождения, изменчивости и взаимоперехода противоположных сил — жизни и смерти, дня и ночи, солнца и луны, света и мрака, влаги и засухи. Не случайно самый абстрактный из богов науа — бог дуальности, двойственности — был и самым первым в их пантеоне. С замечательной силой и лаконичностью эта коренная для поэзии народов науа идея воплотилась в таком скульптурном образе науа, как голова женщины, половина которой — лицо, а половина — голый череп. Не менее выразителен, например, и такой образ майя, как бог смерти, несущий в руках факел жизни.

Мы вспомнили о пластических образах богов потому, что статика скульптурного образа, запечатлевающего бога в главной его функции и в соответствующей позе, господствует и в гимнической поэзии. Поэтические портреты богов, снаряженных свойственными им атрибутами, будь то жезл, щит, мотыга, плюмаж,— это своего рода словесные эквиваленты замечательной скульптуры науа. Другая характерная особенность искусства народов Мексики, отразившаяся и в гимнической поэзии,— повышенный (сравнимый с древнеегипетским искусством) антропозооморфизм, то есть изображение богов в образах людей-животных: женщина-змея (Коатликуэ), пернатый змей (Кецалькоатль), люди-ягуары, люди-птицы, люди-бабочки и тому подобное. Для того чтобы полностью оценить, скажем, поэтический образ Коатликуэ, следовало бы знать, каков был знаменитый скульптурный образ

этой богини — матери земли, начала рождающего и поглощающего: сочетание элементов человеческого тела, змеи, орлицы, початков маиса, черепов.

Наконец, знакомясь с гимнами богам, следует обратить внимание и на повышенное значение цвета, на резкую и контрастную цветовую гамму. Связано это с тем, что каждый бог имел свое символическое цветовое обозначение.

Но, как и во всех развитых культурах, поэтическая мысль, уходившая в небеса и в недра земли, в конце концов возвращалась на землю, чтобы понять человека и окружающий его мир, ибо во всех своих вариациях она была формой развития гуманистических представлений. Вот человек родился («Песнь богини рождений»), что его ждет, кто он и что есть мир — таковы исходные вопросы другого известного нам слоя поэзии науа — поэзии лирико-философского склада. Очевидно, связанная со «школьной» традицией преподавания искусств, она, в отличие от гимнов, которые не меняли своего древнего сакрального смысла и символики, отражала более подвижные и не столь прочно связанные с непререкаемым авторитетом религии сферы сознания. В этом слое поэзии с особой отчетливостью проявилась такая важнейшая особенность эстетики народов Мексики и Центральной Америки, как ее ориентированность в гораздо большей мере не на бытовые аспекты окружающего мира и не в сферу непосредственной человеческой деятельности (хотя, конечно, и это ей известно), а в область отношений человека с самыми главными, что называется, сущностными силами бытия. Такая ориентация влекла за собой стремление не к описанию явления, а к вскрытию его внутреннего смысла и определяла преобладание начала символически-стилизованного, сводящего все наблюдаемое к обобщенным и лаконич-

ным элементам, над началом повествовательно-изобразительным. Эти черты характерны для всех жанров поэзии науа, идет ли речь, скажем, о «портретах» мастеров мира науа, выявляющих высокую эстетическую и этическую роль искусства древних («Тламатини-мудрец», «Куикапикки-поэт», «Куикани-певец»), или о произведениях лиро-эпического характера, воспевающих военные подвиги и победы (например, «Победа над матлацинками»). В наибольшей степени сказанное относится к так называемым «песням-цветам», лирико-философским исканиям ответов на загадки бытия, жизни и смерти.

Со всей определенностью можно сказать, что нет иной древней поэзии, которой были бы свойственны такая страстная напряженность, такое целеустремленное упорство в размышлениях о бытии, об извечной изменчивости, бесконечаемости рождения и гибели миров, народов, людей.

Что касается отдельного человека, то ацтеки полагали, что умершие (в зависимости от вида смерти) попадали либо в страну вечных скитаний Миктлан, либо в Тамоанчан, место — источник бытия и изобилия, где растет древо жизни, либо в Дом солнца, куда отправлялись погибшие воины или принесенные в жертву. Культ бога войны Уицилопочтли занимал особо важное место у ацтеков и был связан с их представлениями о судьбах человечества как рода. Ацтеки, как и другие, родственные по культуре народы, верили, что они живут в пятую эру существования, под покровительством бога солнца Тонатиу (все предыдущие кончались катастрофами, сметавшими людей с лица земли). Согласно укрепившейся среди них мистической концепции катастрофу пятой эры можно было предотвратить, если поддерживать богов «чудесной жидкостью» — кровью погибших воинов и

жертв. То, что в более поздние эпохи стало восприниматься как антигуманное явление, для древних (а все религии знали те или иные формы человеческих жертвоприношений) было средством поддержания космического порядка, всеобщего благоденствия, жизни. Жизнь стремилась к смерти, смерть порождала жизнь. Не случаен такой экспрессивный образ майя (обряд человеческих жертвоприношений получил у них широкое развитие под влиянием науа), как рождающиеся из-под жертвенного обсидианового ножа люди. Потому-то погибшие на «священной войне» либо принесенные в жертву окружались особым почетом. Это необходимо знать, чтобы понимать поэзию древних, в которой размышления о жизни и смерти, тайнах бытия и сама образная система оказывались теснейшим образом связанными с феноменом жертвоприношений.

Вообще поэзия науа — и причиной тому ее устремленность исключительно к важнейшим вопросам человеческого бытия — основывалась на довольно ограниченном ряде метафор и символов, связанных своим происхождением с эстетически значимыми предметами окружающего мира и с мифологическими мотивами: цветы, драгоценные камни (изумруд, нефрит, обсидиан и другие), золото, птицы (прежде всего, конечно, кецаль), роскошное их оперение, бабочки, звери (ягуар, кролик). Очевидно, образованные круги привнесли в арсенал поэзии науа метафоры, связанные с атрибутами пиктографического письма: бумага, рисунок, краски, живопись...

Не столь уж богатая разнообразием тем, образов, поэтических средств, поэзия науа отличалась величайшим разнообразием в их разработке и варьировании, особенно благодаря тому, что и тематика, и метафорика науа обладали большой символической много-

значностью. Этим объясняется определенная сложность для сегодняшнего восприятия песен-цветов. То, что нам кажется просто яркой картинкой, содержит философский смысл, связанный с мифологическими представлениями. Так, например, цветы, центральный образ поэзии науа, могли означать и человека, и песнь, и поэзию; цветок был знаком жертвы (распустившийся цветок — сердце жертвы), а также знаком битвы, войны, на которой распускаются цветы — сердца погибших воинов. Вино войны, которым до смерти опиваются на поле распустившихся цветов воины, было знаком гибели и крови. Птица и бабочка могли быть и знаками божества, и образами погибших воинов, которые превращаются в колибри или в мотыльков, пьющих нектар на древе жизни в Тамоанчане. Переплетение конкретной образности и символического значения придавало поэзии науа особую, как бы «мерцающую» многими смысловыми и эстетическими оттенками, глубину. Можно предположить, что сами науа воспринимали песни-цветы в их двойственном, не только философском, но и конкретно-образном значении.

Среди приводящихся в сборнике образцов поэзии науа есть примеры, так сказать, ортодоксального поэтического философствования на тему жертвенного служения богу солнца и войны. Для такого рода произведений характерны отрешенный и фанатический стоицизм, хотя и виртуозная, но холодноватая игра символикой. Однако следует сказать, что этому идейному слою, связанному с официозными мифологическими концепциями, противостояло зарождавшееся на глубине поэтического потока мощное контртечение. Ведь, если вдуматься, основной пафос песен-цветов состоит как раз не в холодном отрицании какой-либо значимости человека перед лицом космоса, богов, а,

напротив, в упорном, хотя и окрашенном часто в тона отчаяния, трагизма, стремлении утвердить его самоценность. Люди увядают и гибнут, как цветы, человек — рисунок в книге богов, который будет стерт, жизнь — всего лишь сон,— в этих формулах поэзии науа отнюдь не ставится точка в поисках ответов на вопросы бытия. Трагизм, ощущение бытия на грани жизни и смерти контрастировали с широчайшей гаммой чувств, утверждавших значимость человека, радость жизни.

Поэзия науа знала и страдания, связанные с утратой близких («Песня сиротства»), и восхищение красотой женщины, «цветка подрумяненного маиса» («Здесь в одиночестве воспеваю...»), и мучения сердца, уязвленного предательством («Призрачная дружба»), и нежную радость при виде ребенка («Колыбельная Ауисотлю»). Но чаще всего — радость и восхищенное любование верной дружбой и близостью сердец. Вообще мир человеческих чувств науа отличался уважительностью, тонкостью, деликатностью, мы бы даже сказали — рафинированностью. Образ поэта-певца, окруженного друзьями, которых он одаривает песнями-цветами и заклинает не покидать этот мир, наслаждаться бытием, вечно жить — это постоянный и типичный образ поэзии науа.

Прекрасный пример такого рода произведений — «Состязание песнопевцев», которое происходило в доме вождя Текайеуацина. Вождь, сам поэт, собрал, «точно цветы для гирлянды», своих друзей, и они обмениваются песнями-цветами, составляющими вместе целый букет традиционных элегических образов и мотивов. Интересно это произведение и тем, что здесь полно раскрываются мифологическая основа пышного обряда поэтического турнира и сакральные представления о поэтическом творчестве вообще. Ведь

самый обряд поэтического состязания воспроизводил мифологическую сцену в крае изобилия Тамоанчане, и поэты воображали себя (что и следует из содержания их песен) бабочками, колибри, пьющими нектар на ветвях древа жизни. Песни, которые они слагали, были вестями из этого источника жизни, а поэзия, таким образом, оказывалась отмеченной знаком вечности, нитью, связывавшей человека с нетленными ценностями, и, следовательно, средством самоутверждения человека перед лицом космоса. Если гибнут цветы, плавится золото, стирается рисунок, крошатся камни, то песня остается вечной.

С этими высокими представлениями об искусстве связана и высокая роль поэта, творца, мудреца, как и вообще мастера в любой области творчества. Вкратце эстетическая «теория» науа сводилась к тому, что творец похищает божественные песни-цветы и учит «лгать» (то есть подражать) материал, с которым он работает (бумагу, краски, глину и так далее). Его роль в том, что он «ставит зеркало перед каждым, чтоб в нем отразилась глядящего сущность». Это и позволяет людям обрести «свое лицо и сердце», «делает мудрыми чужие лица».

Нам известно немало имен создателей поэтических произведений. Нетрудно заметить, что в творчестве наиболее талантливых из них традиционная поэтика становилась средством для выражения, хотя и в рамках канона, глубоко личных чувств. Совершенно очевидно проявление поэтической индивидуальности в уже упоминавшемся стихотворении Тлальтекацина, посвященном красоте женщины (теме вообще редкой для поэзии науа), в произведениях Куакуацина, воплотившего традиционную тему быстротечности жизни в универсальный образ мировой поэзии — «жизнь есть сон», в мужественной речи правителя Теночтитлана

Ашайакатля («Песнь стариков»). Высшая фигура поэтического мира науа, конечно, поэт-мудрец, который отваживался отходить от канона и думать по-новому.

Среди песен-цветов довольно легко вычленяется слой поэтических произведений, в которых поэтическая философия науа достигла наивысшего расцвета перед своей гибелью в XVI веке. Привычные темы бытия на грани жизни и смерти обретают глубоко субъективный, личностный оттенок. Вместо солдатской бравады воинов, словно напоказ мечтающих о смерти во имя бога солнца, вместо меланхолических сетований по поводу неизбежности гибели всего сущего здесь преобладает настойчивая решимость добиться истины о бытии, порождающая то страстные крики смятенной души, то сомнения в правильности общепринятых представлений о мироздании. Истин бог или не истин, есть он или нет его, где он — может, он только издевается над людьми — эти мучительные для древнего человека вопросы поражают своей смелостью и остротой. Ведь за ними стоит главный вопрос гуманистической проблематики о сущности и ценности человека, без всякого сомнения составляющей подпочву всей поэзии науа. Как можно судить по некоторым сведениям, эти вопросы, приобретшие характер напряженных духовных исканий в творчестве выдающегося поэта древних науа правителя Тескоко, философа, зодчего Несауалькойотля, были связаны с определенным кризисом традиционных религиозных идей. Если в Теночтитлане поклонялись кровавому богу Уицилопочтли, культ которого отрицал какую-либо ценность человеческой жизни, то в Тескоко существовала оппозиция человеческим жертвоприношениям. Произведения Несауалькойотля уже, собственно, и нельзя отнести к песням-цветам, ибо здесь нет традиционной

пышной и нередко затемненной метафорики, лексика своей ясностью и простотой соответствует бескомпромиссности вопросов и степени напряженности духовных исканий.

Несауалькойотль, как и его современники, в своих поисках не пошел дальше традиционного для гуманизма древних скептицизма и его оборотной стороны — эпикуреизма. Но и это был значительный шаг. В эпикуреизме, отличающемся у древних науа удивительно благородными мотивами (дружба, верность, поэзия, цветы...), поэт обретал, в противовес мрачным силам непостижимого космоса, опору в земном бытии как в истинно данном человеку. И более того. В стихотворении Айокуана Куэцпальцина, поэта XV века, «Да пребудет земля!» эпикуреизм явно выходит из традиционных границ и тема наслаждения радостями жизни обретает монументальный утверждающий характер: «Да пребудет земля наша вечно! Да стоят нерушимо горы!»

Остается только гадать, какое получили бы развитие наметившиеся в поэзии науа новые гуманистические мотивы, ибо она, как уже говорилось, закончила свое существование с конкистой в начале XVI века, успев увековечить этот трагический момент в эпико-лирических песнях («Погиб народ мешикатль», «Пленение Куаутемока», «Последние дни осады Теночтитлана»), которые увенчали эту яркую страницу мировой поэзии.

После завоевания Мексики испанская церковь использовала поэзию и театр-пантомиму науа в целях распространения католической веры, но впоследствии колониальные власти запретили даже такую форму развития местной традиции, и она угасла к концу XVIII века. Науа, территория которых стала центром формирования мексиканской нации, влились в состав

нового населения и утратили черты национальной культуры и быта.

Однако искусство науа, как и других народов Мексики, не погибло вовсе. Уже в колониальное время не только мексиканское зодчество в стиле барокко, но в определенной мере и испаноязычная поэзия испытали воздействие коренных традиций, в том числе песен-цветов. В XX веке в Мексике после буржуазно-демократической революции 1910—1917 годов начался так называемый «индейский Ренессанс». Зародился он в знаменитой монументальной живописи Давида Сикейроса, Диего Риверы, Хосе Клементе Ороско и других художников, а затем мифология науа стала важным источником национального своеобразия и для литературы. Теперь, когда поэтическое искусство науа, благодаря трудам переводчиков и истолкователей, стало доступным широким кругам, когда выходят статьи и книги, посвященные творчеству индейских предков современных мексиканцев, возникли возможности и для новой жизни поэзии науа.

Значительно слабее, чем поэзия науа, известно нам творчество древних майя, создателей замечательных цивилизаций, многочисленных городов-государств, знаменитых своей архитектурой и фресковой живописью. До наших дней дошли только осколки поэзии этих народов, не составлявших такого единства, как науа, и говоривших более чем на двадцати языках (юкатекском, лакандонском, киче́ и других). Множество моментов, сближающих науа и майя, позволяет предполагать определенную близость их поэтических систем, опиравшихся на во многом сходную мифологию. В отличие от науа, майя создали иероглифическое письмо, но оно еще не было столь тонко развито и столь широко распространено, чтобы стать прочной основой

«литературного дела», и, очевидно, главным способом существования поэзии являлась устность. Жанровая система у майя была высокоразвитой: мифологические сказания, гимническая и обрядовая поэзия, эпические песни, календарный фольклор, связанный с циклом сельскохозяйственных работ, театр-пантомима (мы не говорим здесь об исторических анналах, о своего рода дидактической литературе, книгах пророчеств, созданных на латинице уже в колониальное время).

Так, записанный в XVI веке мифологический эпос индейцев-киче «Пополь-Вух», или «Книга народа», содержит инкрустированные в его текст гимнические песнопения. В отличие от соответствующих жанров у науа, гимны майя-киче проще, им не свойственна сложная и изысканная метафорика, они содержат обращенные к богам конкретные, деловые просьбы о продолжении рода, изобилии, покое. Дошедшая до нас драма киче «Рабиналь-ачи», в сравнении с театром-пантомимой науа, стоит, по мнению ее исследователя и переводчика [1], уже на пороге эсхиловой трагедии. И в самом деле, «Рабиналь-ачи» отличается меньшей условностью сюжета и меньшей интенсивностью мифологизма. На первом плане здесь скорее человеческое начало, героический характер воина Кече-ачи, которому предстоит быть принесенным в жертву, и мы явственно ощущаем противоречие между традиционными представлениями о почетности такой смерти и живым человеческим чувством любви к жизни, природе, к родным лесам...

Особенно интересны песни, представленные в рукописи под названием «Книга песен из Цитбальче»,

---

[1] Р. В. Кинжалов. Культура древних майя. Л., «Наука», 1971, с. 255.

обнаруженной в одном из юкатанских селений уже в нашем веке. Эти обрядовые песни, исполнявшиеся в сопровождении танца, отличаются лаконичностью языка и яркой, ясной образностью. Радостным чувством единения с природой и причастности к ее жизни проникнуты гимны солнцу, побеждающему мрак («Песня сказителя»). Следует выделить также свадебные и любовные песни: «Песня о цветке никте́», исполнявшаяся девушками лунной ночью во время магической церемонии, целью которой было привлечение возлюбленного; «Песня на встрече цвет-девы», которая исполнялась во время свадебного обряда (обратим внимание, что образ цветка имеет, в сравнении с поэзией науа, совершенно иное значение), и другие. Взятые вместе, юкатанские песни-танцы воссоздают полную поэзии и непосредственного, свежего чувства картину жизни селения майя, не знающих такого драматического разрыва и вражды с природой, как науа.

Хотя образцов древней поэзии майя осталось очень мало, важным источником национального своеобразия для современной литературы Центральной Америки стал эпос «Пополь-Вух», для популяризации которого много сделал в первую очередь выдающийся писатель Гватемалы Мигель Анхель Астуриас. Но, пожалуй, еще более важное значение имеет то обстоятельство, что народы майя не ассимилировались в такой мере, как науа, а это обещает в будущем новую жизнь старых традиций.

Совершенно иная и самостоятельная поэтическая традиция сложилась на другом конце американского материка — у народа кечуа, культура которого достигла наивысшего расцвета, когда его возглавило племя инков. Кечуанцы, наследники целого ряда древнейших южноамериканских цивилизаций, с XII века и до

появления испанцев в 30-х годах XVI столетия создали огромное и развитое государство — Тауантинсуйо, которое располагалось на территориях современных андских стран Эквадора, Перу, Боливии и частично захватывало также земли Аргентины, Колумбии, Чили. Создатели Тауантинсуйо совершенно свободно распоряжались этническими границами покоренных и объединенных под их властью племен, переселяли в новые места целые народы, вводили на всей территории государства единый кечуанский язык — «руна-сими». Основу общественной организации Тауантинсуйо составляла крестьянская община; правила страной каста инков. Инки ревниво следили за чистотой клана, смешанные браки не разрешались; брак мог быть заключен только между родственниками по крови. Единственный (или Великий) Инка, правивший государством, был обожествлен и являлся олицетворением бога солнца. То обстоятельство, что многие элементы первобытно-коммунистического общества были возведены на уровень государственной морали, придавало очень своеобразный характер общественной жизни Тауантинсуйо. Государство не упускало из виду ни одного из своих членов, обеспечивало его всем в достатке и строго следило за нравственностью и порядком.

Высокая организованность, централизация власти повлекли за собой зарождение монотеистических тенденций [1], а следовательно, и упрощение пантеона богов, унаследованных от более древних культур. Этому вполне соответствовали более высокая, в сравнении с народами Мексики и Центральной Америки, степень

---

[1] См.: Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., «Наука», 1975, с. 85.

абстрагирования в представлениях о божественных силах и намного более уравновешенные, лишенные такой пристрастности и драматизма отношения с ними. Так, скажем, зооморфизм, известный мифологии кечуа, почти не был свойствен их искусству, будь то скульптура или поэзия, хотя примеров доколумбовой поэзии до нас дошло совсем немного. Инки-кечуа, помимо знаменитого узелкового письма, знали письменность, включавшую элементы иероглифики и пиктографии, но, будучи привилегией касты жрецов, эта письменность не получила широкого распространения и не смогла стать основой развития культуры.

По косвенным данным известно, что кечуанцы располагали разветвленной жанровой системой: от мифосказаний и обрядовой поэзии до лирики. Мудрец-амаута и поэт-арауик были важнейшими фигурами инкского общества. Связанная с верованиями, мифологией, обрядами, трудовыми процессами, поэзия звучала и в столице инков Куско, на площади перед главным храмом Солнца, на действах, посвященных небесным светилам, весне, посевам и сбору урожая, изгнанию болезней, и на крестьянских полях. Эти два слоя поэтического творчества — официальная поэзия инков и крестьянская народная поэзия — имели очевидные идейно-образные различия.

Известные нам примеры гимнической поэзии инков-кечуа, так называемые хайли, позволяют проникнуть в мир богов, который возглавлял Виракоча, носивший также и другие имена и отождествлявшийся, в частности, с солнцем («Хайли в честь Виракочи», «Творцу человека»). В своем Верхнем мире, местообитании богов, Виракоча был, наподобие Единственного Инки, окружен многочисленными родственниками. Первой рядом с ним была жена и сестра солнца боги-

ия луны Мамакнлья, покровительница дождей, воды, столь необходимых для земледельческого народа (хайли «Мать-Луна»). Обычай кровнородственных браков среди клана инков нашел отражение в таком проникнутом мифологическими мотивами шедевре доколумбовой поэзии, как «Владычица влаги».

Крестьянскому сердцу ближе всех была, конечно, Пачамама (Мать-Земля), богиня плодородия («Айау хайли!»). Стихийная диалектика бытия у кечуанцев была очень тесно связана с земледельческим циклом, а вера в бессмертие основывалась на наблюдениях за вечным круговоротом природы. Человек, как семя, уходит во Внутренний мир — в землю, чтобы не просто умереть, но и дать начало новой жизни. Замечательный образ философии инков — «пакарина», то место на земле, где «рассветает» жизнь различных существ (для людей это были пещеры, для других существ — озеро, родник, исток реки).

Фольклорная поэзия кечуанцев сохранила множество жанров и образов, которые восходят к древним верованиям. Так, например, в хоровых гимнических песнопениях «Канава» или «Дереву», несомненно, связанных и с трудовым процессом, и с обрядом, отразился характер древних отношений с окружающим миром. У кечуанского крестьянина были какие-то особенно доверительные связи с природой, и он поклонялся не только официальным богам, но и множеству домашних божков, которые жили и в камне, и в ручье, и в скале, и в речке, и в ламе, и в пуме, и в кондоре. Очеловечивание природы порождало особое, свойственное только кечуанской поэзии интимное ощущение полного родства, единства человека со всем сущим, всем космосом.

Чисто крестьянское происхождение имеют и такие образцы гимнической и трудовой поэзии, как «Айау

хайли!» и «Эа, вот и победа!», которые своей ритмикой как бы соответствуют ритму взмаха руки с мотыгой. В обеих песнях, исполнявшихся перекличкой мужского и женского хоров, центральный образ, развитый в целый сюжет,— образ Пачамамы, принимающей в свое лоно семена, чтобы дать жизнь новым злакам. В то же время мы ясно ощущаем, что, в отличие от официальной, народная мифология лишена какого-либо тяжелого начетничества, проникнута духом озорной любовной игры. Удивительным душевным здоровьем веет от народных метафор, связанных с образом родительницы Пачамамы или с образом Мамакильи, представленным в другом хоровом и диалогическом жанре — уауаки, который изначально имел обрядовое значение и был связан с культом богини луны.

Вообще кечуанская народная песня отличалась всегда и отличается ныне очень широким лирическим диапазоном. Она сопровождает все основные моменты человеческой жизни, возникает на всех эмоциональных вершинах бытия, реагирует на весь окружающий мир: природа, близкие крестьянину животные, труд, радость, горе, рождение, любовь, разлука, смерть... Однако, без сомнения, можно сказать, что в кечуанской поэзии первое место по своей культивированности, богатству разработки, эмоциональной полноте занимает лирический жанр харай арауи, то есть любовная песня. Один исследователь справедливо писал, что образ страдающего певца любви в кечуанской поэзии — из самых изысканных в мировом поэтическом искусстве. Если в коллективных песнях-танцах (как, например, в «Кашуа» или «Уайнью») преобладает игровое, нередко озорное начало, то сольная лирика отличается удивительной тонкостью и изяществом чувств и вмещает широчайшую гамму переживаний — печаль, грусть, страдание, меланхолию, ревность, даже

ожесточение,— все, кроме грубой, неодушевленной чувственности.

Испанское завоевание нанесло тягчайший удар по культуре народа кечуа. Однако она выдержала этот удар, замерев на века, сохранила свои силы и выжила. Язык, мифы, обряды, поэтическая традиция хранились там, откуда не раз в колониальный период изливалась лава народных восстаний — в горных крестьянских общинах. Сосуществуя бок о бок с постепенно возникавшей испано-американской культурой, кечуанская поэзия заимствовала из нее жанровые, тематические, образные элементы, ритмо-метрические новшества, очевидно, на более позднем этапе — рифму, но в целом она развивалась самостоятельно, отражая тягчайшие обстоятельства жизни народа, которые возникли с гибелью Тауантинсуйо. Травма, нанесенная конкистой, жесточайшее угнетение породили то особое, свойственное только кечуанской поэзии мироощущение, которое выдающийся современный перуанский прозаик, поэт и собиратель поэзии кечуа Хосе Мариа Аргедас назвал ощущением «космического одиночества».

Полно и мощно это особое мировосприятие выразилось в таком замечательном памятнике кечуанской поэзии, написанном на латинице в конце XVI — начале XVII века, как «Великий Инка Атауальпа». Построено это произведение на основе жанра уанки — плача по умершему — и посвящено правителю Инке, казненному испанцами. Но, далеко выйдя за пределы жанра, оно превратилось в небольшую по объему, но поистине монументальную по размаху и трагическому пафосу поэму — плач о погибели кечуанской земли. Сочиненная, очевидно, достаточно образованным человеком и отмеченная индивидуальным творческим почерком (не случайно в поэме возникает речь от

автора, которому синяя муха, по кечуанским верованиям, вестник Внутреннего мира, предсказывает будущее), поэма превращается в исполняемую как бы всенародным хором мистерию, происходящую на просторах не только всей земли, но и целого космоса: солнце темнеет, Мать-Луна скорчивается, Мать-Земля отказывается принять в свое чрево любимого сына. Катастрофа вселенских масштабов, после которой — только черные пропасти небытия...

Это значительное по своим достоинствам произведение ясно говорит о том, что, встретившись с европейской письменной культурой и поэтической традицией, кечуанская поэзия обретала новые возможности для своего развития. Однако в колониальных условиях использовать их в полной мере было невозможно, язык кечуа в лучшем случае привлекался церковью для популяризации католических песнопений, что в свою очередь влекло за собой смешение верований, появление новых образов.

Не столь картинно, как в упомянутой поэме, но еще более глубоко проявилось ощущение «космического одиночества» в фольклорном творчестве. Кечуанской поэзии всегда была свойственна томительная нота страдания, печали, ностальгии, которую иногда связывают с обычаем инков отрывать от родных мест целые племена и переселять их в разные концы огромного государства. Теперь в ней появились новые пронзительные, даже душераздирающие мотивы бездомья, сиротства, неприкаянного скитания. Утраченная родина, утраченная земля, утраченный дом, утраченная любовь. Эти темы — едва ли не центральные в народной кечуанской поэзии. По-иному в более поздних слоях фольклора складываются отношения с природой. Как и прежде, кечуанский крестьянин живет в единстве с окружающим миром, но теперь природа

может быть не только по-братски близкой ему, но и враждебной. Красавица лама, которая и поклажу перевозит, и дает шерсть для прекрасных поделок, остается для него любимым животным («Уаккатаки», «Клеймение лам»). Но вот кондор, который был символом могущества Тауантинсуйо, как и пума, зверь, которому поклонялись древние кечуанцы, теперь — символы зловещих сил, терзающих крестьянина, подобно мучителю-помещику («Зловещий кондор», «Хозяин», «Жалобы овчара»).

Признаки нового этапа в развитии кечуанской поэзии наметились в конце XVIII — начале XIX века, когда через несколько десятилетий после мощного восстания под руководством героя народа кечуа Хосе Габриэля Кондорканки, взявшего себе имя последнего Инки-мятежника XVI века Тупака Амару, в Испанской Америке началась война за независимость. В это время в андских странах появляются два поэта, творчество которых обнаруживает, сколь глубоки были процессы, происходившие в лоне народной культуры. Один из них — боливиец Хуан Уальпаримачи Майта. С полным основанием этого поэта, писавшего главным образом тонкую любовную лирику, близкую народной песне, считают родоначальником новой кечуанской поэзии на латинице. Другой поэт, которого здесь необходимо упомянуть, хотя он писал на испанском языке,— его современник перуанец Мариано Мельгар (1791—1815), сочинявший яравн — грустные любовные короткие стихотворения, ведущие свое происхождение от кечуанского жанра арауи. Оба были участниками войны за независимость и совсем молодыми погибли в сражениях с испанцами, как бы символизируя тем самым общность интересов народной испаноязычной и кечуанской культур.

Взаимодействие двух традиций стало важнейшим

условием их развития. Со всей несомненностью об этом говорит опыт перуанского поэта-демократа М. Гонсалеса Прады (1848—1918), обращавшегося к индейскому фольклору, а в еще большей степени творчество всемирно известного поэта Сесара Вальехо (1892—1938), который сумел одухотворить стихию испаноязычной поэзии анимистическим духом народного мышления и мотивами «космического страдания», столь характерными для народной поэзии. С другой стороны, несомненно то, что пришедшие вслед за Уальпаримачи кечуанские поэты (Карлос Фелипе Бельтран, Луис Кордеро и другие), в творчестве которых поэзия впервые отрывается от песенной стихии, сделали этот шаг под влиянием поэзии испаноязычной.

Однако по-настоящему обновление кечуанской поэзии началось с середины XX века как следствие мощного подъема национально-освободительного движения на всем континенте, в том числе и в андских странах. В Боливии, Перу, Аргентине, Эквадоре появляются деятели культуры, фольклористы, собирающие народную поэзию, издающие кечуанские грамматики, словари, журналы, организующие конкурсы, возникают группы поэтов, пишущих на родном языке. Среди регулярно печатающихся кечуанских поэтов (а многие из них пишут и на испанском) выделяются такие крупные мастера, как перуанцы Коси Паукар (Сесар Гуардиа Майорга), Келко Уарак-ка (Андрес Аленкастре Гутьеррес), Хосе Мария Аргедас. Их творчество знаменует качественно иной этап, отличительные черты которого — решительное расширение творческих возможностей, выход за пределы традиционной образности на уровень современного художественного мышления, освоение кечуанским языком ранее неизвестного идейного, философского материала, приобщение к универсальной гуманистической проблематике, к теме

освободительного движения. Далекая от непосредственной песенности, она современна по духу и по чувствам, но в то же время не порывает с наследием. В этом смысле особенно интересен Коси Паукар, который, расширив тематический и философский диапазон кечуанской поэзии, приобщил ее к современной трактовке общечеловеческих тем жизни, любви, смерти. В то же время он остался верным ее самым древним корням: в произведениях Коси Паукара, как и у его предков, человек живет и чувствует не в четырех стенах дома, а на просторах необъятного космоса. Далеко не случайно обращение Коси Паукара, как и Келко Уарак-ка, к таким темам, как Советская страна, революция, Ленин...

Новые горизонты перед поэзией кечуа открыло творчество Хосе Мариа Аргедаса. Кечуанский язык стал для него родным, так сама жизнь определила слияние в его творчестве двух начал, и кечуанская традиция оказалась насыщенной современной гуманистической мыслью, поставленной на службу новым чувствам и идеям. Словно через века перекликается с плачем «Великий Инка Атауальпа» его поэма «Нашему отцу и создателю Тупаку Амару». Произведение Аргедаса — это тоже разыгрываемая в беспредельном космическом пространстве мистерия, в которой участвуют и небесные светила, и земля, и леса, и реки, и скалы... Однако если первое произведение — это уанка, скорбный плач прощания, проникнутый ощущением невозвратимости, утраты гибнущего мира, то поэма Аргедаса своим строем воссоздает не только уанку, но и жанр хайли — моление, которое в древности обращали к верховному создателю всего сущего. У Аргедаса хайли обращено не к богу, а к человеку, борцу за свободу кечуанского народа Тупаку Амару, который и выступает в роли отца — дарителя новой

жизни. В то же время это не гимническое славословие, а проникнутый скорбью и гневом, яростью и надеждой зов к будущему, которое объединит в единую семью всех обездоленных перуанцев.

Важным художественным завоеванием кечуанской поэзии стало возрождение в творчестве Аргедаса угасшего было анимизированного, одухотворенного мировосприятия, связанного с народной мифологией. Но не менее важны исполненные глубокого гуманистического смысла и характерные не только для упоминавшейся поэмы, но и для других произведений Аргедаса богоборческие мотивы. Так, в «Оде самолету» престол в Верхнем мире, который всегда принадлежал верховному богу Виракоче, оказывается занятым раскрепощенным человеком, творцом своего мира, а в стихотворении «Дрожь» устрашающему воздействию мифа (палящее солнце — кондор) противопоставлена вера в будущее человека, освобождающегося от духовного гнета. Революционной энергии исполнено его стихотворение, посвященное выдающемуся современному художнику, эквадорцу, индейцу по рождению Освальдо Гуаясамину («О Гуаясамин!»); в другом стихотворении («Кубе») первая латиноамериканская страна, порвавшая с системой угнетения, предстает «сердцевиной» будущего нового мира, который возникнет на континенте.

Названные поэты не одиноки. И в Перу, и в Эквадоре, и в Боливии, и в Аргентине немало поэтов, пишущих на кечуа, которые обращаются к историческим, революционным, лирическим темам, и их число растет [1]. Главным направлением развития кечуанской

---

[1] См.: Ю. А. Зубрицкий. Плодоносящая песня. О кечуанской поэзии XIX—XX вв.— В журн.: «Латинская Америка», 1976, № 2.

поэзии становится дальнейшее расширение ее идейного, тематического, философского арсенала. Именно об этом говорит творчество таких современных перуанских поэтов, как Хуан де ла Крус Салас-и-Санчес, Вильям Уртадо де Мендоса, Лили Флорес. В их произведениях кечуанский язык становится гибким инструментом современной по духу и чувству поэзии.

В 1975 году произошло очень важное для судеб кечуанской литературы событие. В Перу в обстановке подъема национально-освободительного движения и проходившей в стране аграрной реформы, которая наделила крестьянские общины землей, был принят закон о признании кечуа наряду с испанским государственным языком страны. По сути дела, этот акт стал признанием великой жизнеспособности кечуанской культуры.

В. Земсков

ПОЭЗИЯ
НАУА

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ И ТОЛЬТЕКИ

Фрагмент

Народ Кецалькоатля, тольтеки,
был многоопытным средь народов.

Все им давалось легко и просто:
камень бесценный они гранили,
золото плавили и отливали,
дивные делали украшенья
из птичьих перьев они.

Эту сноровку в трудах каждодневных,
многообразье искусств и ремесел,
все их уменье, всю их мудрость
им Кецалькоатль дал...

Были тольтеки очень богаты,
было еды у тольтеков вдоволь:
тыквы — так говорит преданье —
были толстыми и большими;
толстыми и большими были,
как жернова, початки маиса;
а амаранта пышные стебли
были подобны высоким пальмам —
таким, что впору на них взбираться,
впору влезать на них.

Хлопок красивый тольтеки растили
разных цветов и разных оттенков:
красный, желтый, зеленый хлопок,
розовый, голубой и синий,
светло-зеленый и темно-зеленый,
рыжий, оранжевый и лиловый;
сам по себе он так был окрашен,
ярким таким вырастал он в поле,
никто не красил его.

Птиц разводили прекрасных тольтеки,
птиц с опереньем дивной расцветки:
желтых с грудью пламенно-красной,
цвета зеленого, как изумруды,
и голубых, бирюзового цвета.
Разные птицы были в избытке,
пели чудесно, необычайно,
как те, что поют в горах...

Были тольтеки очень богаты,
счастливы были они безмерно,
грусти и нищеты не знали,
были полны добра их жилища,
им голод неведом был...

Но Кецалькоатля, жившего с ними,
маги не раз, говорят, пытались
ложью привлечь к человеческим
жертвами —
чтобы людей убивал.
Он не хотел — он любил тольтеков,
племя свое не хотел губить он...
И говорят, разъярились маги,
в них закипела лютая злоба,
стали они над ним издеваться
и насмехаться над ним.
И колдуны и маги грозились,
что изведут его и уничтожат,
чтобы ушел он, чтобы исчез он,—
так и произошло.

В год тростника, в первый год
он умер.
Так, говорят, все это случилось:
он удалился, ушел на землю
черного цвета и красного цвета —
ушел умирать туда.

В год тростника, в первый год
он пламя
сам раздул и сам себя сжег он,
место, где он горел, пылая,
теперь Пепелище зовут.
И говорят, что когда сгорел он,
в воздух пепел его поднялся,
пепел увидеть слетелись птицы,
те, что летают высоко в небе:
гуакамайя, синяя птица,
радужная красно-синяя птица,
желто-коричневая и другие.
Едва лишь пламя костра погасло,
взвилось Кецалькоатля сердце,
неба достигло и там осталось.

И, говорят старики, это сердце
утренней стало звездой.

ПЕСНЬ СО-ЩИТОМ-РОЖДЕННОГО И ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМНЫХ ЛЮДЕЙ

Со щитом он от девы рожден,
вождь, чьи сильны полки,
был выношен девою он,
чьи удары — с левой руки.

Утренний храм мела,
не знала, что будет с ней,
не ведала, как зачала,
и стала царицей людей.

С неба, чей свод высок,—
как луч из-за вышних скал,—
из перьев блестящих клубок
в девичье лоно упал.

С копьем, со щитом был рожден
боец, чьи движенья легки,
был выношен девою он,
кто так меток с левой руки.

На нее, Коатликуэ,
устремился вражеский клич,
но в огненной он змее
обрел оскорбителям бич.

Четыреста Южных он
низверг, словно воды рек,
встал за деву, кто девой рожден
на горе Коатепек.

Когда он раскрасил щит
и краски явил лица,
был грозен цветистый вид,
победительный вид бойца.

И тешился в бранной игре,
кто за мать свою деву встал,
врагов на Змеиной горе,
как камни, он всех разметал.

ПЕСНЬ О ЩИТЕ

На щите, рожденный девой, свет увидел
величайший воин.
На щите, рожденный девой, свет увидел
величайший воин.

На горе Змеи, на круге, среди гор,
непобедимый, вырос.
Он раскрашен для сраженья и воздел
орлиный щит.

Никому с ним не сразиться, и сама земля
качаться стала
под ногами у героя, поднимающего щит.

ПЕСНЬ О МАТЕРИ БОГОВ

Ах, желтый цветок раскрыл лепестки.
То наша мать, лицо свое спрятав
под маской,
из Тамоанчана в край наш пришла.

Желтый цветок раскрылся — он твой.
То наша мать, лицо свое спрятав
под маской,
из Тамоанчана в край наш пришла.

Ах, белый цветок раскрыл лепестки.
То наша мать, лицо свое спрятав
под маской,
из Тамоанчана в край наш пришла.

. . . . . .

Белый цветок раскрылся — он твой.
То наша мать, лицо свое спрятав
под маской,
из Тамоанчана в край наш пришла.

Это она, Мать-Богиня, над кактусом
вьется обсидиановой бабочкой.

Ах, это богиня земли, наша мать,—
кормит сердцами оленей ее
страна Девяти Пустынь.

Ах, это она убрана в перья,
голубою окрашена глиной;
стрелы летят на четыре стороны света.

Ах, ты оленихой бродила в степи каменистой,
Шиуненель и Мимич тебя увидали.

ПЕСНЬ О ЖЕНЩИНЕ-ЗМЕЕ СИУАКОАТЛЬ

Узор твой, Орлица Киластли,
змеиною кровью раскрашен.
Сверкает твое оперенье,
кормилица Чальмы.

О, жизни основа, маис
божественной пашни!
В руке ее жезл с бубенцами,
мотыга в руке у меня.

Мотыга в руке у меня
на божественной пашне,
в руке ее жезл с бубенцами.

В тринадцатый день — орел
богиня, кормилица Чальмы,
колючкою кактуса поле мое бороздит.

Тебе, мать воителей, наша богиня,
мы в жертву приносим оленя —
он в перья обряжен.

Вот солнце взошло, и взметнулись
военные кличи.
Вот солнце взошло, и взметнулись
военные кличи.

Да будут погублены пленные мужи,
а край их да сгинет!
Олень в оперенье обряжен,
ведь перья — твое украшенье,
и храбрые воины тоже
твое украшенье.

ПЕСНЬ ОБЛАЧНЫХ ЗМЕЙ

(Бог севера, бог охоты)

Из Семи Пещер он возник,
из Семи Тайниковых Теней.
Явил быстроглазый свой лик
в стране Колючих Стеблей.
Из Семи взошел он Пещер,
чей глубинен туманный размер,
из Семи изошел он Пещер.

Я сошел, я сошел,
у меня копье с шипом.
Из стеблей колючих сплел
я копье с острием.
Я сошел, я сошел.

Я сошел, я сошел,
а со мною сеть,
я ее искусно сплел,

будет кто-то в сети млеть.
Я сошел, я сошел.

Я хватаю, я схватил,
я хватаю, я беру.
Из Семи пришел Могил
и хватаюсь за игру,
я хватаю, я схватил.

ПЕСНЬ БОГИНИ МАИСА

Богиня Семи Изумрудных Змей,
богиня Семи Зернистых Стеблей,
поднимись, пробудись скорей.
Ибо ты, наша мать, в свой уходишь дом,
в Тлалокан, где все скрыто дождем,
возвращайся, мы ждем.

Воротись, Семизмейная, к радостям дней,
пробудись, наша Матерь Семи Стеблей,
поднимись, пробудись скорей.
Ибо вот ты уходишь — пока прощай —
в Тлалокан, в свой родимый край.
Снова к нам поспешай.

ПЕСНЬ БОГИНИ РОЖДЕНИЙ

Перед богинею, в томленье,
в ее божественном владенье,
в черепаховом сиденье
беременная родила.

Перед богиней в устремленье,
в ее возвышенном владенье,
на черепаховом сиденье
она ребенку жизнь дала.

Выйди, выйди, торопись,
выйди, милое дитя,
светом ранним засветись,
будь как перышко, блестя,
нежным жемчугом зажгись,
глянь, как звездочка, светя,
выйди, выйди, торопись,
торопись, торопись.

ПЕСНЬ О ВЛАДЫКЕ НАШЕМ, ИСПИВАТЕЛЕ НОЧИ

О испиватель ночи, зачем ты переоделся?
Вновь золотую свою одежду дождем окутай.

Из драгоценных камней, владыка,
твой дар — вода.
По водостокам струится влага,
в куст обращая перо кецаля,
чтоб драгоценной огнистой змейкой
росток мой выполз.

Маиса стебель, я не погибну, я не увяну.
Ты, мое сердце из изумруда,
стремишься к злату.
Тебя размелют, о мое сердце, и муж созреет,
и вождь родится для войн суровых.

Дай изобилье маиса, бог мой!
Его ростки перед тобою дрожат смиренно
и в ожиданье глядят на горы.

Тебя размелют, о мое сердце,
и муж созреет,
и вождь родится для войн суровых.

ПЕСНЬ В ЧЕСТЬ ШОЧИПИЛЛИ

На лугу, где мяч летает в игре,
яркоперый запевает фазан,
бог маиса отвечает ему.

На закате запевает фазан,
красный бог маиса вторит ему.

Пусть владыка тьмы услышит меня,
кто на бедрах носит дивный узор,
змей земли пускай услышит меня.

Эа, эа, знайте волю мою, жрецы Тлалока!
Эа, эа, жрецы Тлалока,
знайте волю мою.

Я пришел на перекресток дорог,
бог маиса,— по какой мне идти,
следовать?
Эа, эа, боги ливней, жрецы Тлалока.

ПЕСНЬ В ЧЕСТЬ БОГИНИ ЦВЕТОВ И ЛЮБВИ

Я — Шочикецаль, богиня цветов и любви.
Я из дождливо-туманной явилась страны.
Из Тамоанчана я, Шочикецаль, пришла.
Крона священного дерева высится там,
нежно-прохладные ветры поют
над девятью небесами.

Горестно плачущий Пильцинтекутли
ищет свою Шочикецаль.
Следовать хочет за нею
в край умиранья и скорби —
вот отчего он так плачет.

ГОНЧАР

Он тот, кто оживляет глину,
кто острым взглядом видит в глине формы,
кто глину мнет без устали руками.

Лишь тот гончар искусный и хороший,
кто столько вкладывает сил в работу,
что в глине трудно глину распознать.
Трудясь, у сердца просит он совета.
Он жизнь вещам дает, он их творец.
Он знает все, как будто он тольтек.

Он упражняет руки бесконечно.
Плохой гончар — он туп,
он слаб в искусстве,
он омертвляет вещи прикасаньем.

ТЛАМАТИНИ-МУДРЕЦ

Мудрец — это свет, это факел без дыма,
он — зеркало с глубиной бесконечной,
властитель красок, красных и черных,
списков и манускриптов древних.
Сам он — письменность, знанье, мудрость,
он — путь, он — вожатый в пути, наставник,
он направляет людей и предметы,
кормчий, вожатый людских поступков.
Истый мудрец осторожен, как лекарь,
заветы минувшего он сохраняет;
владея по праву накопленным знаньем,
он учит идущих за истиной следом.
Глашатай сущего, он помогает
себя обрести и себя увидеть;
он учит разумному домоводству;
людей научает слушать и слышать.
Наставник наставников, путь указуя,
он тот, от которого все мы зависим;
он ставит зеркало перед каждым,
чтоб в нем отразилась глядящего сущность.
Он все изучает и все направляет,

он мир освещает собственым светом.
Он знает, что происходит над нами
и что свершается в мире мертвых.
Он, тламатини, суров и сдержан,
но каждый им ободрен и обучен;
любовь человечную людям внушая,
их в истинных он людей превращает;
источник мужества, мира опора,
он лечит и исцеляет всех.

КУИКАНИ-ПЕВЕЦ

Певец — это тот, кто возносит свой голос.
голос протяжный, низкий и мягкий,
голос четкий и полнозвучный...

Он песни отыскивает и слагает,
кует, закаляет их, нижет на нити.
Голос певца закален обученьем,
чист он, и верен, и без изъяна.
Слова песнопевца точны, постоянны,
как круглые каменные колонны.
Дар песнопенья, острый и тонкий,
в сердце своем певец сохраняет.
Он ни о чем позабыть не может,
помнит он обо всем.

Пой же, дай волю звукам надежным,
как круглые каменные колонны,
вверх и вниз направляй свой голос,
пой уверенно и спокойно,
души умиротворяй...

Голос певца неумелого звуком
треснувший колокол напоминает,
он, как камень, сухой, шершавый,
сердце его мертво и недвижно,
съедено жадными муравьями,
не ведает ничего.

КУИКАПИККИ-ПОЭТ

Вот я начинаю, вот песнь созрела,
сюда я для пенья пришел из Тулы,
уже я могу запеть свою песню,
уже слова и цветы распустились,
слушайте, слушайте песнь мою!
Сердце мое, похититель песен,
где ты их ищешь и где находишь,
ты, собиратель и попрошайка?
В черное знанье и в красное знанье,
как живописец, войди, проникни —
и, может быть, жить перестанешь в нужде.

НАЧАЛО ПЕСЕН

Спрашиваю сердце: посоветуй,
где найти цветов дивнодушистых?
У кого спросить?
Блестку-изумрудинку-колибри,
птичку-муху? Или золотинку-
бабочку? Кого?
Может, им известно, где раскрылись
венчики цветов дивнодушистых?

Кинусь в лес сине-зеленых елей
и цветов огнистолепестковых.
Там под гнетом рос лучеобильных
венчики к самой земле пригнулись,
радуя своими лепестками.

Может быть, угодно будет им
в том лесу глазам моим открыться?
Я б набрал их полную накидку,
одарил бы самых благородных,
самым знатным я принес бы радость.

Здесь они, цветы: не говор гор —
песню их священную я слышу
около реки зеленоструйной,
у ключа с лазурною водою.
Он поет средь камешков, а вторят
птица-бубенец и пересмешник.
Звон гремушек разукрашен птичьим
пересвистом,
воздает хвалу владыке мира
песенным узором.

Говорю им: «О, простите, птицы!
Я мешаю петь вам, вопрошая».
Все умолкло, а потом я слышу
блестку-изумрудинку-колибри:
«Что, певец, ты ищешь?»
Отвечаю ей своим вопросом:
«Где найти цветов дивнодушистых?
Одарил бы я цветами теми
вам подобных».
Много птиц ответить пожелало:
«О певец, тебе мы путь укажем,
только одари цветами теми
благороднейших и с нами схожих».

И они дорогу указали
в недра горные земли-опоры-нашей,
в цветоносные ее глубины.
Там под гнетом рос ярколучистых,

несравненные своим нарядом,
в радужном тумане лепестки
щедроароматные склонялись.
И я слышу: «Рви их, о певец,
сколько пожелаешь, сколько надо
для подарка
благороднейшим и с нами схожим,
радующим взор владыки мира».

Я сбирал цветы в свою накидку,
щедроароматные, усладу
сердца,
и, цветы срывая, говорил я:
«Я один проведал это место,
но своим друзьям его открою.
Я приду еще сюда с друзьями,
и цветов нарвем мы много-много.
Мы придем сюда в любое время
за красой их и благоуханьем.
Вместе с песнями мы поднесем их
самым знатным, самым благородным
из мужей земли орлов и ягуаров.

Этими прекрасными цветами
я украшу самых благородных,
всех наизнатнейших увенчаю,
а потом я их повеличаю
песней,
и ее услышит тот-кто-с-нами».

А незнатным никаких подарков?
Где им взять цветов дивнодушистых?
Может, им сойти со мною в недра
цветоносные земли-опоры-нашей?

Разве им, сносящим только беды,
им, злосчастным, ничего не надо?
Лишь прислуживать тому-кто-с-нами?
Вспомнятся цветы земли священной,
и заплачет сердце от печали.

Смертные, не здесь, не на земле
благодать ищите:
нас в конце пути земного ждет
край счастливый.
Там я был и вместе с хором птичьим
пел, дивнодушистыми цветами
услаждался.
Только там цветы врачуют сердце,
веселят, пьянят благоуханьем,
веселят, пьянят благоуханьем.

* * *

Песен твоих изумруды нижу я,
из песен я делаю ожерелье,
тверда золотая оправа песен,
ими себя укрась.
Ничто не сравнится с твоим богатством!
По двое вскинуты перья кецаля,
стройно колышутся, вверх устремляясь,
черно-зеленые, красные —
ими
ты барабан украшаешь свой.
Ничто не сравнится с твоим богатством!

* * *

Граню изумруды и золото лью
для изделий,—
это песня моя.
В золото изумруды одеты,—
это песня моя.
Гранями камня город расцвечен
на лесной горе Колибри.
Мы — ожерелье, и мы — кецали.
Песен твоих изумруды
один к одному подбираю,—
так дружба нас на земле единит.

* * *

Солнце — в гербе твоем, а во владенье —
горе и муки. Пой же, певец.
Песен-цветов твоих яркая радуга
радует сердце мое.

* * *

На ткани цветочной
ты рисуешь слова,
слова своей песни,
благороднейший Несауалькойотль.

Ты цветами нежнейших оттенков
свое сердце украсил,
ты рисуешь слова,
слова своей песни,
благороднейший Несауалькойотль.

* * *

Ликуй с барабаном гремящим вместе
или уйди, если сердце захочет.

Ведь бабочка, как цветок воздушный,
меж людьми летает, покорна
только самой себе.

Вкуси от цветов, наслаждайся ими —
соками наших цветов!
Она порхает меж веерами,
в дыме табачном от наших трубок,
в лад с барабаном ликует она!

* * *

Даже смарагды могут разбиться,
даже золото в прах распасться
и облететь — оперенье кецаля...
Мы живем на земле не вечно —
лишь мгновенье, лишь миг мы здесь!

Падают, как семена, изумруды,
цветы рождаются, благоухая:
это песня твоя!
Как только ты к небу цветы вздымаешь,
над Мехико солнце встает!

* * *

Блеск бирюзы, пестрота плюмажей —
вот твои мысли, о жизнедатель:
смертных жалея, милость им даришь —
мгновенье рядом с тобой.
И распускаются, как изумруды,
твои бутоны, о жизнедатель:
расцветшим пышно и чуть раскрывшим
свой алый венчик — всем им дано лишь
мгновенье рядом с тобой.

* * *

Даже если все это правда,
что жизнь земная — одни страданья,
что так на земле всегда, неизменно,
нужно ли вечно всего бояться,
нужно ли вечно дрожать от страха,
нужно ли вечно рыдать?

Зачем так заведено в этом мире,
что вечно в нем господа, властелины,
что есть правители, знатные родом,
ягуары есть и орлы?

Но кто же сказал, что это навеки
и что таков бытия порядок?
Кто на себя навлекает гибель?
Есть и жизнь, есть и желанья,
битвы есть и труды!

* * *

Когда я страдаю —
стараюсь бодриться:
если грустны мы,
если мы плачем —
все это скоро кончится вмиг.

* * *

Изумруды граню,
напоенные солнцем,
на бумагу кладу
перья птицы зеленой,
вспоминаю исток,
зарождение песни,
собираю в пучки
золотистые перья —
это и есть прекрасная песнь!

Я сплетаю венок
изумрудов бесценных,
чтоб раскрытые венчики
всем было видно.
Этим я ублажаю
моего господина.

* * *

Безбрежно счастлив тот,
кто бирюзу шлифует —
шлифует песнь свою;
она сверкает,
подобно перьям радужным кецаля,
когда легко колышется плюмаж.

* * *

Как семена, цветы летят,
и колокольчики звенят —
это твой барабан, поэт.

* * *

Прорастают цветы
и пышно цветут; укрепляясь,
бутон раскрывают они;
цветущую песнь из души своей
ты извлекаешь,
ее отдаешь ты, она создается для всех.

* * *

Вот он — цветок, вот она — песня;
золото лью, изумруды сверлю я,
их оправляю: вот моя песня!
Счастлив, кто песню шлифует, как камень,
чтоб сияла, как щит с опереньем кецаля!
Это Тотокиуацин.

Чтят тебя вровень с божественной птицей,
с красно-пламенной, с зелено-синей;
сердцем возрадуйся, пей многоцветье,
песню впивай из ярких рисунков.
Ты простираешь крылья кецаля,
в черном, в зеленом ты оперенье,
о птица лиловая с красной шеей,
цветок ароматный слетел на землю —
пей его мед!

* * *

Край несметных злаков,
спрятан Тамоанчан под цветущим древом.
Древо простирает корни, раскрывает
лепестки соцветий.
Вы оттуда, птицы в черных, золотистых,
синих и зеленых перьях
и кецаль зеленый, нами чтимый.
Вы же, гуакамайи, огненные птицы,
порожденья солнца,
из Ноноуалько, из страны прибрежной.
Солнечного птица ждет восхода
в доме водяного моха,
хохолок цветет синим и зеленым.
Будешь ты разбужен рыжей гуакамайей
и зелено-синеперою певуньей,
птицею рассвета.
Страх наводит пенье гуакамайи,
той, что ночью сон твой охраняла
вместе с черной и зеленой птицей
и с зелено-синеперою певуньей,
птицею рассвета.

Тамоанчан, край цветов раскрытых,
вместе с ними ты вождей прислал нам.
Мотекусомацин и Тотокиуацин —
оба вы оттуда,
и во двор цветов пришли вы оба,
над собою песню воздымая.
О, как зацветали от прикосновений
ваши барабаны,
о, как зацветали в ваших пальцах бубны!
Вы во двор цветов явились оба,
над собою песню воздымая.

Что поведать песней хочешь, гуакамайя,
солнечная птица?
То звенит бубенчик. Ли-ли, ли-ли!
Звуки медом напитались.
Возликуйте: сердце в песне разорвалось,
и расцвел цветок.

Это над цветами бабочка порхает,
вьется и кружится, всасывает мед.
Возликуйте: сердце в песне разорвалось,
и расцвел цветок.

* * *

Яркость цветов, песнопения празднеств
он источает — слушайте, люди!
Дом его пышный во мхах воздвигнут,
дом его бабочками наполнен,
света полна его песнь.
Ярок цветок на сияющем троне,
песнь его сеет цветы. Блаженство!
Флейты цветущие ждут его в доме,
труб ликованье и песнопенье,
счастье в доме живет.
В доме, увенчанном ахрой цветущей
и водяными цветами одетом,
ты, жизнедатель, на ложе мягком
из вечноцветущего мха!
Пахнет маисом красный цветок твой,
в Мехико, здесь, раскрывает он венчик,
бабочки мед золотой впивают,
пьют его птицы, схожи с орлами,
дом твой в цветах водяных из яшмы,
как золото солнца, из ахры яркой,
в Анáуаке ты вождь.

Кружат цветы и звенят колокольцы —
это твой барабан, повелитель.

Красный цветок ты из огненных перьев,
в Мехико, здесь, раскрывающий венчик,
миру даешь ты благоуханье,
им наслаждаются люди мира.
Яркий упал изумруд на землю —
цветок родился — родилась твоя песня!
Если в Мехико будешь петь ты —
солнцу над ним сиять.

ПЕСНЬ БОГУ ВОЙНЫ

Вот он лежит, изумрудами весь опоясан,
он светозарен, как дивные перья кецаля,
Мехико-город.
Быстро ладьи проплывают
во все направленья,
воины в них и вожди.
Цветущий туман навис над людьми —
это твой дом, жизнедатель,
ты в нем владычишь и правишь,
песню твою грознозвукую слышит Анауак.
Белый тростник вместе с ивою белой одели
Мехико-город.
Ты проплываешь над ним,
точно синяя цапля,
крылья простерши.
Слуги твои, покорившие многие земли,—
славы твоей украшенье.

. . . . . .

Кто послужить жизнедателю сможет?
Небо и землю держащему богу?

Плещется пламя его повеленья.
В небе зарю зажигает
воителя голос.
Вот он, твой город, о Мотекусома,
Аколуакан же твой — Несауальпилли.
Вот опахала несут из кецалевых перьев,
вот на ладьях проплывают, вздыхая,
полны печали.
Теночтитлан каково им покинуть?
Что им предскажет тот-кто-над-нами?

ПЕСНЯ-ТАНЕЦ

Дрожит земля: то песню заводят мексиканцы.
Ее заслышав, пляшут орлы и ягуары.

Приди к нам, уэшоцинка, и на лугу орлов
увидишь мексиканцев, неистово кричащих.

Там, на помосте стонов,
уже приносят жертвы у самого подножья
горы орлов, укрытой щитом густых туманов.

Под гром гремушек, скрыты
щитами, как туманом,
своих врагов заклятых
повергнут чичимеки-мексиканцы.

Под гром гремушек, в шлеме
с кецалевым пером,
орлы и ягуары из-за щитов врага
разят горящим взглядом,
глаза их смертоносны.

А ну, скрести со мною свой взгляд:
я мексиканец

и в дом, щитами скрытый,
с упорством поднимаюсь.
Один я? Неужели здесь никого из наших?
Скажи, куда ты, воин?
Что о себе расскажешь?
Ах, я рожден на пашне войны: я мексиканец.

В Аколуакане вспыхнул огонь войны
священный,
вино богов великих запенилось, и битва
сплелась,
и побежало пламя по берегам пожаром.

Я птица вод цветущих, я праздничная птица
в цветущем оперенье,
я поднимаю песню на небеса, я сердцем
в Анауаке живу.
Я окуну цветы в поток, багрящийся кровью,
я одарю и опьяню цветами знатнейших.

Страдаю я, в груди певца сжимается сердце.
На берегу я Девяти Потоков, о братья.
Пришел я воина в земле украсить цветами.

Я в ожерелье из цветных округлых каменьев,
его надел я на себя, его заслужил я:
да воссияет жизнь певца такою же славой.
Я на земле цветущей отмечен и славен.

Лишь петь умею я, творец сверкающих песен.
Я исторгаю из груди лишь звуки печали.
Я песнями навеки пьян,
я на земле моих отцов отмечен и славен.

До нас дожили в письменах
творенья тольтеков.
И я певец, и песнь моя пребудет вовеки.
Моими песнями меня помянете, слуги.
А мне, мне суждено уйти,
в долине желтых перьев лечь навеки.
О, горько матери мои меня оплачут.
Вот осыпается зерно маиса: жалок
початок голый.
Таким же буду я: костей цветущей горстью,
на побережье желтых вод лежащей.

Не будет у меня рабов и слуг,
украшенных пером кецаля.
Мне суждено уйти и там,
в долине желтых перьев, лечь навеки.
О, горько матери мои меня оплачут.
Вот осыпается зерно маиса: жалок
початок голый.
Таким же буду я: костей цветущей горстью,
на берегу, у желтых вод
простертый, мертвый.

ПЕСНЬ УЭШОЦИНКОВ

Вот пришел к тебе я, о Мотекусомацин,
твое сердце
тронуть письменами; совершая это,
трепещу я:
так цветок-улыбка-бабочка трепещет
блестками-крылами,
услыхав призывы раковин к сраженью.
Я пою под звуки изумрудной флейты,
я на золотой трубе играю.

Лишь твоих цветов я, жизнедатель, алчу,
собранных отвагой на полях сражений,
песен с лепестками.

У меня на сердце из цветов огнистых
желтая гирлянда;
слово-лепесток никогда не вянет.

Пусть, наш благодетель, цвет благоуханный,
не всегда мы будем
в этот дом твой вхожи, ныне пред тобою
мы вкусим веселья.

На горе сражений четырьмя ветрами
жизнедатель явлен в радуге цветущей.
Вот орел клекочет над долиной,
пестроперый.

И, крыла огнисто-яркие расправя,
под его лучистым взором я взлетаю,
бабочкой парящей повисаю в звуках
раковин зовущих, и не умолкает
моя песня.

К озеру лечу я и кружу-порхаю
над сине-зеленым.
А оно клокочет, пенится, вскипает.
Я же обращаюсь в голубую птицу,
плавного кецаля.
Я из Уэшоцинко путь сюда проделал.

Как мои соседи, я хочу увидеть
облик дивной птицы,
синеперой птицы, пестроперой птицы,
бабочки из злата,
мир Уэшоцинко стерегущих,
над срединой озера летая.

В лучезарных водах озера смешались
изумруд и злато; проплывает с криком
селезень прекрасный:
на волне колышась, он хвостом сияет.

Я тоскую сердцем далеко́-далёко
от родного дома.
Но дана судьба мне — петь и мои песни
украшать цветами.

На цветы гляжу я, сорванные мною,
и пьянеет сердце: где бы ни бродил я,
в нем тоска и слезы.

Изумруд — для взора, благовонье
для души — ты, песня.
Только б в моих пальцах лепестки не вяли.

Вы, цветы и песни, точно ожерелья
из камней ценнейших.
Будем веселиться, други! Ведь не вечно
на земле мы живы.

Плачу: одинокий в тайный край уйду я,
и цветы оставлю, и покину друга.
Радуйся, покуда жив и слышишь песню:
для тебя пою я.

Об одном лишь плачу я, певец: не будет
в доме солнца песен.
Не для звуков дивных и цветов прекрасных
ты, обитель мертвых.
Там они вовеки не переплетутся.

Даже знатным, други, не забрать с собою
украшений, песен и своих отличий.

ПЕСНЯ СИРОТСТВА

Ничто не в силах утешить сердце.
Как жить на свете?

В отчизне песен родились предки
для жизни новой.

Пока страдаю я на земле,
там, в жизни новой,
их собирает ли в тесный круг
веселье празднеств?
Не знаю — песню мне пробуждать
и возносить ли?
Здесь нет их больше.
Здесь нет их больше, где барабаны.
Покинут всеми,
один в тумане лежать я буду.

А сердце спросит: одна земля
дана нам, смертным,
для пребыванья?

И лишь страданья переносить
познавшим в жизни одни печали?
Где разыскать мне и где нарвать
цветов душистых?
Я сорван буду подобно им.
Сюда вернусь ли?

Иль, вновь посеян, в отца и мать
опять войду я своею плотью?
И как початок я зазернюсь и сладкосочным
плодом созрею?

А слезы льются: одни мы,
нас осиротили.
Как путь найду я в отчизну мертвых?
В страну забвенья, куда сойдут
все друг за другом?
Там, по преданьям, опять живут.
Но правда ль это,— увы, не знаю.

Возможно, это обман души?
В свои лари навеки прячет
нас жизнедатель.

Смогу ли встретить своих родных
в краю туманном?

Впериться взором в отца и мать,
их поприветить
и даже песню от них услышать,
услышать слово,
какого здесь мне так не хватает?
Как безутешно здесь сироте и одиноко.

ПРИЗРАЧНАЯ ДРУЖБА

Я грибное пил вино, сердце плачет.
Только мучусь на земле я, злосчастный.

Все-то думаю, как мало изведал
на земле услад-утех я, злосчастный.

Пред глазами вижу смерть я, злосчастный.
Что мне делать? Не найти мне спасенья.
Вы во гневе замышляете что-то.

Разве мы не одного ожерелья
драгоценные каменья? Отчего же
ничего не могу я поделать?
Вы во гневе замышляете что-то.

Друг мой, друг мой, несомненный, неложный,
мне в друзья предназначенный свыше,
может, с наших мы цветов захмелели?

Что же, други, не скорбите вы сердцем?
Вы же знаете, как я это знаю:
наша жизнь уйдет — ее не воротишь.

Всякий смертный спустится однажды
в край непостижимой тайны.
На земле лишь узнаём мы друг друга,
здесь мы гости.

Кто во гневе, тот радости не знает.
Жизнь украсьте миром и весельем —
ведь земля так просторна!
Не ищите себе смерти, о други!
Вот бы и она про нас забыла!

Ведь живем мы все с разбитой душою:
нас выслеживают, нас подстерегают.
Так не раньте же себе сердце,
не живите на земле понапрасну.
Не ищите себе смерти, о други.
Вот бы и она про нас забыла!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ АУИСОТЛЮ

Начиная песню посреди цветов,
на руки возьму я моего малютку,
перепеленаю —
нынче заслужил он покачаться.

Поиграй цветами, поиграй гремушкой
и не плачь, Ауисотль.

Мне ли не баюкать, девушке, тебя,
маленький Ауисотль.
В колыбели из щитов ты будешь
за моей спиною, сын войны, качаться.

Раздадутся зовы бубнов, и я горько
по тебе заплачу, сын войны цветущей.

Из цветов душистых молоко грудное
у меня, малышка-воин Ауисотон.
Спишь ты, а сердечко нежится цветами,
мой малышка-воин Ауисотон.

Мел готовят, перья, будут наряжаться;
и с цветами плачей там цветы сраженья
вдалеке задвигались-заколыхались
на стенах Атлишко.

Как цветы войны начнут сплетаться,
наберут букеты воины из Чалько,
широко простерлось священное древо,
шум-движенье на стенах Атлишко.

Ты не плачь, тебя я, мальчик, спеленаю.
Как тебе удобно будет в колыбельке.
Вот отец вернется, тебя покачает.

Я тебя растила, и я сердцем чую:
твой отец вернется, тебя покачает.

Не расти так быстро — скоро ты напомнишь
брата, будешь точно брат Ашайакатон.

На земле лишь девственность нам радость
да утехи плоти — не расти так быстро:
будешь точно брат Ашайакатон.

Что же ты, глупышка, рта не закрываешь?
Мой малыш желанный просится на руки?

Я возьму малютку, сладко приласкаю.
Ты уймись-утихни, мой малыш желанный.

На тебя цветы взглянули — загляделись:
так хорош собою мальчик Ауисотон.
Ты уймись-утихни, мой малыш желанный.

Точно щит, узором лик свой разукрашу:
так нам, мексиканкам, повелел обычай,
и пускай рисунок дым войны покроет —
так желают боги, кем наш облик слеплен.
Как цветы сраженья, мой узор оценят...

БУКЕТ ПЕСЕН-ЦВЕТОВ

I

Прихожу я, улыбчивый, радостноликий.
Как цветы, мои песни сплелись
и раскрылись.

Поднимается белый цветок у жилища,
где живешь ты, где трубы рокочут
и блещут скрижали.

Начинается песнь, и цветы ароматом
исходят,
прорастая и жизнь наслажденьем даря.

Ах, цветы изливаются,
жизнь наслажденьем даря.

II

Вот пришел и цветы вам дарю,
дивных песен пьянящий цветник,
я, улыбчиволикий.

Вот к истоку пришел, к роднику,
подарить вам пьянящий цветник
я, улыбчиволикий.

Много разных цветов я принес
для тебя.

Я их столько принес, сколько мог.
Я с корнями их рвал для тебя.
У жилища, творец, твоего
посажу их — они прорастут,
ароматом струясь.

Жизнедателя мы усладим
и тебя, цветоносная мать.

В солнце плещется птица кецаль,
и топорщутся крылья ее:
так, взойдя на скрижалях,
зацветает посев.

III

Одеянье из хлопка, кролик, олень — это я,
окровавленный кролик, олень большеглавый
и песнь — это я.
Мы раскроем скрижали цветущие,
в них песни найдем,
теми песнями, бог, мы в праздник
восславим тебя.

Распростерлось священное древо,
цветами струясь.
Здесь сойдясь, мы увидим: в ветвях его
дивный фазан
бога чтит, и мы тоже почтим,
песнь к нему вознеся.

Из жилища его я услышал ответ —
где при нем нам плясать,
где веселье творить.

IV

Точно дрозд несравненный,
я, улыбчиволикий,
изливаю лады своих песен.

Точно дрозд несравненный,
я струю мои песни,
подбирая к оттенку оттенок.
Окровавленный кролик, исходя, обагряет
у ручья лепестки. О знатнейшие, вот он.

Золотая пьет бабочка соки цветка.
О друзья, разрывается сердце мое,
изливаясь цветами.

V

На поле боя цветами войны
я изливаюсь, улыбчиволикий.

Птицей кецалем прилетел я
на поле боя.

Певчим дроздом над нопалем кружу
я, окровавленный кролик.

Вот я: за мною худая молва.
Вот я: зловещесверкающеокий.

На поле боя опали цветы.
Только один, окровавленный кролик,
я над нопалем кружу.

VI

Я, Чауичалоцин, появляюсь снова
и пою вам.
Слышите — я зерна песен рассыпаю?
Черепаший панцирь льет цветы напева.

Вот на тростниковый восхожу помост
я, Чауичалоцин, рассыпая зерна
песен.

Вот я наливаюсь силой песнопенья,
звуки прорастают, венчики раскрыв.

Вслушайтесь: поет похититель песен.
Как ты можешь, сердце, черпать их,
страдая?
Даже мучась, сердце, ты изображай их
точно, как рисунок.

ДРУЖБА

Жизнь нам дарит весною цветущий
початок маиса.
Он, огненно-рыжий, для нас светоносен,
и нам драгоценные бусы на шею повесит
сознание верности дружбой
сплоченных сердец.

МУЖАЙСЯ!

Не сокрушайся ты, мое сердце: в сраженье
смерти ищу я от острого обсидиана!
Наши сердца только гибели ищут в сраженье.

Слушай, о воин: в сраженье
смерти ищу я от острого обсидиана.
Наши сердца только гибели ищут в сраженье.

ЦВЕТОК-КОЛИБРИ

Целый день порхаю
над цветущим древом
я, цветок-колибри:
клювик в наслажденьях купаю,
язычок мой сладок.

АЛАЯ ПТИЦА БОГИНИ

Алая птица твоя, Шочикецаль,
вьется-кружит, услаждаясь цветами,
меда от каждого венчика хочет отведать,
вьется-кружит, услаждаясь цветами.

ЦВЕТОК И ПЕСНЯ

Вот проросли цветы и, свежие, раскрылись,
вот потянули к солнцу лепестки.
Растут из сердца твоего соцветья песен,
и ты, певец, их изливаешь на других.

НОВЫЕ ЦВЕТЫ

Вот и цветы появились!
О высочайшие, в них облачитесь,
роскошью их овладейте!
Вам мимолетные лик свой явили,
светом мгновенным лучась.
Только весною они совершенны.
Склона горы достигая, желтеют
тысячи их лепестков.

ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ

Бабочка золотая пьет из цветка.
Этот цветок раскрытый — сердце мое.
Как ароматен, други, этот цветок.
В дождь осыпает он свои лепестки.

ПТИЦА И БАБОЧКА

Алая птица небес о чем-то поет.
Пьет она мед, и льется теньканье-звон.
Сладостно ей: раскрылось сердце ее
дивным цветком.
Бабочка прилетает, вьется-кружит,
плавно парит-порхает, крылья раскрыв.
Вот на цветок присела, пробует мед.
Сладостно ей: раскрылось сердце ее
дивным цветком.

* * *

Я говорю:
пусть только три,
три наших песни-цветка,—
кончилась наша скорбь,
наша досада.

Други мои,
не всякий час
радость живет на земле,
но утешает всегда
верная дружба.

Тлальтекацин

* * *

Здесь в одиночестве воспеваю
я мое божество.
Здесь изобилье тепла и света,
здесь могущества средоточье,
здесь, торжествуя, цветет какао,
чей аромат пьянит.

Я к божеству моему вожделею,
я наслаждение предвкушаю,
им опьяняется мое сердце,
сердце воистину знает его.

Птица красная с шеей атласной,
птица, несущая пламень и свежесть,
свет от цветов, сплетенных гирляндой,

о, моя мать!
Женщина, чаша со сладким соком,
цветок подрумяненного маиса,
ты служишь другим и все отдаешь ты,
ты будешь покинута,
плоть утратишь,
сгинуть придется тебе.

Сюда пришла ты, здесь ты явилась
перед властителями и вождями,
женщина, чудо и совершенство,
ты к наслаждению призываешь,
на ложе из желтых и синих перьев,
здесь утвердилась ты.
Цветок подрумяненного маиса,
ты служишь другим и все отдаешь ты,
ты будешь покинута,
плоть утратишь,
сгинуть придется тебе.
Вот, торжествуя, цветет какао,
пеной на нем лепестки возникли,
цветок табака раскрылся уже.
Если б влекло к опьянению сердце,
жизнью я мог бы здесь упиваться.
Вы — повелители, люди власти,
но каждый из нас вождь и властитель,
и если б влекло к опьяненью сердце,
жизнью я мог бы здесь упиваться,
здесь, на земле.

Несауалькойотль

* * *

Я, певец, начинаю песню,
цветы вам дарю я, в них наслажденье,
счастье на этой земле.

Как ты, певец, богат безмерно!
Счастлив ты, цветы заслуживший,
ты, заслуживший увидеть песню!
Людям ты раздаешь гирлянды,
цветы из уст твоих раздаешь ты,
их для людей ты собрал.
В них для людей блаженство, услада,
счастье на этой земле.

Я оттуда, где перья кецаля
бабочек украшают —
вот начинаю я песню свою.
Я певец, мое сердце вмещает
тысячи красок и линий —
вот начинаю я песню свою.

С нею на миг озаряет нас радость,
с нею на миг восторгается наше
сердце на этой земле.

Я — Йойонцин: жажду цветов я,
я распеваю цветущие песни,
жажду содружества, жажду союза,
я, распевая цветущие песни,
страстно жажду цветов.

В мир я пришел, чтоб рыдать,
печалясь,
я — песнетворец, уйдут ли следом
песни-цветы за мной?
В них бы я в Царстве Теней
облачился...

Вновь я грущу: лишь в цветок
превратившись,
смертный возвысится на мгновенье,
весна лишь на миг одаряет цветами,
так наслаждайтесь же ими, люди:
я погружаюсь в грусть.

* * *

Неужто, подобно цветам, я сгину
так, как они друг за другом гибнут?
Неужто в ничто превратится слава
и слух обо мне на земле исчезнет?

Хоть бы цветы, хоть бы песни остались!
О, что же делать бессильному сердцу?
Зря мы, впустую приходим в мир.

* * *

Услаждайтесь,
опьяняйтесь цветами,
которые с вами.
Украшайтесь,
из цветов ожерелье сплетая.
Как свежи они в пору дождей
и свои лепестки раскрывают.
Вон пролетает птица; трещит и трезвонит,
дом жизнедателя хочет проведать.

Только цветы нам услада,
только одни наши песни
сердца печаль утоляют,
даже тоска их боится.

Их вечный жизнедатель создает,
их сотворяет высший судия.
Цветы пьянящерадостны для нас,
не смеет к ним приблизиться тоска.

* * *

Цветы и песни —
богатство наше и украшенье.
Цветы весною
придут украсить наш путь короткий.

Счастливо сердце мое наконец:
слушаю песню, гляжу на цветок.
О, если б им не увянуть вовек!

* * *

«Это он, это он-то истин?» —
восклицает иной в бреду,
о, тот-кем-все-дышит.
«Истин? Неистин?» —
так они говорят.
Только бы не сейчас
нашим сердцам горевать.

Как бы ни был он истин,
они говорят — неистин.
Будет презренье ответом
того-кем-все-дышит.
Только бы не сейчас
нашим сердцам горевать.

* * *

Ах, чему быть —
тому быть.
Не найти утешенья мне здесь,
на земле.

Я родился, как все,
в мир пришел, как любой человек:
безутешность одну
суждено мне узнать
на земле, населенной людьми.

Други мои,
можно участья в ближнем искать
лишь на земле.

Кому пришел черед, кому придет —
как пожелает
наш жизнедатель.
Мы все однажды в дом его уйдем —
о други, будем добывать утехи!

* * *

Ах, уходить-то ведь мне одному,
я совсем одинокий уйду
в его дом.
Доведется ли новые беды сносить?
Или там нам откроется мир
без забот и скорбей?

Сколько в мире людей,
столько с ними живет
мук, печалей и бед.
Доведется ль кому увидать
мир без слез и скорбей?

* * *

Спрашиваю я, Несауалькойотль:
разве мы живем с корнями в почве?
Нет, не навсегда мы на земле —
только ненадолго.
Из нефрита будь — искрошится,
будь из золота — источится,
будь из перьев кецаля — обдерутся.
Нет, не навсегда мы на земле —
только ненадолго.

* * *

В темное, в тайное я проникаю.
Вы, о владыки, внемлите:
все мы,
сущие, смертны
и до единого, люди,
с лика земного исчезнем,
в землю сойдем...
Все мы сотремся,
точно рисунок,
точно цветы,
все мы
иссохнем.
Как оперение гибкошеей
птицы сакан,
мы иссякаем.
Мыслью раскиньте, орлы
и ягуары,
будь вы из злата,
будь из нефрита —
все вы уйдете в страну
покинувших плоть.
Всем нам придется исчезнуть,
здесь никому не остаться.

* * *

Я охмелел, я печалюсь, плачу,
думаю и говорю.
Вот что во мне сокрыто:
не умирать бы,
не исчезать.
Вот отыскать бы страну,
где о смерти забыли,
откуда ее изгнали.
Не умирать бы,
не исчезать.

* * *

Куда мы уходим?
В обитель бессмертья?
Зачем же вы, слезы?
Крепись, мое сердце:
никто здесь не вечен.
И самые знатные — смертны,
и бренность их — пепел.
Крепись, мое сердце:
никто здесь не вечен.

ВЕШНЯЯ ПЕСНЯ

Выучи песню
в доме письмен
и начинай.
Лейся цветами, певец,
песнями радуй.

Песня струится
за бубенцами,
наши цветущие бубны
ей отвечают.
Лейся цветами, певец,
песнями радуй.

Вот запевает
красный фазан.
Песня струится
влагой дождя.
Дивно-красиво,
стройно-согласно
вторят фазану
красные птицы.

Книга письмен — твое сердце,
ты пробудил барабаны,
ты появился
с песней, певец.
Ты начинаешь веселье
в доме весны.

Ты изливаешь
дождь благовонно —
свежих цветов.
С песней, певец,
ты поднимаешь веселье
в доме весны.

Айокуан Куэцпальцин

ДА ПРЕБУДЕТ ЗЕМЛЯ!

«Да пребудет земля наша вечно!
Да стоят нерушимо горы! —
так говорит Айокуан Куэцпальцин
здесь, в Тлашкале, в Уэшоцинко.—
Пусть насытят всех без изъятья
и румяный маис, и какао.
Да пребудет вечно земля!»

Куакуауцин

* * *

Страстное сердце
в цветы влюблено —
пусть они будут моими!
С песней страдаю
и с песней живу
я, Куакуауцин.
Страстно люблю я цветы,
пусть они будут моими!
Счастья мне нет на земле.

Куда нам пойти,
чтоб от смерти укрыться?
Если бы вдруг я стал
изумрудом,
если бы золотом стал,
был и тогда бы я в тигле
расплавлен,

был бы навылет, сквозь сердце,
просверлен
я, Куакуауцин.

Страстно люблю я цветы,
пусть они будут моими!
Счастья мне нет на земле.

* * *

Да раскроется сердце твое, как цветок,
да живет устремлением ввысь...
Ты меня ненавидишь, готовишь мне смерть.
Я уйду в его дом,
я исчезну навек...
Не по мне ль ты слезу уронил?
Запечалился ты не по мне ль,
о мой друг?..
Только я ухожу, ухожу в его дом.

Мое сердце молчит.
Я уже не вернусь.
Мне уже никогда не бродить по земле.
Я один, я один ухожу в его дом.

* * *

Будь, о дружба, меж нами!
Мы друг другу откроемся сердцем.
Вознесем к нему песню,
как цветы — благовонье.
Нам навеки идти в его дом.
На земле остается от нас
только слово, лишь песня.

Мы уйдем и оставим
вместе с песнями наши печали.
Только в нем открывается каждый,
наливается истиной песня.
Нам навеки идти в его дом.
На земле остается от нас
только слово, лишь песня.

Песню услышу и, грустный,
сердцем восплачу.
Вместе с землей
и цветы нас
покинут.

Взятое в долг мы оставим другим.
Всех нас он в доме своем ожидает.

Вот я набрал для гирлянды
разных цветов,
только не взять мне с собою
ни стебелька:
вместе с землей
и цветы нас покинут.
Взятое в долг мы оставим другим.
Всех нас он в доме своем ожидает.

Песни твои, о жизнедатель,
мы собираем,
как изумруды
или как дружбы дары.
Мы наполняем их жизнью своею
здесь, на земле.

Ашайакатль

ПЕСНЬ СТАРИКОВ

Опьянели мы, мешики, в Мичуакане,
нас позвали на пир, мы пошли за добычей,
мы пришли и вконец захмелели от боя.
Как мы воинов, старых орлов, потеряли?
Как же мешики воевать теперь будут,
старики, чуть не мертвые от похмелья?
Мы ведь, мешики, не со старухами бились! —
говорю я сегодня, я, Ашайакатль.
Там оставили деда мы, Какаматона,
там я голос его, опьяневшего, слышал.

Собрались старики —
Тлакаэлель, Кауальцин,
боевые орлы, постаревшие в войнах,
собрались, чтоб вождям
дать напитка хмельного,
тем, что в Мичуакан поспешили сражаться.

Может, там неожиданное пораженье
куэштеков постигло и тлателольков?

Сакуацин, Тепенцин, Сиуакуэльцин,
умудренные разумом, храбрые сердцем,
восклицают:
«Все слушайте! Храбрые, что ж вы?
Разве с жизнью расстаться вы не готовы?
Разве вы принести себя в жертву
не в силах?..»
И они увидали, как воины наши
побежали, как золото задрожало
и поблекли знамена из перьев кецаля.
Лишь бы воинам пленными
стать не случилось!
Торопитесь — чтоб этого не было с вами!

Если воины юные пленными станут,
в жертву их принесут, обрекут на закланье,
если это случится, что делать мы будем?
Зарычим мы свирепо, как ягуары,
мы, орлы, старики, заклекочем орлами;
избегайте же плена, страшитесь закланья,
торопитесь — чтоб этого не было с вами!

Я, прошедший сквозь битвы,
я, Ашайакатль,
неужели же в старости слово дурное
о вождях, об орлах своих храбрых услышу?

Да не будет такого, о воины-внуки!
Если это случится, то я вас оставлю.
Будет много кровавых цветов в подношенье,
воин юга в покров из цветов облачится.

Я унижен, подавлен, стыдом я охвачен,
я позором покрыт, дед ваш, Ашайакатль.
Внуки-мешики, не поддавайтесь бессилью,
если вы побежите, то вас уничтожат,
и бесславно падет жезл из перьев кецаля,
и утратит его дед ваш, Ашайакатль.

Многократно израненные камнями,
внуки-мешики стойко врага отражают,
внуки-мешики, с лицами в ратной раскраске,
крепко держат щиты и знамена с цветами,
всюду слышится гром боевых барабанов.
Настоящие мешики, воины-внуки
строй сомкнули, рядами стоят боевыми,
крепко держат щиты и знамена с цветами,
всюду слышится гром боевых барабанов.

На циновке, достойной орлов, ягуаров,
я пою вдохновенно — Ашайакатль.
Итлекацин из раковин извлекает
трубный звук,
и хоть перья кецаля дымятся,
он щитом прикрывается, неутомимый,
мечет дротики он и врага поражает,

ими ранит противника он, Итлекацин,
хоть дымятся от пламени перья кецаля.

Еще живы мы, ваши отцы, ваши деды,
еще сила жива в наших копьях и стрелах,
ими славу и честь мы добыли народу.
Но и вправду пришла к нам
сегодня усталость,
да, и вправду старость уже наступила,
потому я скорблю, дед ваш, Ашайакатль,
вспоминая друзей и соратников старых,
из Куаунауака друзей, из Текалько.
Если б все они здесь появиться могли бы,
те вожди,
что когда-то прославились в Чалько,
да, пришли бы сюда, взяли б звонкие бубны,
и бойцы-ветераны вокруг собрались бы!

Вот над чем я смеюсь,
дед ваш, Ашайакатль:
я смеюсь и над вашим оружием бабьим,
и гербы ваши бабьи мой смех вызывают...
Победители, воины дней миновавших,
вам воскреснуть пора!

Макуильшочитль

ПОБЕДА НАД МАТЛАЦИНКАМИ

Я, Макуильшочитль, песнь возношу.
Да усладится наш жизнедатель —
эй, начинайте пляску.

И в доме мертвых — его жилище,
он направляет рукою песню.
Эй, начинайте пляску.

Пускай взывают к тебе, Ицкоатль,
те, кто при Чалько
был нами сломлен и покорился:
ты частоколом из копий обнес
весь Тлакотепек.
Сплелись с бумажными вымпелами
цветы в сраженье,
ты матлацинков потешил ими
и в Тлакотепеке, и в Толуке.

Теперь цветами и вымпелами их всех одарит
наш жизнедатель.

Щит деревянный держа рукою,
на поле боя в пылу сраженья
берем мы пленных, презрев опасность.
Равны красою цветы и песни.
Да усладится наш жизнедатель
врагов отрубленными головами.
В руке не дрогнет, о Ашайакатль,
твоя макана.
Как цветоносна твоя макана в цветенье боя.
Добыл ты ею напиток дивный,
нас опьянивший.
По нашей воле свои цветы война раскрыла
и в Экатепеке, и в Мехико.

Ах, мы пьянеем в угаре битвы
и наступаем.
Да будет славен ваш каждый воин,
Аколуакан, Тепанекапан.

Несауальпилли

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Фрагмент

Один я, и сердце плачет.
Всходит заря, и поет
там, над стеною копий
и над стеной щитов,
желто-багряный сакан.
Знаю, блажен Тлакуэпан,
знаю, блажен Куашомотль,
Куашомотль из Куэштлана!

Он, от цветов захмелев,
так и остался навеки
на берегу среди птиц.
. . . . . .
Знаю, блажен Тлакуэпан,
знаю, блажен Куашомотль,
Куашомотль из Куэштлана.

Тотокиуацин

ПЕСНЯ О ПТИЦАХ

Я стучу в барабан: усладитесь, о други.
Подпевайте: то-то-то, ти-ки-ти, ти-ки-ти.

И цветы нежнокроткие в доме Тотокиуацина
подпевают: то-ти, ки-ти, то-ти, ти-ки-ти.

Усладись ликованьем, земля:
то-ти-ки-ти, то-ти,
то-ти-ки-ти, то-ти, то-то-то-то,
ти-ки-ти, ти-ки-ти.

Скачут мелкие камешки в сердце моем:
то-то-то-то.
Золотыми цветами себя я украсил.
Много разных цветов у меня: ими праздник
я украшу.
То-ти-ки-ти, то-ти,— я пою,—
то-ти-ки-ти, то-ки-ти.

Эа, песня стучит в твоем сердце:
то-то-то-то-то-то.
Вот цветы: я дарю их, дарю
говорящие знаки.
То-ти-ки-ти, то-ти — ими праздник украшу.
То-ти-ки-ти, то-ти-ки-ти,
ти-ки-ти, ти-ки-ти.

Текайеуацин

МЕЧТА СЛОВА

Вот, о друзья, стремленье слова,
вот мечта его — слушайте, люди:
нас весна возрождает к жизни,
нас бодрит маис золотистый
и обвивает своим опереньем.
Верим в истинность, в подлинность верим
душ и сердец друзей!

ДРУЖБА

Как цветок душистый, как перо кецаля
трепетна ты, дружба:
опереньем цапли в праздник ты вплелась.
Наша песня — птица, птица-бубенец.
Как прекрасно вы, певцы, поете,
сидя за цветочною оградой,
под навесом из цветущих веток.

ШАЙАКАМАЧАНУ

Кто восседает там, на священном троне?
Тот, чье жилище из водяного моха.
Трелит-поет владыка Шайакамачан.
Жизнь его одурманил цветок заката.
К небу он рокот песни своей возносит.
Славен громовой песнею
Тлапальтекуцин.
Песня его прекрасна: пьянит-дурманит;
среди цветов — дрожащий цветок какао.

ПРИЗРАЧНАЯ РАДОСТЬ

Предадимся же веселью, други!
Обнявшись, возрадуемся сердцем!
Вот идем мы по земле — как будто
никогда наш путь не оборвется.
К дальнему жилищу солнца
тянутся цветок и песня.
Как недолго на земле живем мы!
Покидает нас обитель тайны.
Есть ли радость там? Цела ли дружба?
Нет, увы! Лишь на земле, при жизни
знаем мы и узнаем друг друга.

СОСТЯЗАНИЕ ПЕСНОПЕВЦЕВ

«Ты куда, о певец, направляешься?
Приготовь барабан свой, украшенный
опереньем кецалевым и цветами пылающе-
золотистыми,
услади самых знатных и доблестных,
ягуаров, орлов благороднейших».

«Вот певец к барабанам
нисходит в святилище,
вот он звуки вознес, угощающий песнями
жизнедателя.
А в ответ голос птицы-бубенчика:
изливайся цветами, дари нас
священными песнями».

«Слышу, слышу тебя, о поящая трелями
жизнедателя.
А в ответ голос птицы-бубенчика:
изливайся цветами, дари нас
цветущими песнями.

Переливами перьев струятся слова твои
да изумрудами,
лишь Айокуан и Куэцпальцин поют
тем же голосом,
а они-то воистину знались
с творцом-жизнедателем.

Поступают подобно и самые знатные,
услаждая узорами и благовоньями,
опереньем кецалевым жизнедателя.
Может, примет творец подношение.
Может, в песне одной жизни истина».

«Пусть случайным, пусть кратким
присутствием
мое сердце порадуют
благороднейшие и знатнейшие,
в драгоценных каменьях,
в ожерельях сияющих.
Как цветы, переплел бы я здесь
состязателей доблести,
повязал бы их песнями
в барабанов святилище.

Сюда созвал вас я, повелитель
Текайеуацин.
Здесь, в Уэшоцинко, наизнатнейшим,
вам состязаться.

Вас, благородных, здесь собираю,
точно цветы для гирлянды».

«Дивные песни с чудо-цветами —
это посланцы скрытого неба:
их только портит наше искусство.
Так говорю вам я, чичимека Текайеуацин.
Эй, веселитесь!

Пусть ваша дружба буйно прольется
ливнем душисто-белых соцветий
и в оперенье белое цапли
ало вплетется цветок ароматный,
наизнатнейших тонко пьянящий.

Ваши ли слышу чистые трели
или бубенчик-дрозд запевает?
Все, за цветочной сидя оградой,
песнь возносите!»

«Ты, жизнедателя птица-бубенчик,
песню соткала:
хлынул родник твой, лишь просияли
лучи рассвета.
Так просит сердце цветов лучистых,
о жизнедатель,
тобою с неба пролитых наземь».

«Что с тобой, мое сердце?
Ах, напрасно пришли мы,

на земле проросли мы напрасно!
Как увядший цветок я исчезну?
Навсегда мое имя исчезнет?
Ничего на земле не оставлю?
Лишь цветы, только песни!
Что с тобой, мое сердце?
Ах, напрасно пришли мы,
не земле проросли мы напрасно».

«Возвеселимся, други!
Обнявшись, возликуем!
Вот по земле мы с вами идем вечноцветущей,
и нет конца цветущим песням нашим:
они всегда струятся в жилище жизнедателя».

«На недолгое время ты, земля, нам даешься.
В отнимающий жизни тайный край
мы уходим.
Разве там по-другому?
Есть ли радость в том мире?
Существует ли дружба?
Или нам на земле лишь
суждено знать друг друга?»

«Я песнь услышал и слышу снова.
Цветов гирлянду сплетает флейтой
Айокуан знатный.

А отвечает, а отвечает,
в цветах скрываясь,
Киауацин, правивший Айапанко».

«Где обитаешь, бог-жизнедатель?
Певец, все время тебя ищу я
и, сам печальный, тебя надеюсь,
мой бог, потешить.
Здесь, среди белых и ароматных
цветов, разливших благоуханье,
по яркопестрым весенним далям я посылаю
тебе услады своих напевов».

«Придя в Тлашкалу, вы здесь поете
под звуки флейты.
Цветы вы сами, и песни ваши
благоуханны, благоуханны.
И Шикотенкатль, владыка славного
Тисатлана,
упьется ими,
и ждущий слова небес, как будто
цветка в гирлянду, Камашочицин».

«Благороднейшие мужи,
пришлые в твою обитель отовсюду,
сидя на ковре цветочном,
сотканном тебе в подарок,

бог небес, к тебе возносят
песен дивные соцветья.

Всеми красками соцветий
вознеслись деревья песен,
под раскаты барабанов
растеклись благоуханьем,
с благовонными цветами
тонкие смешались перья.

На зеленеющей ветке птица-бубенчик поет.
Ты ей, певец, отвечаешь,
радуя слух ягуаров с орлами».

«Дождь лепестков хлынул наземь —
и начинается пляс.
Возле обители бога, други,
кого мы все ждем?
Сердце кому отдаем мы, в небо его возносясь
с нашею песней?»

«Слушайте: вот заструилась песня
из сердца небес.
Ангелы ей отвечают легкими звуками флейт».

«Я Куаутенкос, не унять мои страданья.
Барабан мой перевит одной печалью.

Разве в песнях и сердцах живешь ты,
слово правды?

Есть ли что-нибудь, не знающее тлена?
Есть ли что-нибудь, избегнувшее краха?
Здесь живем мы и страдаем здесь,
о други.
Там представ, я повторил бы
все до слова.

Я пришел сюда открыть вам сердце.
Я сказал, и вы скажите, други».

«Пришел на состязанье я,
бубенцов кователь.
Я песню со слезами своей души мешаю:
совсем цветов не стало,
совсем иссякли песни
в моем унылом доме.

Живем мы, еле живы, под гнетом наших бед
сгибаясь,
и я, Мотенеуацин, скорбящим словом песни
взываю к нашим знатным
и нашим благородным:
тебе, о Теполоуатль, подле меня сидящий,
тебе, орел, откроюсь
в священном этом месте:

совсем цветов не стало,
совсем иссякли песни
в моем унылом доме».

«Мне послышалась песня священного леса,
и увидел я около вод зацветавших
птицу цвета небес,
птицу цвета огня и маиса —
это был благороднейший Моненкауцин».

«О други милые, сидящие по кругу,
под пышной зеленью в цветах благоуханных,
ступайте рвать цветы на луговинах,
и да услышу я, и да услышу,
как флейту вы заставите смеяться
в святилище священных барабанов
на состязанье,
как наши знатные и доблестные братья
среди цветов играют
на изукрашенных лазурью барабанах,
в них ударяя».

«Вот полушайте: заклекотала-запела
среди листьев,
золотым бубенцом затрясла-зазвенела,
тонкой трелью,
чудо-птица, достойнейший Моненкауцин.

Вот крыла распростер и, взлетая, над нами
воспаряет.

Цветы пробились, венчики раскрылись
под оком
священным жизнедателя. Зовет он:
срывай их!
Что у тебя цветов, то и богатства.
Всех ими усладишь, кружась по саду».

«Где б ни бродил я, где бы ни трелил,
где бы ни пел —
всюду струится ливень душистых
белых цветов,
вокруг меня бабочки вьются.

Всем сюда захотелось:
здесь цветы прорастают.
Сердце к ним потянулось,
голова закружилась от душистых.
Всем сюда захотелось: испить
аромат их,
здесь разлить их дождем благовонным».

«Цветочный луг твое жилище»,—
так запевает среди флажков бумажных
Шайакамачан, правя нами и опьяняя
благоуханием своих цветов.

Напев прекрасный вскинул в небо
Тлапальтекуцин,
белы, изысканно красивы и благовонны
его цветы. Испейте их аромата».

«О други, долго вас искал я,
за вами следом
прошел по всем лугам цветущим,
а здесь застал всех вместе!

Веселитесь, о други, заводите беседы
и возрадуйтесь другу.
Я цветком самым скромным,
я цветком незаметным
буду между цветами.
Неужели на праздник и меня пригласили,
столь ничтожного, други?

Кто я? Только слагатель
пестрых бабочек-песен.
Я велю им из сердца прорастать —
вы вкусите
сердца певчего, други.

Я лечу, подлетаю, я снижаюсь и плавно
опускаюсь на землю.
Вот я крылья расправил
и, среди барабанов,
в их святилище, вскинул
в небо синее песню.

Среди вас я, о други. Я букет составлю,
и цветы я заставлю прорасти в моих песнях,
я при вас и сложу их.
Я, страдающий брат ваш, золотистые струны
натянул в своем сердце.

Наблюдаю, ничтожный, я цветов
прорастанье.
Лепестками покрыта моей хижины крыша.
Что за радость из дома видеть
сад и посевы! С вами ею делюсь я.

Пей наслажденье и упивайся, о благородный
Текайеуацин.
Укрась цветами свой путь — сам знаешь,
живут ли дважды.
Нет! Жизнь однажды дается людям,—
вещает сердце.

Колибри-птичка, я над священным
порхаю древом,
колибри-птичка, я упиваюсь его цветами,
я пью их запах, и клюв мой сладок.

Ты, жизнедатель, благоуханьем
цветов приманен.

Тебя в святилище барабанов
мы услаждаем,
о благородный Атекпанекатль!

У барабанов, твои друзья,— мы
ждем-ожидаем
тебя в весеннем твоем жилище —
Йаоминцин, Микоуацин и Айокуауцин,
благоуханье цветов вдыхая».

Точиуицин Сакатимальцин

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ ПЕСНИ

Точно цветы, проросли вы
и, точно песня, живете,
о благородные.
Я Точиуицин, ткущий узоры.
Я из цветов моих сплел вам гирлянды.

* * *

Вы, о правители и властелины,
песнь пережили, открыли цветок.
Я, собиратель злаков невзрачных,
в гирлянды сплетаю их.
И осыпаются, и увядают,
гибнут они.

* * *

Вот вам слова Точиуицина,
вот завещанье Койольчиуки:
жизнь наша — это лишь сон; когда же
он исчезает — гибнем и мы.
Нет, заблужденье это, неправда,
будто мы жить в этот мир приходим,
ведь бытие наше схоже с травою,
что вырастает весной.
В сердце рождаются и прорастают
из плоти нашей цветы.
Если иным и дано раскрыться,
то лишь затем, чтоб увянуть вскоре.
Так говорит вам Точиуицин.

Мотенеуацин

ПРИГЛАШЕНИЕ ДРУЗЬЯМ

Здесь для вас цветы какао, други,
точно оперенье синей птицы.
Приходите: тучный пласт поднимем.
Да услышу я ваш смех и речи
под напев цветущих барабанов.
Да увижу я наизнатнейших,
ударяющих по барабанам
в окружении цветов душистых.

Тетлепанкецаницин

ПЕСНЬ ВОИНОВ ЧИАПЫ

Что с вами, други чиапанеки?
Белым вином вы себя опоили?
Тягостно вам и никак не подняться?
Под руки крепче возьмите упавших,
сил наберитесь, о други, добраться до дому.
Там, на цветущей земле, отрезвеете мигом,
прошлой опасности меру поймете.

Дивным напитком сражений недаром
жертвенное называют вино —
то, что издревле опасности дарит.
Пагуба пьющим его и погибель.
В дым обращаются им изумруды
и бирюза, благородные камни
знатных.
Горе возжаждавшим этого зелья хмельного.
Лучше, о други, сойдемся для песен.

Эа, споем! На цветущей земле,
в нашем доме,

пусть опьяняет нас песни напиток.
Сладко испить ароматнодурманных
дивных цветов, оживляющих душу,
залитых росами нашего дома Чиапы.
Песней восславим знатнейших.
Солнечный щит, лепестки раскрывая,
восходит,
точно цветок, из земли нашей вешней.

Слушайте, други, не надо
жертвенным нам опиваться вином,
дивным напитком сражений.
Ждет нас иное вино в нашем доме —
из благовонных цветов: наше сердце
щедрым его ароматом упьется
и охмелеет навеки.

Так изопьем же цветочного зелья
здесь, на весеннем пристанище счастья,
нашей цветущекормящей земле.
Что вы наделали, други? Придите,
послушайте песню.

ПОГИБ НАРОД МЕШИКАТЛЬ

В Тлателолько слышен плач и слезы льются,
как вода, ушли мешики, иссякли
и, как женщины, ослабли —
бегство, бегство!

Где конец пути? Неужто это въяве?
Брошен город, покинут и оставлен,
дым вздымается, туман ползет на крыши...

И рыданьями приветствуют друг друга
властелины и правители былые,
на дорогах этих горестных встречаясь...

О друзья! Рыдайте, плачьте безутешно,
нам пора поверить: то, что происходит,
уничтожило мешиков навеки.

Влага высохла, еда гнилою стала —
вот что сделал жизнедатель в Тлателолько.
Зрелой мудрости вожди не проявили
и, когда настало время испытаний,
только песнею друг друга укрепляли...

ПЛЕНЕНИЕ КУАУТЕМОКА

В круге битвы гибнут воины-теночки,
в круге битвы гибнет племя тлателольков!

Пламя черное и треск стрельбы во мраке,
и туман ползет, окутывая землю.
Вот изведал горечь вождь Куаутемок:
от вождей других —
лишь всплески рук бессильных.

В круге битвы гибнут воины-теночки,
в круге битвы гибнет племя тлателольков...

Девять дней спустя в Койоуакан плененных
Куаутемока, Тетлепанкецаницина
и других вождей везут с великим шумом.

Тлакоцин им говорил: «Воспряньте духом,
золотыми вы окованы цепями,
но, друзья, вожди и родичи, мужайтесь!»

И тогда ответил вождь Куаутемок:
«Родич мой, ты в плену,
ты весь в железах!

А-а, в плену теперь вожди и венценосцы!
Кто там рядом сел с вождем
врагов-пришельцев?
Рядом та, что лучше всех из наших женщин!
А-а, в плену теперь вожди и венценосцы!

Ты теперь рабыней станешь, станешь вещью,
ожерелья и уборы из кецаля —
все отныне будет лишь в Койоуакане.

Кто там рядом сел с наместником,
кто сел с ним?
Рядом та, что лучше всех из наших женщин!
А-а, в плену теперь вожди и венценосцы!»

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОСАДЫ ТЕНОЧТИТЛАНА

Это все произошло, случилось с нами,
это видели мы,
это потрясло нас.
Мы в отчаянье, в печали безысходной
нашу горькую оплакивали участь.

Здесь везде валялись сломанные копья,
дыбом волосы от ужаса вставали,
крыши с хижин сорвало, как ураганом,
и окрасились их стены ярко-красным.

Черви ползали средь площадей и улиц,
а по стенам растекались брызги мозга,
и вода, словно окрашенная красным,
когда пили мы,
была на вкус соленой.

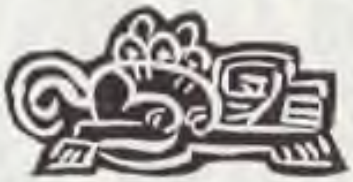
Стены города — кирпич необожженный —
от пробоин стали дырчатою сетью;
город нашими щитами закрывался,
но и это не спасло его свободу.

Ели мы жесткие стебли, жевали
траву, напоенную кровью соленой,
глину сырую, ящериц ели,
крыс, червяков, пыльную землю...

Ели мы мясо полусырое,
только что брошенное на угли,
чуть оно на огне обгорало —
мы хватали его и ели.
Всем нам, всем нам назначили цену,
каждому цену свою, особо:
цену женщине и мужчине,
цену жрецу и цену младенцу.

Было: цена бедняка равнялась
двум, только двум горстям маиса,
десятку лепешек из мух и москитов
и двадцати — из травы соленой.
Это и было нашей ценою.

Золото, ткани цветные, смарагды,
перья кецаля — все, что от века
важным и дорогим считалось,—
все это ни во что не ценилось...



ПОЭЗИЯ МАЙЯ

ПОПОЛЬ-ВУХ

Фрагменты

*

Привет тебе, о Цаколь,
привет тебе, о Битоль!
Воззри на нас,
внемли нам,
не притесняй нас,
не отворачивайся от нас,
о божество, сущее на небесах
и на земле,
сердце небес,
сердце земли!
Даруй нам потомство,
даруй нам слово
на путях дня,

на путях света!
Пусть наступит заря,
пусть придет день!
Да будет много дорог,
да будет много путей!
Дай нам спокойствие и свет,
спокойствие и мир!
Да будет совершенный свет
и совершенный мир!
Даруй нам
достойную жизнь
и благое существованье,
о ты, Хуракан,
Чипи-Какулха,
Раша-Какулха,
Чипи-Нанавак,
Раша-Нанавак,
Вок,
Хун-Ахпу,
Тепев,
Кукумац,
Великая мать,
Великий отец,
Шпийакок,
Шмукане,
Праматерь солнца,
Праматерь света!
Пусть наступит заря!
Пусть придет день!

*

И вот тогда взошло солнце.
Велика была радость
малых зверей
и больших.
Они поднялись с речных берегов,
из ущелий.
Они стояли
на горных вершинах,
и лица их были обращены
туда, где вставало солнце.
Увидев его,
зарычали пума
и ягуар.
Но первым залился песней
длиннохвостый маленький попугай.
Воистину счастливы были все звери.
Широко распростерли крылья
орел
и белокрылый коршун,
малые птицы
и большие.
Простерлись пред солнцем жрецы
и те, что пришли почтить божество.
Велика была радость жрецов
и тех, что пришли почтить божество.
Людей племени там
и людей племени илок,

людей рабиналя
и какчикели,
людей цикинаха
и людей тухальха,
учибахаа
и кибахаа,
людей батена
и могущественных йаки,—
всех племен,
что живут поныне.
Воистину никто бы не смог
сосчитать всех этих людей.
И когда занялась заря,
все племена были вместе.
И лицо земли высохло сразу
на солнце.
Солнце было подобно человеку,
когда оно показалось на небе.
Его лицо пылало,
оно осушило поверхность земли.

*

О ты, красота дня!
Ты, Хуракан,
ты, сердце небес
и земли!
Ты, дарующий изобилие

и богатство,
ты, дарующий нам дочерей
и сыновей!
Излей,
пролей
свое изобилие,
свои богатства!
Молим: даруй нам жизнь
и благо
нашим детям
и нашим рабам!
Пусть они приумножаются,
пусть будет их много,
тех, кто питает тебя,
тех, кто славит тебя!
Тех, кто призывает тебя
в полях и на тропах,
на речных берегах и в ущельях,
под деревьями и лианами!
Дай дочерей им
и сыновей!
Да не узнают они
ни бесчестья, ни плена,
ни войны, ни порока!
Да не выбегут
злые духи
ни навстречу им,
ни вдогонку!
Да не будут они

грешны,
да не будут они
изранены!
Пусть не станут они
прелюбодеями
и преступниками!
Да не споткнутся они
на дороге, идущей в гору,
на дороге, идущей под гору!
Пусть никто их не тронет,
не повредит им,
не ударит ни в грудь, ни в спину!
Открой перед ними путь славный,
прекрасный путь!
Да не настигнет их
позор
или несчастье,
что насланы твоим гневом
или твоим волшебством!
Да исполнится благополучия
жизнь
тех, кто чтит тебя,
кто приносит жертвы тебе
пред устами твоими,
пред челом твоим!
О ты, сердце небес,
ты, сердце земли,
ты, тайное величие,
ты, Тохиль,

ты, Авилиш,
ты, Хакавиц,
чрево небес,
чрево земли!
На все времена,
на все века
да будет только свет,
да будет у наших потомков
только мир
пред устами твоими,
пред челом твоим,
о ты,
бог!

РАБИНАЛЬ-АЧИ

Фрагменты

*

Ну ладно, вот здесь я, храбрец и воин,
и если должен я перед тобой склониться,
лицо свое склонить смиренно и колени,
то я склонюсь лишь так:
вот здесь моя стрела, вот здесь мой щит!
Вот чем твою я славу и величие разрушу!
Вот чем по твоему челу ударю!
Вот чем, владыка, ты испытан будешь мною!

*

О барабанщики, о игроки на флейте,
начните песню флейт и барабанов!
Звучи, напев, то громкий, то чуть слышный,
раздайся, флейты звонкий голос
и гулкий барабан киче бесстрашных!
Играйте танец пленника,
моих родных долин и гор великий танец!
Играйте ж так, чтоб задрожало небо
от звуков, чтобы сотряслась земля!
Мое чело, моя глава склонится,
когда достигнет солнца топот ног моих,

когда я буду танцевать,
рабынями, рабами окруженный,
размеренным и величавым шагом
под небом, на земле, здесь перед вами!
Так говорит мой голос
перед землей и небом!
О барабанщики, о звонкие флейтисты,
пускай пребудет с вами небо и земля!

*

Хоб-Тох, владыка, дай соизволенье
пред небом и землей!
Даруй мне время:
тринадцать раз по двадцать светлых дней,
тринадцать раз по двадцать ночей,
чтобы сказать последнее «прощай»
моим родным долинам, лику гор моих,
где прожил жизнь я,
всем сторонам вселенной,
чтоб снова я увидел все места моей охоты,
места, где отдых находил себе и пищу!

(Никто не отвечает воину-киче, и он, танцуя, на мгновенье исчезает. Затем возвращается и, не приближаясь к возвышению, на котором сидит владыка Хоб-Тох, подходит к воинам-ягуарам, окружающим жертвенник посреди двора.)

О вы, орлы! И вы, о ягуары!
«Он убежал»,— вы только что сказали!
Нет, я не убежал, ушел лишь на мгновенье,
чтобы сказать последнее «прощай»
моим родным долинам, лику гор моих,
где я охотился, где пищу добывал я,
на все четыре стороны вселенной!
О небо, о земля,
не принесли свободы мне и счастья
ни воинская доблесть, ни отвага!
Искал пути под небом я бескрайним,
искал дорогу на земле широкой,
топча траву, топча чертополох.
Но ни моя решимость, ни отвага
не помогли мне...
О небо, о земля!
Неужто здесь я должен умереть,
здесь, на земле, под небом?..
Куда уйдете вы, сокровища мои?
Ты — сын моей стрелы, ты —
сын щита родного,
мой меч — йаки и мой топор тольтекский,
мои гирлянды и мои сандальи?
Вернитесь вы в мои родные горы,
в мои долины!
И пусть узнает обо мне владыка,
мой повелитель, я уж слышу голос
владыки моего:
«Да, слишком долго мой храбрец и воин

находится вдали, охотясь!»
Так говорит владыка и правитель,
но пусть он так уже не говорит —
ведь ждут меня лишь смерть и пораженье
под небом, на земле!
Увы, о небо, горе мне, земля:
коль суждено, что должен умереть я,
что должен встретить смерть
под небом, на земле,
то почему не стать мне этой белкой,
вот этой птицей — теми, кто умирает
на ветке дерева, для них родного,
на милых и родных для них побегах,
там, где они находят пропитанье
под небом, на земле?
О вы, орлы! И вы, о ягуары!
Теперь ко мне спокойно подходите,
вершите то, что должно совершиться!
Пусть зубы ваши и кривые когти
со мной покончат сразу!
Ведь я — великий воин, что пришел сюда
от гор своих, родных долин!
Да будут с вами небо и земля,
о вы, орлы! И вы, о ягуары!

(Воины-орлы и воины-ягуары окружают воина-киче и бросают его на жертвенный камень, чтобы вырвать сердце. Все остальные танцуют вокруг них.)

ПЕСНЯ СКАЗИТЕЛЯ

Будет в селенье
день богочтимый.
Весь кругозор
залит лучами
раннего солнца.
Свет прибывает —
с Запада сколько,
столько с Востока,
с Юга струится,
с Севера тоже.

Солнечный свет
льется, будя
темную землю ..
Он разгоняет
блошек, сверчков
и тараканов...
Бражники ищут
на день жилище.

Петь начинают
птицы лесные:

перепела, чачалаки,
голуби и куропатки,
дрозд — завирушка
и пересмешник.
А муравьи-листорезы
к дереву тропку торят...
В мир от росы
радость исходит.

Диво-звезда
встала над лесом,
светит, курится,
а над густыми
листьями тает
и умирает луна.

С праздничным днем
радость приходит
в наше селенье —
новое солнце
вышло сиять
весело людям,
вместе живущим
в нашем селенье.

ПЕСНЯ О ЦВЕТКЕ НИКТЕ

Вот над темным лесом
выкатился месяц,
ясный и прекрасный,
прямо среди неба
он висит-сияет,
освещая землю
и лесную чащу.
Тихий ветер носит
запахи растений.

Выкатился месяц
на средину неба,
каждую травинку
светом обливая,
с ним приходит радость
в сердце человека.

Мы прошли-прокрались
прямо в сердце леса.
Пусть никто не видит,
пусть никто не слышит,
что мы будем делать.

Мы цветов набрали:
вот никте и чукум,
вот жасмин собачий,

копал благовонный
и циит ползучий.
Мы несем с собою
черепаший панцирь
и толченый мел,
хлопковую нитку
и кремень преострый,
гирю, пряжу с прялкой,
индюка и обувь.
Все, что мы несем,
нового новее.
Вместе с лентой гладкой
в волосы вплетем мы
белую кувшинку.
В раковину дуя,
прямо в сердце леса
за собой ведет нас
старая ведунья,
к озерку на скалах,
поджидать восхода
той звезды прекрасной,
что над чащей леса
закурится. Скиньте
все свои одежды,
косы распустите,
станьте все, какими
в этот мир явились,
девушки, природной
чистотой сияя.

ПЕСНЯ НА ВСТРЕЧЕ ЦВЕТ-ДЕВЫ

Возвеселимся
и запоем,
песней цвет-деву
повеличаем.
Юных невест
чистые лица
чистой улыбкой
озарены.
Только сердца
вон из груди
выскочить рвутся.
Что за причина?
Знают они,
что отдадут
девства цветок
своим желанным.

Цветок воспойте!
Наком поможет
на возвышенье
и господин наш
славный ах-кулель.

Поет ах-кулель:
«Мы свою волю
сложим к ногам
девы прекрасной
и непорочной.
Ныне она,
цветок цветущих,
будет над нами...
Перед прекрасной —
Сугуй-Каак,
пламень пречистый;
дева Ш-Кан-Ле-Ош
с дивной гремушкой;
ливней богиня
Ш-Тоот-Муч —
дева-лягушка.
Это они
блага даруют
краю родному —
круглым горам
и гладкой степи.
Так изопьем же
мы, молодые,
радость-веселье,
здесь, в Цитбальче,
под деревами.

ПЕСНЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ (I)

Вон поет на сейбе
голубь белоглавый.
Вон еще кукушка,
птица пересмешник,
кассик и кецаль!
Веселы все птицы
у владыки неба.
И у Госпожи
много есть пернатых:
горлица-малютка,
маленький вьюрок,
пестрая танагра
и еще колибри.

Это птицы нашей
Госпожи-Хозяйки.

Если всех пернатых
не забыла радость,
отчего ее
в нашем сердце нету?
Только им, прекрасным,
час рассветный весел.
Им одна забота —
петь, играть, резвиться.

ПЕСНЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ (II)

Наденьте красивые ваши одежды —
день радости ныне —
и кущи волос расчешите.
Наденьте красивые ваши одежды
и лучшую обувь,
повесьте тяжелые серьги
на мочки ушей, облачитесь
в накидку, на вашу точеную шею
повесьте дары и округлости рук
блестящим браслетом обвейте.
Должны вы покраше одеться
и всех превзойти красотою,
чтоб с вами никто не сравнился
на площади в нашем селенье.
Люблю вас, моя госпожа,
хочу, чтобы всех вы затмили
одеждой своей, чтобы стали
вы с дымчатой схожи звездой,
своей красотой пробуждая томленье
в луне и цветах луговых.
Чисты и белы одеянья девичьи.

Дарите же радостью вашего смеха
и в сердце своем благосклонность храните
в минуты веселья всеобщего к тем,
кто к вам благосклонность
хранит в своем сердце.

ЦУЛИ

Фрагмент

Я пишу вот о чем: в году тысяча пятьсот сорок первом цули, чужеземцы с Востока, появились впервые...

И впереди и позади детей народа были их боги.

Дух народа не пожелал ни цули, ни их христианства. Не принесли им даров ни дух птиц, ни дух драгоценных и выделанных камней, ни дух ягуаров, которые защищали народ майя. По тысяче триста и даже шестьсот лет жили пришельцы. Умели они высчитывать время в себе самих. Ветер, луна, год и день — все следует своим путем и проходит. Вся кровь прибывает к обители своего покоя, а вся сила к своему престолу. Было отмерено время, когда восхвалялось величье Троих. Отмерено было время благостей солнца и проделанных звездами отверстий, откуда боги взирают на нас. Добрые владыки звезд, всеблагие.

У детей народа были познанья и снадобья, в них не было злобы. Они отличались здоровьем и набожностью, не болели, не знали ни ломоты в костях, ни лихорадки, ни оспы, ни болей в животе и в груди. Была их осанка пряма. Но появились цули и все сокрушили. Они учили страху, они губили цветы, они из цветка высасывали жизнь, чтобы прибавить ее к своей. Они убили цветок Накшит-Шучитля. Исчезли жрецы, которые нас учили. И вот настало иное время, и принялось владычить, и явилось источником нашей смерти. Без жрецов и познаний, без отваги и без стыда — все уравнялись. Не стало ни великой мудрости, ни слова, ни поученья вождей. Не помогали здесь чужие боги. Цули пришли лишь затем, чтобы погубить солнце! И дети их детей среди нас остались, и к нам от них перешла только их тоска.

ПОЭЗИЯ КЕЧУА

ХАЙЛИ В ЧЕСТЬ ВИРАКОЧИ

Основа жизни,
о Виракоча!
Бог вечно близкий,
хозяин одежд,
излучающих сиянье!
Бог творящий!
Бог охраняющий!
Создающий все сущее
наречением имен:
«Это пусть будет мужчиною,
это пусть женщиной будет!»
Существа,
созданные тобою,
которым ты предначертал движенье,
пусть живут свободными,

не зная страданий.
Где ты, солнцеликий?
Вне мира?
Рядом с миром?
В центре мира?
Среди туч?
Среди теней?
Услышь меня,
отзовись мне!
Позволь мне жить
до конца времени,
долгие годы.
Позволь мне подняться
на твоих дланях.
Дай мне силы,
если устану.
Где бы ты ни был,
о Виракоча!

ТВОРЦУ ЧЕЛОВЕКА

Хайли

Над землей рассветает,
землю свет покрывает,
чтоб хвала возносилась
творцу человека.

И высокое небо
с лика тучи снимает,
чтоб покорно склониться
пред создателем мира.

Ветер мчится к деревьям,
ветви их выпрямляет,
ветви их направляет
прямо к Верхнему миру.

А на ветках зеленых
птицы песни щебечут.
В этих песнях пичужки
Пачака́мака славят.

Все луга и поляны
покрыты цветами,
возносящими к небу
свои ароматы.

А на глади озерной
и в глубинах безмерных
рыбы танцы заводят —
радость их бесконечна.

Реки, с гор низвергаясь,
водопадом грохочут.
Так они прославляют
его — Виракочу.

Камни, горы, ущелья
Виракоче покорны;
змеи, жители леса,
перед ним распростерлись.

Быстроногий гуанако
и викунья с вискачей
рядом с ним замирают,
внемля богу в смиренье.

Так и сердце мое
с каждым новым рассветом
благодарность возносит
создателю мира.

МОЛИТВА МАНКО КАПАКА

О владыка бог,
мощный корень мира,
кто решает — мужем
быть или женою,
кто один на свете
горных вод хозяин,
повелитель града,
где ты обитаешь?
Зреть тебя смогу ли?
В вышине, внизу
или посредине
прячется престол
высшего судьи?

О, услышь меня,
ты, кто распростерт
в океане неба,
кто в морях земли
искони живет.

Повелитель мира
и людей создатель,

жадными очами
зреть тебя желаю,
как Великий Инка.
Лишь тебя увижу
и узнаю,
знак подам
и постигну —
ты меня увидишь,
ты меня узнаешь.

Нет, не просто так
солнце и луна,
осень и зима,
ясный день и ночь —
по веленью свыше
и по предсказанью
чередой
к нам приходят.

Ты вручил мне жезл
повелителя.
Так услышь меня
и ответствуй мне,
прежде чем паду
побежден и мертв.

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Вечный свет,
наше солнце,
наш отец
и создатель!

На Великого
Инку
обрати
свои взоры.

Он с мольбою
к тебе
обращается
ныне.

На губах
у него
остывает
дыханье.

Свет извечный,
приди
и яви
свою милость.

Ты избавь
от болезни
Великого
Инку!

О своем
повелителе
молится
Куско.

Все мы плачем
о нем,
на тебя
уповаем.

Возврати
ему жизнь,
а рабам своим —
радость.

Сто огней
в твою честь
город Куско
засветит.

И весельем
твое
переполнится
сердце.

НА СОН

На сон
помолись —
я в полночь
приду.

ВЛАДЫЧИЦА ВЛАГИ

О, Царевна,
брат твой нежный
твою урну
проломил.
Потому-то
так гремит он
в блеске молний
в высоте.
Ты ж, Царевна,
ты уходишь
и из урны
дождь струишь.
А порою
град бросаешь,
устремляешь
белый снег.
Потому-то
зодчий мира
сохраняет
жизнь тебе.
Потому-то
мир творящий,
дух безмерный —
жив в тебе.

МАТЬ-ЛУНА

Владычица Мать-Луна,
по доброте твоих вод,
по ласке твоих дождей
мы в плаче
тоскуем.

Горчайшие из твоих
созданий,
во гладе и жажде
взываем.

Владыка всего, отец,
где ты ни есть — отзовись:
на небе,
в земле
или в соседних мирах.
Дождем ты нас одари,
твой раб —
человек
так молит тебя.

КАНАВА

Ты, канава, широка,
ты утоптана, ровна.
Топчи!

Ты водицу принесешь
на посевы, на поля.
Топчи!

Посильней-сильней топчи!
Посильней-сильней топчи!

От воды твоей цветы
на растеньях расцветут.
Топчи!

Будут вкусные плоды,
будет доброе зерно.
Топчи!

Посильней-сильней топчи!
Посильней-сильней топчи!

ДЕРЕВУ

Дерево с прекрасными плодами,
я в твоей тени от зноя прячусь.
Хайли!

А когда тянулось ты ветвями,
тень давало только нашим детям.
Хайли!

Хайли, дерево любимое.
Хайли!

Поднимаясь кроною, должно ты
стать отрадой нашему владыке.
Хайли!

Пышные, с тяжелыми цветами,
ветки тень нам радостно подарят.
Хайли!

Хайли, дерево любимое.
Хайли!

АЙАУ ХАЙЛИ!

Мужчины

Айау хайли! Айау хайли!
Вот плуг, вот борозда!
Вот сила, вот рука!

Женщины

Мужу слава, слава!

Мужчины

Айау хайли! Айау хайли!
Невеста где, краса?
Ты, семя, торжествуй!

Женщины

Будь славно, семя!

Мужчины

Айау хайли! Айау хайли!
Дай, солнце, борозде
дыхание свое!

Женщины

Будь славно, солнце!

Мужчины

Айау хайли! Айау хайли!
И чрево Пачамамы,
плоды и жизнь дающей!

Женщины

Славь Пачамаму!

Мужчины

Айау хайли! Айау хайли!
Ты вот, краса невеста!

Женщины

Вот муж и труд его!
Муж, слава, слава!

ЭА, ВОТ И ПОБЕДА!

Мужчины

Эа, вот и победа,
я зерно схоронил!

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Завтра стебель родится,
послезавтра окучу.

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Дождь пройдет над посевом,
разольется потоком.

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Как пойдет все цвести,
буду с мягким маисом!

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Я сниму урожай
и амбар свой наполню!

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Солнце золотом льется,
а луна серебром!

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Ради лика владыки,
благородного сердца!

Женщины

Эа, вот и победа!

Мужчины

Я зерно схоронил,
я посеял еду!

Женщины

Эа, вот и победа!

ПЕСНЯ МУЖЕСТВА

Инка

Песня, песня!
Сердце сердца, песня!
Песня, о песня!

Койя и ньюсты

Песня!

Мужчины

Мужество мужа!
Будь, мое мужество, со мною!
О мужество мужа!

Койя и ньюсты

О мужество мужа!

Мужчины

О песня, песня!
Есть ли перец в твоем посеве?

Я здесь появлюсь ради перца!
А цветы есть в твоем посеве?
Здесь ради цветов появлюсь я!

Мужчина

Вот владычица койя!

Женщина

Ахайли, да, это койя!
Ахайли, у края поля!
Ахайли, с нею ньюста!
Ахайли, юна, прекрасна!
Ахайли!

ХАРАЙ АРАУИ

Нас навсегда, о владычица мыслей,
разлучили?
На бесконечную муку, о ньюста,
разлучили?

Дивная, если б цветком чинчиркомы
ты надо мной расцвела, в сердце сердца
нес бы тебя я.

Зеркало вод,
лживо ты, лживо,
зеркало вод,
нас развело ты.
В памяти только
можно вчерашнее видеть?

То твоя мать,
как смерть сама,
нас разлучает.
Враг мне отец твой —
вот где несчастье.

Но, может, койя,
бог говорящий
велит однажды,
чтоб быть нам вместе.
Как вспомню смех
в твоих глазах —
паду без силы,
их трепет вспомню —
и заболею.

Хватит же, Инка,
хватит...
Иль твое сердце одними слезами моими
живо?

Плачу, как дождь над лесами
в пору цветенья, лесами,
между которыми бездна...
Вся моя жизнь — ожиданье.

ВИНОВНЫЙ ЮНОША

Гложет тоска,
слез не унять.
Так и убил бы проклятьем
сердце свое.

В песне я каюсь.
Дом, где в оковах
узник томится,
дай мне свободу.

ТУЙЯ

На поле царевны,
о, туйя,
есть строгости гневны,
о, туйя,
маиса златого,
о, туйя,
блюдут там сурово,
о, туйя,
колосья зернисты,
о, туйя,
и зерна душисты,
о, туйя.
Но есть там приманка,
о, туйя.
Маис утоляет,
о, туйя,
но клей прилепляет,
о, туйя,
тебя изловлю я,
о, туйя.
Чтоб быть не мятежным,
о, туйя,

поймавши, быть нежным,
о, туйя.
Вон ястреб убитый,
о, туйя,
он к ветке прибитый,
о, туйя.
Где перья, зеницы,
о, туйя,
где сердце той птицы,
о, туйя?
Он был четвертован,
о, туйя,
был здесь околдован,
о, туйя,
близ этого поля,
о, туйя,
для всех эта доля.

ДВЕ ПТИЧКИ

Вот две птички, дружны, нежны.
Отчего же так печальны?
Оттого, что дали снежны,
ветки мерзлы и хрустальны.
Так на ветке обнаженной
неуютно, холодно им.
Он сказал тогда, влюбленный:
«Есть же области со зноем!
Полечу и отыщу я,
подожди меня, подруга».
День и ночь ждала, тоскуя.
Ночь и день. Лишь воет вьюга.
И подруга начинает песню ласки и печали:
«Где ты? Кто об этом знает?
Может, реки? Может, дали?
Реки льдяные безмолвны,
дали скрыты мглою вьюжной.
Где твой голос, неги полный?
Где твой зов — напев жемчужный?»
Сорвалась, тоскует, ищет.
На шипы летит, не видя,

а свирепый ветер свищет
и рычит в глухой обиде.
«Где ты? Сердце ужаснулось!» —
птичка тщетно вопрошает.
Вот споткнулась, пошатнулась,
вот упала, умирает.

АРАУИ

Ушла голубка, ушла родная.
Голубка, где ты?
Тебя зову я, не уставая,
но нет ответа.

Звезда — моей неверной имя.
На небе нашем
ее не спутаешь с другими:
она всех краше!

Луна и солнце друг с другом спорят,
хотят светила
сиять в горящем веселом взоре
голубки милой!

Найти слова для взоров милой
не в силах разум!
Как будто утром взошли над миром
два солнца разом!

Ресницы милой разят, как стрелы,
в них — яд, в них — чары.

Чье сердце встать бы не захотело
под их удары?

А щеки милой на белом лике
горят, играют...
Так в снежном поле цветы гвоздики
вдруг расцветают.

Не зубы — жемчуг во рту искрится,
с ее дыханьем,
с ее улыбкой вокруг клубится
благоуханье.

Когда, раскрывшись, бутоны хлопка,
как снег, сияют,
то груди милой они лишь робко
напоминают.

У милой пальцы как сталактиты.
В одно мгновенье
почуешь пламя в своей груди ты
от их движенья.

АРАУИ

Солнце мое, занялись уже пламенем
кудри твои, золотые и пышные,
стебли маиса окутаны маревом.

Быстро пожухли листочки зеленые,
жизнь их торопишь ты жарким дыханием,
ты выжимаешь их соки последние.
В стрелы дождя обрати стрелы пламени.
Створы очей приоткрой, о великое
солнце, источник света живительный.

АРАУИ

Видно, под тяжкими тучами
в дождь меня мать зачала.
Вот и скитаюсь, как туча,
слезы, как дождь, проливаю.

«В люльке беды ты родился»,—
с мукой мне мать говорила
и, пеленая, рыдала,
как в половодье река.

В мире еще не встречались
люди, меня несчастливей.
Вот и живу, проклиная
ночь, когда я появился.

ГОЛУБКА, ПОМНИ...

Голубка, помни,
как были вместе,
не забывай,
как мы любили.

Один я нынче
и предан муке,
связали крылья —
не улечу я.

Друзья, на помощь
ко мне придите
и развяжите
тугие путы.

А не спасете —
посострадайте,
мою беду
оплачем вместе.

Пойду искать я
свою погибель

и, может, встречусь
с другой любовью.

Другой любимой
познаю ласки,
она полюбит
во мне супруга.

Ну, а не встречусь
с другой любовью —
пойду скитаться,
пока не сгину.

КАШУА

Близок час, когда нашего Инку потешим.
Будем с ним танцевать в новолунье
и сладчайшую песню затянем.
Близок час, когда мы вместе с Инкой
потанцуем.

Ну, а ты, моя туйя, моя золотая голубка,
ты не бойся поры новолунья.
На цветущем лугу мы сойдемся —
пусть на нашу игру поглядят
золотистые звезды.

УАНКА

Был ты жизни путем, нежной дерева был тенью,
водопада струею ты был для меня чистой.

Не в твоих ли ветвях мое сердце гнездо свило,
не в твоей ли тени расцветала моя радость?

Как же так, что ушел ты, меня здесь одну кинув,
и уже на меня своего ты не бросишь взгляда?

По какой же тропе ты ушел, меня здесь кинув?
Для меня не раскроются больше твои губы?

У какого же дерева мне попросить тени?

И какой водопад мне подарит свою песню?

Как посмел ты уйти и меня здесь одну кинуть?
Для меня мир — пустыня, когда тебя нет рядом.

ВЕЛИКИЙ ИНКА АТАУАЛЬПА

Черная ты отчего,
радуга в небе?
Мести стрелой поджидает она
недругов Куско.
Грохот повсюду градин зловещих
слышен.

Ты ее каждый предчувствуешь миг,
сердце,
даже во сне настигающую меня,
даже в беспамятстве ночи,
синюю муху, вестницу смерти;
вечная мука.

Солнце становится желтым, таинственное
меркнет;
труп Атауальпы и имя оно облачает
в саван;
время в одно миганье сжимается смертью
Инки.

Шею владыки сдавил его враг
лютый;

крови река, разделяясь на два рукава,
льется.

С хрустом неистовую тоску закусили его
зубы;
стали свинцом те, что солнцами были —
очи.

Холод объял великое сердце
Атауальпы,
в плаче людей с Четырех Пределов оно
тонет.

С неба спустились, черным-черны,
тучи;
съежилась вся Мать-Луна, заболев
с горя.
Все поукрылось, попряталось все
в скорби.

И не желает земля
        своего господина в могилу
прятать —
трупом стыдится признать того,
        кем была так любима
в жизни,
ей пожирать своего владыку
жутко.

Скальные бездны дрожат, отзываясь
песнью прощальной,
воет река во всю мочь своей боли,
воды вздымая.

Слезы, сливаясь, единым потоком
стали.
Кто не падет, по тому, кто так дорог был,
плача?
Кто из детей за отца не отдал бы
жизни?

Ранено сердце, болит, бесславное,
стонет.
Разве лесная дроздиха
в неистовстве не покорится
своей природе?
Разве не радость влюбленной любимому
отдать дыханье?

Слезы кровавые, отнятые у его ликованья
слезы,
вы отразите, как жидкое зеркало, смерть
Инки.
Каждую грудь да омоет его
нежность.

Все, кто обласкан множеством был
рук его мощных,

кто защищен был крылами его
сердца,
кто был укрыт, как надежною тканью, его
грудью,—
ныне взвывают
горестными голосами скорбящих вдов.

Самые знатные жены, тоскуя, склонились
вместе.
Для принесения жертв облачился
жрец Вильях-Ума.
Молча мужчины пошли вереницей
к могилам.

В смертной тоске убивается Мать-
Койя;
льются рекою на желтый труп
слезы.
Лик неподвижный поник, а уста говорят
тихо:

«Куда ты делся, от моих глаз
запропастился,
мир ты покинул зачем
на мое горе,
смертью навек растерзал
ты мое сердце».

Золотом выкупа обогащен
алчный испанец;

страшное пожрано сердце его
властолюбьем;
то на одних он кидается, то на других,
все ненасытнее, все мрачнее,
бешеный зверь;
все, что просили, им отдали,
даже с придачей,—
все же убили тебя.

Всю их алчбу, к которой взывали, насытил
ты лишь.
Ты умирал в Кахамарке,
там ты угас.

Вот и не стало совсем в твоих венах
крови;
вот и не стало в глазах у тебя
света;
в глубь самой яркой из звезд
канул твой взгляд.

Стонет, болит, скитается, бьется твоя
душа-голубка;
муку терпя, исступленно рыдает твое
милое сердце.
Сердце раздавлено пыткой
вечной разлуки.

Чистый, сверкающий золотом трон,
люлька твоя,

кубки златые и все
отдано было.

Сколько замученных
под чужестранной властью
и разоренных;
отнята память, растерянны, загнанны мы
и одиноки;
тень, укрывавшая нас, ты мертва,
мы плачем;
некуда, не к кому нам возвращаться.
разум теряем.

Инка, снесет ли твое
сердце
наши скитанья
по бездорожью,
жизнь, окруженную страхом, врагом
попранную?

Очи, умевшие ранить, как стрелы судьбы,
ты приоткрой,
великодушные руки свои
нам протяни
и, укрепив наши сердца,
с нами простись.

ОПЛАКИВАНЬЕ ДЕВУШКАМИ СМЕРТИ ИНКИ АТАУАЛЬПЫ

Фрагмент

Вор,
ты — как лис труслив,
ты — как черепаха.
Что за храбрость биться, спрятав тело.
Ты раскрой-ка грудь — тогда увидим,
чью прочнее душу солнце закалило.
Инка воевал, уча закону,
всех дарил заботами своими.
Лишь одни безумцы умирали.
Ты твердишь, что бог твой благ, а нас
убиваешь,
говоришь — он милостив, а грабишь.

УАУАКИ

Юноши

Оттого, что ты звезда,
да!
ты во тьме горишь всегда,
да!
но лишь вспыхнет солнца свет,
да!
как тебя на небе нет,
да!

Девушки

Если вправду я звезда,
нет!
в сердце мой проникнет свет,
нет!
а от солнечных огней,
нет!
ты зажмурь глаза плотней,
нет!

Юноши

Только ночью при луне,
да!
ты, дразня, киваешь мне,
да!
лишь к тебе направлю бег,
да!
превращаешься ты в снег,
да!

Девушки

Ты на мой далекий зов,
нет!
поспешай без лишних слов,
нет!
лед и снег моей души,
нет!
ты расплавить поспеши,
нет!

Юноши

Если стану я огнем,
да!
тотчас ты растаешь в нем,
да!
может, ветер ты, туман?
Да!

Может, морок и обман?
Да!

Девушки

Коль растаю без следа,
нет!
напоит тебя вода,
нет!
если я всего лишь сон,
нет!
пусть с тобою будет он,
нет!

УАЙНЬЮ

Я давно уж сказал,
что ты
будешь с правой руки
моей.

(Только ты от нее
скрывай,
я спровадить ее
хочу.)

Звездный свет тихих глаз
твоих
правит сердцем моим
теперь.

И самой чернотой
своей
твои кудри меня
влекут.

Мил цветок твоего
лица,

поцелуя достоин
рот.

Но всего прекраснее —
грудь,
белизна ее так
нежна.

А как слушаешь ты
меня,
брови-радуги
приподняв!

Пусть сольются губы
у нас
и друг друга поймут
сердца.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Разлучили меня с любимым,
чтобы слезы мои
увидеть.
Ты ответь, любимый,
неужто
в облаках твой путь
затерялся?
Ты не плачь, любимый,
в пустыне,
и не пой ты песен
печальных.
Ах, лица твоего
зерцало
далеко. Твой смех — только эхо!

УАККАТАКИ

Будто снег, бела моя скотинка,
нынче на лугу ее пасу я,
малую — в руках ее носил я,
подросла — сам вывел из загона.
Для приметы голову ей лентой,
пестрой и красивой, повяжу я,
а на ней подвесков будут кисти,
чтоб с ее ушей они спускались.

ПЕСНЯ ВОИНОВ

Над укрепленьем Саксауаман
вьется наш стяг,
солнце, луна и звезды на нем
жарко горят.

Воины, в чьих беспорочных сердцах
ни малодушья, ни трепета нет,
слушайте ровный их стук, подняв
маканы, палицы и пращи.
Вы проучите в сраженье врага
Тауантинсуйо, в его ряды
врезайтесь, чувствуя за спиной
родину и очаг.

Смерть не страшна —
лучше вам пасть,
чем на чужбине лить слезы рабов,
Тауантинсуйо отдав на позор.

ДИКАЯ ГОЛУБИЦА

Будь послабее любовь,
дикая голубица,
то и была б побойчей,
недотрога,
смел и тихоня бы стал,
дикая голубица,
да волю дал бы он ей,
недотрога.

Дикая голубица,
недотрога,
дню начинаться,
а мне — в дорогу.

Ласточка, резвы крыла,
дикая голубица,
ты б указала мне путь,
недотрога,
как мне неслышно пройти,
дикая голубица,
как мне судьбу обмануть,
недотрога.

Дикая голубица,
недотрога,
дню начинаться,
а мне — в дорогу

КАК СВЕТ ОЧЕЙ...

Как свет очей моя
любимая была.
Куда от ласк моих
уйти она могла?

Где мне искать ее,
как мне вернуть мой свет?
Я б шел, ее шагов
целуя каждый след.

Змеится между скал
твой, Апурймак, плес.
Разлейся перед ней,
моих напившись слез.

Дай, сокол, мне свои
могучие крыла...
Вдруг в горную страну
любимая ушла?

Как слезы лью из глаз,
так, туча, дождь пролей.

Дорога, так блуждай,
чтоб встретиться мне с ней.

Ты, дерево, мою
любимую укрой
от зноя и дождя...
Ах, быть бы мне тобой!

ПОЛНО, ГОЛУБКА, ПЛАКАТЬ...

«Полно, голубка, плакать,
что тебя бросил милый;
неблагодарный вернется,
вспомнив, как ты любила».

«Разве из Хаухи речку
пустишь в обратный путь?
Так и меня не воротишь,
раз удалось улизнуть.

Как хорошо холостому!
Жизнь у него на славу!
Золото-жемчуг —
ее оправа.

А у женатого
горестям нет конца,
гнет на нем тяжелей
меди-свинца.

А уж у вдового жизнь
как хороша да славна:
в золото-серебро
рядится она».

БЕДНАЯ ДРОЗДИХА

Повстречалась бедная дроздиха,
крыльями насилу шевелила,
в стареньком гнездовье ни пушинки.

«Он как коршун, каменное сердце,
только что летать он научился —
сразу свой родимый дом покинул.

Голыша, его зимой и летом
я кормила, я его учила,
да назад дорогу позабыл он.

Как его погонит грозный сокол,
в старое гнездо он воротится,
только в нем меня уже не встретит».

КЛЮЧ

От стольких мук ключом
я стал, пробив гранит.
Сок моих мук другим
пусть жажду утолит.

РОСА

Капли росы
на лепестках цветов —
слезы луны,
плачущей по ночам.

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Не отдавай любовь жене другого:
что с ним, она с тобой проделать сможет.
Не забывай, что брошенное семя
земля не поглотит, но преумножит.

ЛИЦЕМЕРКА

Всюду твердишь, мол, честна ты,
всем говоришь — недотрога,
и добрые люди верят.
Постой, вот скроется солнце
и темная ночь настанет —
скажу тебе, кто ты такая.

ЕЩЕ ПОСМОТРИМ

Красотка с родинкой на щеке,
коли свободна — пошли со мною,
коли замужняя — бог с тобой,
коли вдовица — еще посмотрим.

СОСТРАДАНИЕ ЧУЖЕЗЕМЦА

Когда твои беды
оплакивает чужеземец —
в сердце он прячет усмешку.
Оберегай свое стадо.

ТРУС

Если голубка ради
малых птенцов похитит
зерно маиса, бедняжку
без жалости убивают.
Если же подлая пума,
сытая, ради забавы
задирает теленка,
все разбегаются в страхе,
прячутся кто-где попало.

ПАСГОРАЛЬ

Попрошу я ламу —
стань золотокудрой,
блещущей, как солнце,
как любовь, могучей,
облачка нежнее,
тающего в небе,—
чтоб я сделал кипу
и на нем пометил —
как проходят луны,
что цветет, что вянет.

ХОЗЯИН

Бедная ты, лама,
жалкая такая;
ты почти без пищи
и всегда в работе.
Все боятся пумы —
наглая воровка
жрет везде, где хочет,—
кто ей помешает!
Ничего нам пришлый
не принес хозяин,
но осел навечно
здесь, на наших землях.

МОЛЬЕ, МОЛЬЕ...

Молье, молье,
древо гор со сладкими плодами,
с той поры, как сока их отведал,
не встречался я с моей любимой.
Сауко, сауко,
ты укрой меня своей листвою.
Солнце и луна,
солнце и луна,
вы мне дайте света,
вы тепла мне дайте,
солнце и луна,
вы тепла мне дайте.
Звезды, звезды,
дайте мне своих лучей побольше,
звезды, звезды,
чтоб найти я мог мою голубку.

ИВУШКА С ВЕТКОЙ ЗЕЛЕНОЙ...

Ивушка с веткой зеленой,
цвета надежд моих ива,
здесь, под твоею листвою,
свою вину я оплачу.

Смерти моей захотели —
только живу я покуда,
я и не чувствую даже
мне поднесенной отравы.

Чтоб уходил, мне велели,
да все никак не уйду я,
все никого я не встречу,
кто проводил бы до дому.

НАД ОЗЕРНОЙ ГЛАДЬЮ...

Над озерной гладью
я увидел чайку.
«Вспомнилось,— сказал ей,—
сердцу дорогое».

ЖИЗНЬ МНЕ ДАЛА МОЯ МАТЬ...

Жизнь мне дала моя мать,
ай!
только в ненастную ночь,
ай!
чтоб мне как дождь слезы лить,
ай!
чтоб мне как туче брести,
ай!
от двери к двери блуждать,
ай!
будто перо на ветру,
ай!

ПТИЦА ПОКУ-ПОКУ

Видно, я родилась
в гнезде поку-поку,
чтоб нести заботы,
плакать, как в гнезде
плачет поку-поку.

Мать с отцом, зачем вы
меня породили?
Чтоб, как поку-поку,
плакать мне, скитаясь
по холмам и долам?

Поднимусь я в горы —
позабыть заботы,
да про них напомнят
ветра свист, солома...

КОГДА НА ОСТРОВЕ...

Когда на острове одна останешься,
отец не сможет тебя докликаться —
беда мне, доченька! —
и мать к тебе уж не дотянется —
беда мне, доченька!

Тогда тебя владыка селезней
начнет обхаживать
дождями глаз, слезой кровавою,
дождями глаз, слезой кровавою.

Потом уйдет владыка селезней —
когда по всей реке
волнение,
когда волна в реке
расходится.

Тогда уж я начну тебя обхаживать
своею песнею:
«Я молодое ее сердце выкраду,
то сердце юное
возьму я в непогодь».

Я МУХУ КОРМЛЮ...

Я муху кормлю
огнеглазку,
я муху кормлю
златокрылку.

Несет она смерть
в огнистых глазах,
несет она смерть
в ворсинках своих золотых
и в крыльях красивых.

В зеленой бутылке
ее я кормлю;
не знает никто —
ест ли она,
не знает никто —
пьет ли.

Ночами блуждает она,
как звезда,
горя алым светом,

и ранит огонь ее глаз
насмерть.

Несет любовь
она в огнистых глазах.
И кровь ее
от этой любви
пылает во тьме.

И я эту муху ночную,
смертельную муху
кормлю
в зеленой бутылке,
забочусь о ней.

Но уж никто
никогда
не должен узнать,
даю ли ей пить,
даю ли ей есть.

ХРУСТАЛЬНАЯ РЕКА

Хрусталь реки —
из глазури,
слезы реки — золотые
рыбки,
от плачей реки —
наносы.

Ущелье реки
между стволами тар,
прячется за поворотом
в бездне,
рычит в теснине,
где хоронятся гуакамайи.

Далеко, далеко
унеси ты меня,
милая речка,
с любимым моим,
меж утесов крутых,
среди туч и дождей.

ЧТО ЗА БЕДА ЕЙ СНИТСЯ?

Девочка спит —
волосы вместо подушки.
Плачет во сне,—
не плачет —
рыдает.
Что за беда ей снится?
Кто ее ранил?
Ах, кто ее ранил в самое сердце?

Свистни-ка, свистни,
гуакамайя,
чтобы проснулась,
свистни-ка, свистни,
гуакамайя.

ЮНКА

Погребальная песня

«Куда ты, отец мой, уходишь?» —
«В великую странствовать сельву».—
«Зачем и кто твой вожатый?» —
«Засеивать коку, один я».—
«Так поскорей возвращайся!
Я буду ждать — убиваться!
Я буду ждать — горько плакать!

На горе, где пройдешь ты,
полыхает черное знамя.
В ущелье, каким пройдешь ты,
цветет разнотравье.
Как горько, как горько сердцу
с родимым навек прощаться!»

«Колокол в Паукартамбо,
ты прозвони на прощанье.
Я иду в великую сельву.
Назад мне не воротиться».

В ЭТИХ ПОТЕМКАХ

О мои солнце с луною!
Где вы встаете,
где, восходя, вы горите,
там, по ущелью, уйду я.

О мои солнце с луною!
До кой поры вас не будет?
Плачу я в этих потемках,
всю-то вас ночь дожидаясь.

О мои солнце с луною!
Где, восходя, вы горите,
я через горы, ущельем,
должен назад воротиться.

НЕТ У МЕНЯ НИКОГО...

Нет у меня никого,
я одинок, одинок,
вроде степного цветка —
как же грустна его тень.

Туго я кену мою
жилой быка обтяну,—
пусть будет звонок и чист
голос, охрипший от слез.

Что она, вся эта жизнь!
Позатерялись пути.
Кто утешал — тех уж нет.
Копчено все для меня!

Я НА ГОРЕ ПОДЖЕГ ТРАВУ СУХУЮ...

Я на горе поджег траву сухую,
костер развел я на вершине.
Какой огонь,
какое пламя!

А ну взгляни — еще пылает?
Тогда иди, подружка!
Ты чистыми слезами
огонь погасишь.
Над ним поплачешь —
он станет пеплом.

НЕТ У МЕНЯ НИКОГО...

Нет у меня никого,
я одинок, одинок,
вроде степного цветка —
как же грустна его тень.

Туго я кену мою
жилой быка обтяну,—
пусть будет звонок и чист
голос, охрипший от слез.

Что она, вся эта жизнь!
Позатерялись пути.
Кто утешал — тех уж нет.
Кончено все для меня!

Я НА ГОРЕ ПОДЖЕГ ТРАВУ СУХУЮ...

Я на горе поджег траву сухую,
костер развел я на вершине.
Какой огонь,
какое пламя!

А ну взгляни — еще пылает?
Тогда иди, подружка!
Ты чистыми слезами
огонь погасишь.
Над ним поплачешь —
он станет пеплом.

ЦВЕТОК, УБИТЫЙ КОЛИБРИ

Канту́ — прекрасный
горный цветок,
ранил колибри тебя, отравил,
клювом-иглою просек,
и вытекает твой сок,
канту-цветок.

Ранен, ты быстро
соком истек,
горный цветок,
лиловый цветок,
быстро поблек и опал
за лепестком лепесток.

Нет больше канту-цветка —
ни лепестка.
Золотокрылый колибри
клювом просек,
ранил тебя,
выпил твой сок.

НИ КРОШЕЧНОЙ РОСИНКИ...

Вигонь с холмов, олень-тарука с гор,
неверная не проходила здесь?
Голубка, что покинула гнездо,
любимого забыла своего?

Вигонь с холмов, олень-тарука с гор,
придите поглядеть, как слезы лью.
Один я и унять не в силах слез,
один, и сердце ранено мое.

Так пусть томится жаждою в пути,
пусть инея на жниве не найдет,
ни крошечной росинки на траве,
пускай томится жаждою в пути
голубка, позабывшая меня.

В МОТЫЛЬКА ОБРАЩЕННЫЙ...

В мотылька обращенный,
проник я в твое жилище,
к самой приник твоей тени.

Будто не узнавая,
на крыло ты мое наступила,
грудь мою раздавила.

Как же назад полечу я
без крыла и с раздавленной грудью?
Вечно биться я буду над тенью твоею,
вечно — слезы в глазах, в сердце боль.

ЖАЛОБЫ ОВЧАРА

Я измотался с твоей отарой,
я стерегу ее днем и ночью,
а ем колючки с травою, корни,
дикие зерна.

Меня забыл ты и не приходишь.
Гляжу все время я на дорогу,
а дни проходят,
гляжу-гадаю: «Вон тот, вон этот» —
тебя все нету,
«вон тот, вон этот»,— а вижу только
валун высокий
да тень свою же с собою рядом.

Хозяин подлый
сегодня только ко мне явился
с маисом жженым,
с засохшим хлебом.

«Лис, твой приятель, крадет овечек,
покуда я, снег нахлобучив,
туман напялив,
твою отару блюду, сквалыга».

ПЕРЕДАВАЙ...

Передавай —
но не кради,
передавай —
но не бледней.

Чуть побледнел,
чуть покраснел —
признают вором.

Передавай...
Овец не хватит —
добавь оленя,
добавь вигонь.

БАБОЧКА-ПОСЛАННИЦА

Бабочке я велел,
я наказал стрекозе —
вы мать навестите мою,
моего навестите отца.

Вернулась бабочка, наконец
вернулась и стрекоза.
«Твоя мать слезы льет,— говорят,—
горюет,— говорят,— твой отец».

Сам я отправился к ним,
сам перенесся туда,
и правда — мать слезы лила,
и правда — отец горевал.

ЗЛОВЕЩИЙ КОНДОР

Над крышей моею кондор летает,
над деревней моей кружится.
Ищет, ищет добычи
кондор,
ищет, ищет добычи
кровавый.

Верно, уже проведал
о моей одинокой судьбине,
об участи моей злосчастной.

Потому-то над моею крышей
кружится-летает
зловещий кондор,
летает-кружится
кондор зловещий.

ДАЖЕ ОТЕЦ

Солнце первым лучом
горит,
отражаясь, луна
блестит.

А солнце мне не отец,
а луна мне не мать —
нас с тобою им
не разнять.

Да и хоть бы отец,
да и хоть бы мать —
друг у дружки нас
не отнять.

КЛЕЙМЕНИЕ ЛАМ

Хороша ты у меня, лама,
ты красива у меня, лама,
твоя шея пряма, горделива,
уши будто плоды банана.

Ты прекрасна у меня, лама,
всех резвей ты у меня, лама,
у тебя не глаза — звезды,
мягче шелка у тебя шерстка.

Хуан Уальпаримачи Майта

РАЗЛУКА

Это правда ли, голубка,
что уходишь ты далёко,
в те селения, откуда
ни один не возвращался?

На кого гнездо оставишь,
уходя в чужие дали?
Что один я буду делать
с тяжкой ношею печали?

Покажи мне ту дорогу,
путь, который ты избрала,
ты, что лишь одна мила мне!

Оболью слезами землю,
по которой ты ступала,
оболью слезами камни!

Если ты вздохнешь однажды:
«Солнца жар меня сжигает,
я в пути от зноя стражду!» —
стану тучей в ясном небе,
принесу я тень подруге,
буду с ней дыханьем каждым.

Только скажешь:
«Как я жажду!
Если б мне напиться дали!» —
и пролью я слез потоки,
напою тебя в пустыне,
где лишь выжженные дали.

Дочка камушков сыпучих,
дочка змеек быстрохвостых,
ты куда теперь уходишь,
на кого меня бросаешь?

Для меня
померкло солнце,
от меня
сокрылась радость,
мне теперь никто не скажет:
«Не горюй, утешься, братец!»

Ты была еще ребенком,
белокрылая голубка,
а уж я не знал покоя.
Словно солнцем ослепленный,
в красоту твою влюбленный,
застывал перед тобою.

Словно звезды с небосклона,
мне глаза твои сияли,
в сумрак сердца проникая.
Я в мечтанья погружался,
наяву бродил, как сонный,
оттого, что ты — такая.

У орла я взял бы крылья,
за тобою бы помчался
всех проворнее на свете.
Я бы с вихрем повстречался,
за тобою вслед летел бы,
обхватив за шею ветер.

Мы свои связали жизни
в крепкий узел — не разрубишь,
и друг другу мы сказали:
«Нас теперь никто не сможет
разлучить до самой смерти,
даже смерть сама — едва ли!»

Радость сердца, радость взгляда
ты, подруга-голубица,

утешительница в бедах!
Где бы в мире ни была ты —
ты одна моя отрада,
ты — души моей зарница!

Вспоминай меня, подруга,
в час, когда вершину Ми́сти
увидать тебе придется.
Я ж тебя забыть не в силах,
и такой на сердце холод,
и такое в нем сиротство!

КОГДА БЫ СТАЛО ВОЗМОЖНО...

Когда бы стало возможно,
чтоб мой золоченый гребень
прошелся по этим прядям
невиданной черноты.

Когда бы стало возможно,
чтоб, словно звезды на небе,
твои глаза засияли
во тьме моей слепоты.

Когда бы стало возможно,
я пил бы твое дыханье,
а ярких губ твоих розы
горели еще нежней,

и от руки белоснежной
сильнее лилось сиянье,
и лилия, устыдившись
себя, склонялась пред ней.

Когда бы стало возможно,
чтобы при каждом шаге
все больше цветов душистых
цвело на твоем пути —

тогда б твое сердце, верно,
слилось с моим воедино,
чтобы цветком бессмертным
вечно в груди цвести!

МАТЬ

Что за тучи ходят в небе,
громыхают грозы?
Это мать моя, наверно,
проливает слезы.

Солнце всем сияет равно,
мне же свет неведом.
У других бывает радость —
я привычна к бедам.

Сколько слез я источила —
не вмещают реки.
Все без матери грустила,
без ее опеки.

Я в реке искала смерти,
но меня упрямо
волны на́ берег выносят:
«Может, сыщешь маму!»

Ах, когда б она видала
все шипы-занозы,
что мое пронзили сердце,—
пролила бы слезы.

Карлос Фелипе Бельтран

ПЕСНЯ

Мне во смутном сне приснилось,
что у мира взгляд орлиный,
но сегодня я проснулся
и обманный сон отринул.

Этот мир — цветок увядший,
а совсем не вольный кондор.
Видишь: облако теряет
в поднебесье лживый контур?

Луис Кордеро

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ ИНДЕЙЦА

Я брошу родную землю
и все, что нажил трудом,
поскольку моя отчизна
мне больше не отчий дом.

Оставлю жену и сына,
забуду лицо врага,
отправившись лунной ночью,
как узнанный вор, в бега.

Наверное, так же голубь,
спасаясь от лап орла,
падает вниз, не видя,
что прямо под ним — скала.

В последний раз поклонюсь я
порогу и очагу,
поскольку господской власти
я вынести не могу.

Когда-то я был мужчиной.
Как глину, я мял металл.
Зачем ты, тиран всесильный,
хозяину нас отдал?

Он взял и кров мой, и землю,
жену мою и сестру.
И стал я, былой мужчина,
былинкою на ветру.

И дочь мою он замучил...
О господи, рассуди!
Уж лучше б он вырвал сердце
мне заживо из груди.

Один лишь священник помнит
мой горестный плач и стон.
Я проклял себя за то, что
индейцем я был рожден.

Сегодня я уезжаю.
Прощайте, жена и сын.
Отныне вам наш хозяин —
единственный властелин.

Быть может, он разрешит мне,
когда подоспеет срок,
когда накоплю я денег,
взойти на родной порог.

Быть может, вы как-то ночью
услышите стук в окно
и стисну в объятьях вас я,
не видевший вас давно.

Быть может, уйдем отсюда
когда-нибудь мы втроем
и где-нибудь на свободе
мы снова построим дом.

Но это — лишь дым надежды.
А ныне — что делать мне?
Ведь я же с тоски подохну
в сырой и чужой стране!

Впитаю в себя я запах
чужой и сырой земли...
И кто известит вас, милых,
когда я умру вдали?

...Пробилась луна сквозь тучу,
взглянув на мир свысока.
Пришла минута прощанья,
и с нею пришла тоска.

Прощайте, мои родные!
Но кто же виновен в том,
что ныне моя отчизна
мне больше не отчий дом?

Коси Паукар
(Сесар Гуардиа Майорга)

ПОЭТЫ, ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПЕПЛА!

Фрагмент

Восстаньте же,
дети земли!
Раскрутите пращу,
тетиву натяните!
Да будет услышан ваш голос
в каждом ущелье,
на каждой вершине!

Очнитесь, кормильцы мира!
Зарделся новый день,
закачались и взревели горы,
взвыли вольные трубы ветра,
зарделись луна и солнце,
запели реки
звонким голосом свободы!

Огласите волю свою, землеробы!
Вот он — ваш день,
вот оно — ваше солнце,
трепещущее в небе
алым знаменем.

Видите — с вами
вся вселенная!
Всякий забытый
и всякий забитый
судьбой
работник планеты
встанет в ваш строй!
Земледелец
будет владельцем земли,
горе
мы загоним в гроб,
рабочий
перестанет быть рабом,
а страда — страданием.

Восстаньте, дети земли!

Разогнитесь, угнетенные!
Раскрутите пращу,
тетиву натяните!

Новый день
зарделся для вас
кумачом рассвета!

Индейцы,
грядет свобода!
Былого рабства
не будет больше,
если мы вместе
провозгласим:
«Лучше умереть, чем покориться!»
Индейцы,
грядет свобода!

КРАСНОЗВЕЗДНОЙ СТРАНЕ

Под грохот грома, вспышки молний
ты пробуждалась ото сна.
Теперь же алым озареньем
ты озаряешь мир.

Твой древний дух стал юным,
сильным:
вобрал он мощь людей труда!
Ты в новых мыслях возвестила
приход иных времен.

Пройдя сквозь боль, изведав горе,
источник мудрости найдя,
ты боль и горе победила,
от смерти защитила жизнь.

Одевшись в яркий цвет маиса
и цвет пшеницы золотой,
сумела ты низвергнуть голод,
изгнать навеки нищету.

В единую семью сплотила
ты миллионы сыновей.
Во всем друг другу помогая,
они преображают мир:
из рек они творят моря,
машины-луноходы строят
и шлют к Венере корабли.

Ты силой мудрости и воли
с рожденья вечность обрела.
Живешь ты вечно
средь раздумий
тех, кто уже на склоне лет.
Живешь ты в детском звонком смехе,
в сердцах трудящихся земли.

И только те, что богатеют
за счет труда других людей,
за счет их пота и страданий,
тебя всем сердцем ненавидят
и проклинают.

Они, народы угнетая,
опутывая ложью их,
от ненависти обезумев,
готовят страшную войну.

Но ты — могуча и спокойна!
Могуч и труд твоих людей:

они пустыни орошают,
возводят стадионы, школы
и познают величье истин,
стремясь вперед и лишь вперед —
к неугасающему счастью.

Твой алый цвет рожден был кровью
борцов за волю. Но сейчас
не символ битвы он и крови,
а знак свободы, солнца, жизни.
Оттенки миллионов панти,
свеченье миллионов канту
твой алый цвет в себя вобрал.

Душою, разумом и сердцем
в твоих рассветах вижу я
сиянье будущего мира,
деянья новых поколений,
величественные творенья
творцов, которые грядут.
Овеянная вечной славой,
неси народам свет и радость
ты, Краснозвездная Страна!

УАЛЬГА

Когда мы с ней принадлежали
только друг другу,
ее звали Уальгой.
Глаза у нее были как две ночи.
А волосы — еще чернее.

В ту пору, когда я любил ее,
я — и больше никто,
ее звали Уальгой.
Зубы у нее были словно
снежные розы.
Губы — как алые ягоды канту.

Когда она любила меня
и только меня,
ее звали Уальгой.
Если она вдруг плакала,
на листьях проступала роса.
Если смеялась —
ручьи начинали светиться.

Когда она принадлежала
мне одному,
когда владела мной одним,
ее звали Уальгой.
Как же зовут сегодня
эту женщину,
которую я называл Уальгой?

От нее осталось только имя
у меня на губах,
остались ее очи,
запавшие мне в сердце.
Горлинка моя!
Тебя когда-то звали Уальгой.
Сегодня — как тебя называют?

ПРИДИ ЖЕ!

Ну, приди сегодня ночью,
подкрадись ко мне неслышно
и заставь меня на ложе
беспробудным сном уснуть.

Усыпи меня с любимой!
Пусть мы с нею растворимся,
как трепещущие тени
растворяются в ночи.

Пусть мы больше не проснемся,
ибо хоть и стала в тягость
наша жизнь для нас обоих,
все равно нам будет трудно
в ясный полдень умирать.

Так приди ж сегодня ночью
ты, молчальница-тихоня,
чтобы нас из мира горя
в мир забвенья увести.

Пусть умрем во сне мы оба,
чтобы снова нам не видеть,
как мы с ней друг друга любим,
потому что нам иначе
будет трудно умирать.

Ну пожалуйста, тихоня,
забери нас в мир забвенья,
где мы в мире и покое
сможем вечно видеть сны.

Сделай, чтоб я не проснулся!
Сделай так, чтоб не любил я,
сделай, чтобы я не плакал,
ибо если я проснусь
и любимую увижу
и ее увижу слезы,
то опять себе на горе
расхочу я умирать.

Келко Уарак-ка
(Андрес Алепкастре Гутьеррес)

ПОБЕДНЫЙ ХАЙЛИ О ВЕЛИКОМ ЛЕНИНЕ

Фрагменты

Воин славы! Воин чести!
Вождь — отец советской власти!
Ленин — огненное имя,
имя солнечных восходов.

В день, когда над всей планетой
первомайский праздник льется,
ты встаешь, ты воскресаешь
и ко всем идешь народам.

Мудрость ленинских заветов,
сила ленинского знанья
всех людей зовет трудиться
и сражаться против рабства.

Ты, как Инка Пачакутек,
изменил теченье жизни.
Как Тупак Амару, встал ты,
защищая угнетенных...

Много лет в полях России
проливались кровь и слезы.
Но в лучах твоих заветов
здесь взошли любовь и счастье.

Помня ленинские мысли,
в Верхний мир взлетел Гагарин,
и Титов быстрее солнца
мчался звездными путями.

Кто им дал такую силу?
Кто им дал такое знанье?
Только ты, Амаута Ленин,
только ты, Великий Апу!

Но не все твои заветы
стали жизнью, стали делом.
Есть еще средь нас, живущих,
много сил, враждебных людям.

Люди их преодолеют,
взявшись за руки, как братья,
и найдут дорогу к счастью,
и забудут кровь и слезы.

*

А теперь, Амаута Ленин,
я вхожу в твой Дом Покоя;
я колени преклоняю,
приближаясь к Мавзолею.

Ты живой! Я вижу взгляд твой,
что весь мир обозревает.
Я твои слова услышал
о величье коммунизма.

Не угас великий разум,
он и ныне светит ярко;
сердце ленинское бьется
пульсом всей планеты нашей.

Отдыхай, отец, спокойно,
ты немало потрудился.
Твой костер в сердцах мильонов
ярким солнцем разгорелся...

Ты не ждал похвал, Амаута,
ты не жаждал поклоненья,
ты не ведал сладкой фальши,
ты не верил льстивым людям.

Но мои слова — от сердца,
от моей души индейской:

ты уснул — но ты навеки
стал вождем народа инков!

Я хочу, чтоб жил ты, Апу:
кровь мою возьми, Амаута.
Я помочь стараюсь людям
постигать твое ученье...

Вождь великий и бессмертный!
Ты назвал социализмом
то, что в наше время стало
хлебом многих миллионов.

Смогут жить американцы,
не питаясь этим хлебом?
Разве можно жить на свете,
только золото глотая?

Ныне в сумерках проходят
даже дни капитализма.
А в лицо социализма
светят утро и восходы...

Коммунизм — сиянье солнца,
ты пугаешь сильных мира.
Но приди, приди скорее,
сделай братьями народы!

Коммунизм — цветенье сада!
Ты низвергнешь боль и горе,

ты разрушишь власть богатых,
бедняков поднимешь к жизни.

Ради этого Амаута
отдал жизнь и отдал силы
землепашцам и рабочим,
по его призыву вставшим.

И когда об этом вести
прилетели к нашим Андам,
мы — потомки древних инков —
вновь поверили в победу!

Ленин — сын планеты нашей,
продолжатель дела Маркса,
ты зажег над миром солнце,
что сияет новым светом.

Это солнце озаряет
племена, народы, страны.
Это солнце дарит силу
вечной жизни Человека.

*

Ленин! Скромен этот хайли,
мало силы в нем и красок.
Я к твоим ногам склоняю
этот хайли вместе с сердцем.

ГРАЖДАНИНУ ГОРОДА КУСКО

Человек долины андской!
Сердце — крепость,
кровь — кипенье.
От твоей зависит воли
судьбы мира переделать.

Рекам, бьющимся в изгибах,
вырой путь, прямой и ровный.
Задержи на небе солнце
и проверь его дорогу.

Человек долины горной!
На земле — плодов обилье.
Почему одни едят их,
а другие только смотрят?

Ты открой для знанья разум,
изгони ты с неба тучи,
чтобы силу и надежду
ты обрел в труде свободном.

И тогда от сна и горя
на земле многоплеменной
к жизни радостной восстанут
угнетенных миллионы!

ПУМА — ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОР

Серый кот, рожденный тучей,
у тебя из камня руки!
Ты среди вершин блуждаешь,
ты в снегу приют находишь.

Ты своим свирепым взглядом
с неба тучи изгоняешь
и хвостом своим гигантским
горы Анды обвиваешь!

Копьевидными усами
ты жестоко ранишь солнце!
Языком, как пламя, жарким
кровь ты лижешь, наслаждаясь.

Зверь, возлюбленный богами!
Божество Великих Инков!
Ты сейчас голодный, верно?
Ты, наверно, жертву ищешь?

Ты найдешь ее, когтями
разорвав мне сердце в клочья.
Кинься мне на грудь внезапно —
прекрати мои страданья!

Ты умеешь ранить скалы!
Так порви мне нити нервов,
чтобы я заснул глубоко,
позабыв о всех невзгодах!

ДЕВУШКА ИЗ КУСКО

Звезда слезой родниковой,
канту же — росой искусной
тебя напитали в детстве,
о девственница из Куско!

Взгляну я на эти губы —
как будто канту соцветье.
Взгляну я на эти очи —
как будто соцветье светит.

Луна повстречала солнце
и солнце поцеловала.
От этого поцелуя
ведешь ты свое начало.

Луна, ледяная с виду,
ты в сердце своем вместила,
о девственница из Куско,
свирепый огонь светила.

И кто тебя ни увидит,
тот вспомнит о звездном часе.
О девственница из Куско!
Тебе я желаю счастья.

Хосе Мариа Аргедас

НАШЕМУ ОТЦУ И СОЗДАТЕЛЮ ТУПАКУ АМАРУ

Тупак Амару, сын Богозмея, вылепленный из снегов Салькантая, тень твоя набегает на сердце, словно тень от священной горы, у которой нет ни конца, ни предела.

Твои глаза Богозмея, сверкающие гранями кристалла во всех орлиных очах, провидят грядущее и зрят незримые дали. Вот он я, перед тобой: твоя пролитая кровь укрепила мой дух, и потому я жив до сих пор, и потому не умолк мой голос.

Я взываю к тебе, ибо я — твой народ; ты заново вдохнул в меня душу, ты насытил солью мои слезы, ты повелел не заживать моим ранам. С того самого дня, когда ты сказал свое слово и бросил вызов стальному, кровожадному испанцу, и плюнул ему в глаза, и пролилась твоя кипящая кровь на кипящую землю,— я не знаю покоя и смиренья.

Нет для меня ничего на свете, кроме огня и змеиной ненависти к черным демонам, к моим властелинам.

Поет водопад,
рыдает жаворонок,
кружит в небе ветер,
дрожат степные травы,
рычит священная река,
скрипит и сверкает снег
на зубах у повелителей гор.
Куда ты ушел, Тупак Амару,
в тот день, когда принял за нас
лютую казнь?

Отче наш, Тупак Амару, вслушайся в голоса наших рек, прислушайся к робкому голосу листьев великой сельвы, к белой и яростной пене океана,— вслушайся в нас, отче мой, Богозмей! Мы живы, всё еще живы! Мы черпаем силы в движении рек и камней, в росте деревьев и утесов. Мы вдыхаем их дыхание, мы пьем глотками их кровь, становясь все сильнее. Отче наш, мы встанем на борьбу за твое дело, и на устах у нас вечно пребудут имя твое и твоя славная смерть!

В наших селеньях дети рыдают,
плачет ребенок крошечным сердцем.
В наших долинах плачут мужчины,

плачут, как дети.
Сиры и наги, бескровны, без крова,
будто слепые.
Слышишь — под сенью кроны зеленой
плачет мужчина.
Плачет он, отче, от лютых гонений,
смотрит он зверем.
Нынче труднее всем нам, пожалуй,
нежели раньше.
Слышишь ли, отче, дрожь моей плоти?
Вслушайся в холод выстывшей крови!
Вслушайся в песню горлинки дикой!
Ей не дождаться встречи с любимым.
Вслушайся в слезы рек маловодных.
Слышишь, как плещет ключ
меж камнями?
Мы еще живы!

Из распахнутой раны твоего страданья, которая и поныне не зарубцевалась, хлещет нам в очи ярость, клокотавшая в твоих жилах. Пришла пора нам восстать из пепла, отче наш, брат наш, о Богозмей! Нас теперь не охватит ужас при виде молнии, бьющей из ружья; картечь и пули не обратят нас в бегство. Ибо несмотря ни на что — мы живы! С именем твоим на устах мы хлынем вперед, словно пожар, пожирающий пампу, словно волна наводненья, словно полчища термитов, гряду-

щих из сельвы. И тогда наконец земля наша станет воистину нашей, а наша страна станет нашей страной.

Вслушайся, отче наш, Богозмей!
Слышишь, как пули
вонзаются в нашу плоть,
как точеные штыки
вспарывают нам вены,
как стальные сабли
с хрустом впиваются в наши кости,
как трещат наши черепа и ребра
под тяжелыми копытами
холеных коней?
И так повсюду:
в жарких долинах,
в холодных болотах,
на склонах студеных гор,
на зеленом лугу
и в мертвой пустыне.

Отче наш, Богозмей, чей лик подобен бескрайнему небу, слушай: сегодня у наших хозяев сердце еще червивей, черней и ненавистней. Они совратили наших братьев, они иссушили им души и вложили им в руки оружие, которое не смог бы измыслить даже сам повелитель бесов. Они нас убивают! И все-таки наша жизнь озарена священным светом. Мы

сами — как факелы. Мы вторглись в города наших господ. Мы нахлынули, словно полчища термитов из сельвы. Видишь нас, слышишь нас, незабвенный, любимый и вечный Амару — мы с тобой.

Они отняли у нас нашу землю. Наши овцы жуют сухие листья, которые швыряет на землю ветер — даже он презрел такую пищу! Наша последняя корова в предсмертных судорогах лижет последнюю соль земли. Отче наш, Богозмей! При жизни твоей мы чем-то еще владели, мы жили общиной. А ныне мы, подобно псам, гонимым смертью, бросили все и пустились в бега в поисках теплых долин. Мы рассеялись по тысячам селений, словно птичья стая, разогнанная коршуном.

Слышишь, отче: мы покинули ущелья, долины и пампу, и нас развеяло ветром по всем четырем сторонам света. Правда, есть и такие, кто удержался на пяди своей несчастной земли. Но и они, оставшись там, наверху, среди скал, охвачены гневом, пронизаны мыслью. Мы научились думать. Отныне мы не боимся смерти, ибо наша жизнь холодней и страшнее, чем смерть. Слышишь, отче: лишенья, побои и тюрьмы и дыхание смерти закалили нам дух и тело, и мы стали такими же сильными, как ты, старший наш брат. Куда нас вынесет река этой жизни? Неужели сила, которую

вселила в нас смерть, не поможет нам перевернуть, перекроить этот старый мир?

Я живу в Лиме, в этом гигантском селении пришельцев. На песке, на слезах, собственными руками и собственной кровью, с песней на устах построил я свою хижину. И в доме моем стучит сердце реки моего народа, сердце его трав и цветущих деревьев, и отбрасывает тень на меня тяжелый деревянный крест, и порхает над крышей моей золоченый колибри.

Да, мы вторглись в каменное селенье наших врагов и потихоньку меняем его облик. Мы проникли в него нашими сердцами, нашей непогашенной улыбкой, нашей внезапной, как молния, радостью — радостью страждущего властелина небес. Мы обволокли этот город нашими песнями — и древними, и новорожденными. Ибо нам нужно смыть хоть малую часть векового позора с этой обители зла — смыть слезами ли, любовью ли, огнем — все равно. Здесь нас отныне тысячи тысяч. Мы сплотились — селенье к селенью, плечо к плечу, мы взяли в кольцо этот гигантский город, который некогда презирал нас и отворачивался от нас, как от конского помета. Мы же должны превратить его в селение людей, поющих песни и гимны всех четырех сторон нашего света, в город счастья, где каждому най-

дется работа по душе, в город, которому незнакомы ненависть и злоба и который чист, как снега на гребнях богов-утесов, куда не может доползти трупный запах зла. Да будет так, ибо так и должно быть, отче наш, так и должно быть во имя твое,— имя, накрывшее мир каскадом светящихся вод, озаривших нам душу и путь!

Покойся в мире
и жди, отче,
вслушиваясь и вглядываясь
в нас.
Видишь — я восстал, и мне хорошо.
Я пою твою песню,
я танцую твой танец.
Я научился наречью кастильцев,
я проник в тайну колеса и машины,
и вместе со мной растет твое имя,
и потомки пришельцев
обращаются к тебе
и слушают тебя
с почтением, как опытного воина,
с благоговением смотрят они на тебя,
как на огонь,
в котором, сгорая, прозреваешь.
Заря не за горами.
Я слышал, будто в других народах
и землях

бывшие рабы стали орлами
и кондорами.
Спи спокойно, Амару!
Мы дойдем до высот,
которые тебе даже и не снились,
мы научимся ненавидеть сильнее,
чем ты ненавидел,
мы научимся любить крепче,
чем ты когда-то умел,—
любить любовью влюбленной голубки.
Не тревожься за нас:
вооружившись
такой любовью и такой ненавистью,
мы сумеем добиться того,
что тебе оказалось не под силу.
Ледяным озерам и черным ущельям,
синей мухе, предсказующей смерть,
и луне, и земле, и звездам,
и человеческому сердцу,
такому сильному и такому слабому,—
всему, что есть на белом свете:
и тому, что дышит,
и тому, что дышать не умеет,
и человеку, и голубю,
и песку, и камню,—
всему мы подарим радость и свет.
И священная смерть
будет бродить по нашему городу,
а не летать, как стрела или пуля.

Мир станет человеком,
а человек — миром,
по образу твоему, отче,
и подобию.

Снизойди же на землю, Богозмей, насыть меня своим дыханием, возложи свои руки на незримую ткань, спеленавшую мне сердце. Одари меня силой, возлюбленный отче.

КУБЕ

Чтобы добраться до близкой
и ослепительной Кубы,
мне пришлось пройти, проехать и облететь
почти полсвета.
Виною тому те,
у кого вместо сердца — пачка долларов,
треклятые ненавистники всего человеческого.
И все-таки им не под силу разрушить мост,
ведущий к тебе, о светлый народ,
влюбленный в Человека.
Я лечу к тебе на крыльях
орла-самолета, не знающего усталости.
Подо мной проплывают снежные горы,
и сверкающие вершины кажутся мне
великанами, взявшимися за руки.
Великаны — это народы,
а каждый народ
олицетворен в настоящем Человеке.
И вот, пересекая бескрайние моря,

паря над робкими цветами и листьями,
над снежными бутонами гор,
над сумрачными тропами
тропической чащи,
где цветут деревья жизни и смерти,
я приближаюсь к тебе,
народ, влюбленный в Человека,
народ, одаривший Человека светом,
народ, одаривший Человека свободой,
народ любимой Кубы.
В чреве орла-самолета
уже звучит, Куба, твой голос,
голос державы,
населенной поэтами и учителями;
звучат слова,
вдохновленные верой в тебя,
верой, высокой, как солнце.
Куба, сегодня ты стала
зернышком целого мира,
зачином земной и небесной тверди.
Это бессмертное семя
дает жизнь вечному Человеку.
Куба, крошечная Куба,
ты воистину мала, и все же на свете
нет силы, способной тебя сломить.
Так малое зернышко
раскалывает скалу,
пробиваясь к солнечным лучам.
Дорогой мой, любимый народ,

сердцевина нового мира!
В светлом пламени твоем,
которое сродни огненному солнцу,
сгорают черные тени убийц
и восстает Человек,
достойный озарить вселенную
светилом своего сердца.

О ГУАЯСАМИН!

В каком из миров,
Гуаясамин,
родилась твоя сила?
О карающий голубь,
о рычащая кровь!
В бездне каких времен
возникли твои руки,
зажигающие небо,
воспылали твои очи,
которым под силу
увидеть незримые мирозданья?
Ты, пылающий брат, услышал
наше свербящее время,
наши дни, поросшие шипами,
наши слезные ночи,
ты вслушался в человека,
пожирающего человека,—
и этот мир
ты обрек на вечность своею кистью
и забросил его в дальние пределы,
чтобы никто не смог
ничего в нем подкрасить.

Слышишь, как рыдает человек,
утоляя голод жарким дыханием ветра,
утоляя жажду
нежным дыханием голубя,—
именно так запечатлел ты его, Гуаясамин!
Имя твое отныне подобно
воплю последних детей солнца,
трепету священных орлов,
парящих над Кито.
Оно — словно слезы,
затуманившие взгляд неба
и застывшие вечным льдом
на горных вершинах.
Но не только.
В нем отразились муки людей,
населяющих разные страны:
Соединенные Штаты,
Китай,
Тауантинсуйо,—
в нем воплотились их права и надежды,
за которые они продолжают
бороться.
Ты услышал все это, пылающий брат,
и облек
в свое громогласное слово,
которое могущественнее
и стремительней Апуримака.
Правильно, брат мой. Именно так и надо.
Именно так, Освальдо.

ДРОЖЬ

Говорят,
содрогнулась тень моего народа,
задрожала, как печальная тень
женского сердца.
О, не дрожи, моя боль и печаль!
Приближаются тени кондоров.
«Зачем летят они к нам?
Грядут ли они от имени священных гор
или посланы кровью Иисуса?» —
«Не дрожи, уйми свою дрожь:
это не кровь и не страшные горы,
а солнце сверкает на перьях кондоров».—
«Отец мой, мне страшно!
Солнце такое горячее!
Оно сжигает посевы,
оно иссушает наши стада!
К тому же я слышал,
что за бескрайними лесами,
за гребнями гор

живет золотой потомок солнца —
голодный змий,
ползучее божество,
пожирающее людей».—
«Да нет же, не бойся солнца!
И потом — это светит не солнце,
а только его сердце,
проникая веселым и сильным лучом
даже в черные глазницы кондоров.
Это не солнце, это — просто свет.
Вставай же, вставай, поднимайся!
Проникни взглядом
в этот пылающий глаз,
содрогнись от его блеска!
Не дрожи,
а встряхнись, отряхнись,
как деревья в сельве
после дождя.
Восстань
и провозгласи свое слово.
Народ мой!
Люди!
Сомкните свои тени,
встрепенитесь под зажегшимся
лучом.
Выпейте до капли
кровь золотого змия.
Пусть она брызнет в небо,
ударит в очи кондору,

заставит плясать небеса,
отворит шлюзы
рождению и созиданью.
Сотвори жизнь,
отец мой!
Твори, человек,
твори, мой ближний,
твори, мой сын».

ОДА САМОЛЕТУ

Праотец мой! Вот я здесь в Верхнем мире,
над богами старшими и младшими,
прославленными и безвестными.
Что это? Бог — человек, а человек — бог.
Могучие и прекрасные реки,
размежевавшие землю,
отсюда подобны тонким паутинным нитям.
Человек — бог.

Где теперь орлы, где кондоры?
Чуть заметные, словно крылатая мошкара,
затерялись они в воздухе.

Бог-отец, бог-сын, бог — дух святой,
где ты? Тебя нигде не видно, а я, я здесь,
в мире, который твои служители
и все древние называли Верхним.

Я оседлал пламя и с удобством восседаю
во чреве летящей по воздуху,
сияющей белоснежной металлической рыбы —
создания рук человеческих.
Имя ей — самолет.

Золотые чешуйки всех рек и морей
не сравнятся с ней блеском.
Грозная цепь заснеженных гор
отсюда, сверху, кажется крохотной;
она сверкает, как тоненькая сосулька.

Я человек. Человек — бог. Он создал
эту воздушную рыбу,
эту огромную ласточку.
Благодарю тебя, человек.
Нет, ты не сын бога, а творец его.
Благодарю тебя, отец мой, мой современник.
Кто знает, в какую даль
умчатся еще твои стрелы.
Бог-человек, ведущий свою железную
ласточку-рыбу,
пусть твои силы возрастают день ото дня!
Но помни, ад — не выдумка!
О великий из великих,
не допусти, чтобы этот летающий огонь
испепелял человеческую плоть!
Пусть эта огромная золотая ласточка,
скользящая по небу,

каждый день порождает в твоем сердце
новых богов!

В теплом просторном лоне самолета
я более, чем когда-либо, ощущаю себя
и землей, и человеком, и голубем,
и самой вечностью.
Моя грудь, лицо, руки —
покрывшие всю землю цветы.
Все мои грехи, все недостатки исчезают.
Мое тело возвращается в блаженное детство.
Человек, Повелитель, ты создал бога,
чтобы дотянуться до него,
не правда ли?
Да, ты сотворил бога, чтобы достичь его,
и ты уже близок к победе.
Но берегись самолета, человек:
его клюв острее иглы —
смотри, как бы он не выклевал
тебе глаза.
Он слишком силен, слишком независим,
слишком переполнен огненной мощью,
твой самолет, твоя огромная
белоснежная птица.

Будь осторожен — как бы твое творенье
не принесло тебе дыханье смерти.
Знай: бабочка, сотворенная твоей рукой,
может превратить тебя в пепел.

Выслушай меня, человек!
Здесь, во чреве самолета, мои глаза
обрели орлиную зоркость,
зоркость птицы,
впервые увидевшей мир.
Я не чувствую страха. Моя кровь
устремляется к звездам,
созвездия пульсируют в ней.
Не делай убийцами звезды
и эту летающую небесную рыбу,
это царящее над земными реками божество,
созданное трудом твоих бессмертных рук.
Бог-отец, бог-сын, бог — дух святой,
и вы, духи гор, и ты, бог Инкарри,
смотрите, мое сердце пылает!
Вы — это я, а я — это вы, здесь,
в неисчерпаемом вдохновении полета!

Не спускайся на землю.
Продолжай лететь вверх, все выше, туда,
где в непрерывном кипении
множатся и разлетаются миры.
Возвысься над ними, вечный бог,
бог-человек.
Брат мой, житель земли!
Ты уже победил бога,
даровавшего тебе жизнь
и отнимавшего ее по своей воле.
Теперь ты бессмертен!

А железная птица все кружится, все летит,
гонимая дыханьем богов,
тех, что существуют от сотворения мира
и пребудут в нем до дня его гибели,
о коем никому ничего неведомо.

Марио Флориан

ОЛЬЯНТАЙ-ТАМБО

Глыба, слитая из туч!
Крепость Апу-Ольянтая!

Под напевы Вилька-Майю
поднялась ты царством камня.
И с тех пор раздумий тайны
ты в напевы облекаешь.

Вся в ожогах от пожаров,
ты пращам дарила камни.
О, земля народа инков,
ты изранена веками!

Грозным сказочным драконом
над тобой летает кондор.
Бурных горных рек потоки
древний камень омывают.

Крепость-камень! Только сердце
у тебя не каменеет.

На наречье Вильях-Умы
ты сегодня солнце славишь.

И бессмертный Вильях-Ума,
поднимаясь по уступам,
ранним утром солнце славит
и народ благословляет.

На камнях твоих застыли
слезы Апу-Ольянтая.
Но они теперь сверкают,
предвещая Инти-Райми!

Глыба, слитая из туч!
Крепость Апу-Ольянтая!

Атауальпа Корисонко

КУБА

Куба!
Остров далекий и близкий!
О тебе я песни слагаю,
о твоих берегах и о море,
о твоих несгибаемых людях.

Ненасытные хищники
были
сметены ураганом.
Навеки
позабыты страданье и горе,
приносившие прибыли гринго.

Куба — Солнце!
Ты всходишь к зениту!
Светишь радостно, ярко и щедро —
больше черные тучи не в силах
затуманить лазурное небо.

Куба — Солнце!
Отныне индейцу

ты второю отчизною стала.
Пусть Боливия — родина наша —
будет Кубе родною сестрою.

Пусть в суровых родных Кордильерах
загорается новое утро.
Пусть несут нам далекие ветры
силу,
радость,
тепло
и надежду!

Пусть возьмет их в крепкие руки
скромный труженик андского края.
Пусть он в горных долинах взлелеет
плод,
созревший на Острове Счастья.

Мосох Марка

ЗАСУХА

Фрагмент

Дождь умирает.
Пышет жара.
Болью сердца становятся нивы.
Выгорает маис.
Задохнулся картофель.
Ламы плачут
в предсмертной агонии.
Щедро льется на нас только горе.

И напрасно взывает отец
к Пачамаме,
не поможет лампада
в честь девы Марии.
Я хотел бы ослепнуть сейчас,
чтоб не видеть
смерть растений
и мира усталость.

А потом еще явится сам гамонал.
Он от жалкого плода возьмет
свою долю.
А затем прогремит его окрик,
пугающий разум;
он прикажет идти и работать
на поле его.

Гамонал — это дьявол.
И он не умеет
ни простить, ни забыть.
За долги
он забрал всю скотину у нас.

Что нас ждет впереди?
Беспокойная ночь.
Голодный рассвет.
Жажда, зной и жара.
И бескрайнее горе,
уносящее старых и малых
в небытие!

Сальвадор Паломино

РОЖОК-КИУАЙЛЮ

Вот рожок-киуайлю,
эхо в нем хохочет,
сердце кровоточит.

Песнь твоя, киуайлю —
грозный голос быка,—
как дыханье легка.

Киуайлю, киуайлю,
не забудь мать мою,
пой и пой без конца,
вспоминая отца.

Под напев
киуайлю
заживает в сердце рана,
остывает гнев вулкана
под напев
киуайлю.

Киуайлю, киуайлю,
сердцем песню ловлю.
Зазвучал бычий рог —
грозный рев слышен вновь.
На горячий песок
пролилась бычья кровь.

Плачь и пой, киуайлю,
бычий рог — киуайлю,
и за тридевять миль
разгласи свою быль!

Хуан де ла Крус Салас-и-Санчес

КЕЧУА — ПРЕКРАСНЫЙ МОГУЧИЙ ЯЗЫК

Прозвучал ты впервые
на устах древних инков.
Родничок у истоков,
ты рос, серебром отливая.
И в потоках звучаний
возникали названья
для равнин и для гор,
для зверей и растений —
для всего, что увидели
наши далекие предки.

Ты давал имена
тем, кто бился за правое дело,
ты назвал племена
необъятного андского края.
Ты, как ветер летящий,
разносишь по свету

и ликующих радость,
и страдающих горе.
Мы на кечуа славим
луну, Пачамаму и солнце.

На девичьих устах
ты весеннею радугой светишь.
Ты — как секлья,
растущая солнцу навстречу.
Улыбается кечуа
в ярких созвездьях вайруро.
То пугающим взрывом
он вдруг прогрохочет,
то волшебной водой
он на сердце больное прольется.

Все мы вскормлены кечуа,
как материнскою грудью.
Мы на кечуа с детства узнали,
как нам ночь и как день обозначить,
как просить у родителей хлеба,
почувствовав голод.
Он слова подарил нам:
«труд», «борьба» и «свобода».
Мы на нем научились науке
сражаться за счастье отчизны.

Сколько силы и света в тебе,
кечуанское слово!

Как богат и прекраснен
язык нашей древней державы!
Мы на нем выражаем
и наши печали и радость,
нашу ненависть к злу,
нашу вечную волю к победе.
Так любите его!
И гордитесь своим руна-сими!

СВЯЩЕННЫЙ УАНКА СВОБОДЕ

Фрагмент

Зовы тысяч путуту слетают
со всех перевалов,
ловит зовы река Вилька-Майю,
стократ повторяя.
Звук путуту все дальше и дальше
и выше стремится.
От глубокого сна обитатели
сельвы проснулись;
как на праздник, встают, зеленея, долины.

Как поток серебра, как ручьев
серебристая песня,
к нам идут эти зовы, минуя ущелья и кручи.
Это праздник Свободы шагает сейчас
по планете!
Мы встречаем его, мы приветствуем
алые стяги,
воспевая свободу, вкушая цветов ароматы.

Но и в праздник мы крепко сжимаем
пращу боевую,

если нужно — сердца наши вложим в нее,
словно ядра.
В день Свободы сиянье и радость
должны быть повсюду.
Даже тучи пускай покрываются
цветом багряным,
солнце дарит пускай человеку отвагу.

В этот день засверкает в сердцах
имя Тупак Амару,
на устах засияет оно, как весеннее канту.
В полной славе живет это имя
в глазах угнетенных,
возвышается крепостью имя
на всех перевалах
и горит негасимым костром
в сердце андского края.

И мужает индеец, заслышав призывы
к свободе.
Что он ждет, что он ищет
в просторах вселенной?
Он, как туми, стоит в ожидании Тупак Амару.
В многоцветии радуг вернется
в наш край Кондорканки,
в сердце черное тучи посыплются
молний удары!

Вильям Уртадо де Мендоса

ПУЙЮ-КАУАК

Кто есть в мире
древнее тебя,
Пуйю-Кауак,
смотрящий на тучи?

Не в тебе ли
ночь засветилась?
Не тобой ли рожденный день
уменьшает
владения ночи?

Не тобой ли
время зачато?
Не в твоих ли раскрытых глазах
началось умирание смерти,
началось возрождение жизни?

И не ты ли
криком гортанным
в помощь солнце к себе призываешь?

Не в тебя ли луна вгляделась,
новый облик твой
не узнавая?

Кто есть в мире
древнее тебя,
Пуйю-Кауак,
в небо смотрящий?

Не на этих ли склонах
колосья,
созревая,
тянутся к небу?

Не в твоих ли
глазах сверкают
Марс с Венерой,
как раны на небе?

Не в твоей ли
груди, на сердце
люди сеяли
гнев
и мщенье?

Ты ли прятал
слезы страданий,
что сверкали,
как малые солнца?

Кто есть в мире
древнее тебя,
Пуйю-Кауак,
смотрящий в небо?

И не ты ли
увидел,
что мир
разделился в борьбе
на два мира?

Разве туча,
тебя окружая,
не порвется в клочки
об уступы?

Твой костер,
у подножья зажженный,
не растопит
снега́ на вершинах?

Кто есть в мире
древнее тебя,
Пуйю-Кауак,
смотрящий в небо?

Фаустино Эспиноса Наварро

ДЕНЬ ТРУДА — 1 МАЯ

Фрагмент

Великий день — начало мая!
Трудящиеся всей земли
его для праздника избрали
и прославления труда.
Встающее к зениту солнце
на землю шлет свои лучи,
от них еще сильнее радость
в сердцах ликующих людей.

И хоть порой немного хрипло
звучат людские голоса,
в них столько бодрости и силы!
В них столько веры и огня!
А сколько мягкости и ласки
в больших натруженных руках,
несущих флаги и знамена,
что гордо реют в вышине...

Труд — есть ли слово благородней?
Оно на разных языках
звенит, сердца объединяя
и направляя мысль в полет.
Труд, если он свободен,— счастье!
Богатство стран рождает он,
достоинство дает народам,
болезням преграждает путь...

Вот почему под звуки песен
трудились инки на полях,
и, взявшись за руки, как братья,
они водили хоровод;
и приносили в жертву солнцу
картофель, коку и маис;
и знали: нищета и голод
не посетят селений их.

Все лучшее из жизни предков
пусть снова силу обретет.
Мы одолеем боль и горе
и монотонность наших дней!
Пусть возродятся песни жатвы
и танцы первой борозды,
и солнце — инков прародитель —
увидит вновь свободный труд!

Лили Флорес

НОЧЬ-РЕКА

Средь горной реки на скользких камнях
я с темною ночью встречаюсь.
А днем я стою на плоских камнях,
нагретых лучами солнца.

Я ночью скольжу и падаю вдруг
в теченье поэзии вечной.
А днем босые ноги мои
о камни я обжигаю.

И если я днем поскользнусь, то лечу
в огонь, в раскаленную лаву;
тогда и ночами пылает пожар
возвышенных чувств и мечтаний.

И все же лишь ночью я знаю: «Я есмь»,
а днем, так ли, нет — я не знаю.

Я жду с нетерпением светлого дня,
но больше я ночь ожидаю.

Река бесконечная — добрая ночь,
ты камни укрыла прохладой,
росой увлажнила ты вздохи и смех.
К твоей я груди припадаю
и пью вдохновенье и силу.

ПОВЕЛИТЕЛЮ-ОКЕАНУ

Чтобы горе развеять,
и высушить слезы,
и отдых найти — я шагаю
к тебе, океан,— Муж Великий.

Ты — бог Виракоча! И ты — мой любимый!
Во всем, что я вижу, тебя узнаю.

Твоей я себя осознала,
когда неожиданно ласковым бризом
и синей высокой волной
в объятья меня заключил ты,
как сильный и страстный мужчина.

Я ответила лаской счастливой,
не желая с тобой расставаться,
и тогда в криках зависти, ревности
закружили волны меня.

Океан! Повелитель! Любимый!
Жди меня и сегодня и вечно.
Ты один лишь на свете способен
погасить горящее сердце —
ты, безбрежность моя голубая.

КОММЕНТАРИИ

Настоящий сборник включает три раздела: «Поэзия науа», «Поэзия майя» и «Поэзия кечуа». В большинстве своем переводы осуществлялись с испанского языка, исторического языка-посредника. Часть стихов переведена с индейских языков, что указано в содержании.

Основными источниками поэзии народов науа для данного издания послужили антологии и научные труды, созданные известными мексиканскими исследователями культуры древних народов Мексики Анхелем Мариа Гарибаем К. («Historia de la literatura náhuatl», tt. 1—2. México, 1953—1954; «Poesía indígena de la altiplanicie». México, 1962; «La literatura de los aztecas». México, 1964; «Poesía náhuatl», tt. 1—3. México, 1964—1968) и Мигелем Леоном-Портильей («Trece poetas del mundo azteca». México, 1967, и другие). Ими же установлено авторство целого ряда памятников поэзии науа. Авторские стихи располагаются в сборнике после анонимных.

Произведения поэзии народов майя взяты из следующих изданий: «The Book of Counsel: The Popol Vuh». Ed. Munro S. Edmonson. New Orleans, 1971; C. E. Brasseur de Bourbourg. Rabinal-Achi. Paris, 1862; A. Barrera Vásquez. El libro de los cantares de Dzitbalche. México, 1965, и других.

Основными источниками древней кечуанской поэзии, а также народной и авторской поэзии кечуа XVI—XX веков послужили издания: Jesus Lara. La literatura de los quechuas. Cochabamba, 1961; «La poesia quechua». La Habana, 1972.

Переводы К. Д. Бальмонта из поэзии науа и кечуа взяты из его книги «Гимны, песни и замыслы древних» (СПб., 1909). Какие издания и тексты послужили оригиналами для переводов и вольных переложений Бальмонта, точно неизвестно; очевидно, поэзия науа переводилась им с испанского, а поэзия кечуа — с немецкого языков.

Древние и народные поэтические произведения на языке оригинала, как правило, не имели заголовков, однако в настоящем издании условные заглавия, данные составителями антологий науа, майя и кечуа, сохранены для удобства ориентации читателей.

В. Земсков

ПОЭЗИЯ НАУА

Большинство образцов древней поэзии народов Мексики (в частности, поэзии науа) сохранилось в рукописях, составленных на латинице в XVI веке, после испанского завоевания. Наиболее значительными из них являются «Мексиканские песни» и «Романсы сеньоров Новой Испании». В них собраны произве-

дения различных авторов, живших с XIII по XVI век. Несомненно, более древнее происхождение имеют гимны богам, запечатленные в труде испанского этнографа и языковеда Бернардино де Саагуна (1499—1590) «Всеобщая история вещей Новой Испании». В рукописях «Летопись из Куаутитлана», «Легенда о Солнцах», а также в сочинении Саагуна представлены и отрывки из мифологических эпосов.

КЕЦАЛЬКОАТЛЬ И ТОЛЬТЕКИ

Отрывок из эпоса о Кецалькоатле, взятый из «Всеобщей истории...» Б. де Саагуна и «Летописи из Куаутитлана».

Стр. 35. *Кецалькоатль* — одно из главных божеств народов древней Мексики, бог — творец мира, создавший человечество и даровавший культуру, основатель и покровитель жречества.

Тольтеки — народ языковой группы науа, вторгшийся на территорию Центральной Мексики в середине VII века и основавший там огромное государство со столицей в городе Толлан (современная Тула); расцвет его относится к VIII — IX векам. Правители Толлана носили имя Кецалькоатля как титул, поэтому в ацтекских преданиях в образе Кецалькоатля слиты и мифические и исторические черты. В XII веке государство тольтеков было уничтожено нашествием варварских племен с севера (в том числе и ацтеков). Высокая культура тольтеков произвела на пришельцев столь сильное впечатление, что слово «тольтек» стало обозначать у них понятие «мастер», «искусник».

Стр. 36. *Амарант* — растение, семена которого употребляются индейцами в пищу.

Стр. 37. *Маги* — здесь: приверженцы бога ночи и звездного неба Тескатлипоки, противники Кецалькоатля.

В год тростника, в первый год... — В календаре науа год именовался по названию первого его дня. См. также коммент. к стр. 44.

...на землю черного цвета и красного цвета... — Сочетанием красное — черное в языке науа обычно обозначаются письменные источники, так как при письме пользовались черной и красной красками. Поэтому «земля черного цвета и красного цвета» — это «земля письмен»: вероятно, область, населенная народами майя.

Стр. 38. *Гуакамайя* — разновидность попугая с ярким разноцветным оперением; в культе науа был связан с солнцем.

ПЕСНЬ СО-ЩИТОМ-РОЖДЕННОГО И ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМНЫХ ЛЮДЕЙ

Гимн в честь ацтекского бога солнца и войны Уицилопочтли и его матери. В мифе об этом божестве рассказывается, что дева-богиня по имени Коатликуэ зачала его от упавшего с неба шара из перьев. Уицилопочтли родился уже готовый для сражения, в боевой раскраске, и победил напавших на него братьев.

Стр. 40. *Четыреста Южных* — братья Уицилопочтли, звездные боги южной части неба.

Коатепек (Змеиная гора) — гора, расположенная около современного мексиканского города Тулы.

ПЕСНЬ О ЩИТЕ

Вариация гимна в честь бога Уицилопочтли.

Стр. 41. *Орлиный щит* — см. коммент. к стр. 61.

ПЕСНЬ О МАТЕРИ БОГОВ

Древний гимн в честь Тетео-Иннан (Богини-Матери); сохранился фрагментарно. Тетео-Иннан — на языке науа название самого древнего в Мексике божества земли и плодородия. Другое имя богини, Ицпапалотль (Бабочка с крыльями из обсидиановых ножей), указывает на ее связь с охотничьими культами; пищей ей служили сердца оленей.

Стр. 42. *Тамоанчан* — мифическая страна цветов и плодородия, место происхождения богов и племен; в середине его находилось мировое древо. Тамоанчан помещался науа то на земле, то на высшем, тринадцатом, небе. Туда возвращались души умерших, оттуда спускались на землю души новорожденных. Этимология слова Тамоанчан неясна. Одни исследователи видят в нем слово из языка майя, означающее «Страна облачного змея», другие — из языка науа: «Страна, куда восходят», то есть страна умерших.

Стр. 43. *Девять Пустынь* — олицетворение северных степей.

Шицненель и Мимич — мифические лица, сыновья бога охоты Мишкоатля.

ПЕСНЬ О ЖЕНЩИНЕ-ЗМЕЕ СИУАКОАТЛЬ

Древний гимн в честь богини земли и плодородия Сиуакоатль (Змеиной женщины).

Стр. 44. *Орлица Киластли* (Та, что заставляет умножаться семена, животных, людей) — эпитет богини Сиуакоатль.

Чальма — местность около столицы ацтекского государства города Теночтитлана (Мехико), где в пещере приносились человеческие жертвы.

Тринадцатый день — орел (в оригинале: день тринадцать-орел).— В календаре народов древней Мексики определение каждого дня состояло из сочетания двух элементов: чисел от одного до тринадцати и двадцати названий дней (дом, кролик, тростник, кремень, ящерица, змея и другие). Полная комбинация этих двух сочетаний составляла священный год в двести шестьдесят дней. Важно отметить, что число и название дня считались самостоятельными единицами, не связанными друг с другом. Так, науа говорили: оме-точтли (два-кролик), а не оментин-тоточтин (два кролика). Очень часто у науа и других народов новорожденному давалось в качестве имени название дня, в который он родился.

ПЕСНЬ ОБЛАЧНЫХ ЗМЕЙ

(Бог севера, бог охоты)

Гимн в честь бога Камаштли — бога охоты, бога северной стороны света. Первые семь строк гимна поет хор, остальная часть передает слова самого божества.

Стр. 46. *Семь Пещер* (Чикомосток) — легендарная прародина народов науа.

Страна Колючих Стеблей — северные степи, откуда пришел Камаштли.

ПЕСНЬ БОГИНИ МАИСА

Гимн в честь богини Чикомекоатль (календарное имя Семь-змея) — богини плодородия и маиса.

Стр. 48. *Тлалокан* — местопребывание бога воды и дождей Тлалока, блаженный край, куда попадали души избранных людей.

ПЕСНЬ БОГИНИ РОЖДЕНИЙ

Гимн в честь Тласольтеотль — богини плодородия, покровительницы рожениц и грешников.

ПЕСНЬ О ВЛАДЫКЕ НАШЕМ, ИСПИВАТЕЛЕ НОЧИ

Гимн в честь Шипе-Тотека, бога растений.

Стр. 50. *Испиватель ночи* — один из эпитетов Шипе-Тотека.

Кецаль.— Эта птица была одним из основных образов поэзии народов Мексики и Центральной Америки. В древности перья кецаля служили украшением только правителей и знати; за поимку птицы виновных карали смертью. Кецаль, по поверьям, не может жить в неволе, поэтому он стал символом свободы и независимости. В переносном смысле слово «кецаль» означало «редкость», «драгоценность», «повелитель», «владыка», «прекрасный».

ПЕСНЬ В ЧЕСТЬ ШОЧИПИЛЛИ

Гимн в честь Шочипилли (Владыки цветов) — бога солнца и маиса в юношеском облике.

ПЕСНЬ В ЧЕСТЬ БОГИНИ ЦВЕТОВ И ЛЮБВИ

Стр. 52. *Шочикецаль* (Цветок с перьями кецаля) — богиня-мать, покровительница любви. Испанские комментаторы эпохи конкисты сравнивали ее с Венерой.

Пильцинтекутли (Благородный владыка) — один из эпитетов бога солнца в его молодом облике.

КУИКАНИ-ПЕВЕЦ

Стр. 56. *Куикани* — поэт, исполнитель песен.

КУИКАПИККИ-ПОЭТ

Стр. 58. *Куикапикки* — поэт, творец песен.

НАЧАЛО ПЕСЕН

Стр. 61. *...земли орлов и ягуаров.*— У народов древней Мексики существовали два объединения знатных воинов: воины-ягуары и воины-орлы. Их костюмы, щиты и шлемы воспроизводили отличительные черты ягуара и орла. Первое из этих объединений было связано с культом бога Тескатлипоки, второе — с культом бога солнца Тонатиу и с богом Уицилопочтли. Членство в таком объединении или союзе давало ряд преимуществ и привилегий; вступление в него зависело от числа совершенных боевых подвигов.

«ПЕСЕН ТВОИХ ИЗУМРУДЫ НИЖУ Я...»

Стр. 63. *Изумруды.*— В подлиннике слово «чальчиуитль», которым древние науа обозначали драгоценные и поделочные камни зеленого цвета (изумруд, нефрит, жадеит и другие). До испанского завоевания считались самой большой драгоценностью, во много раз ценнее золота. Украшения из чальчиуитля имели право носить только знатные лица.

«НА ТКАНИ ЦВЕТОЧНОЙ...»

Стр. 65. *Несауалькойотль* — см. коммент. на стр. 359.

«БЛЕСК БИРЮЗЫ, ПЕСТРОТА ПЛЮМАЖЕЙ...»

Стр. 68. *Жизнедатель.*— В подлиннике слово «Ипальнемоа» (Тот, благодаря которому мы живем) — эпитет бога Тескатлипоки. Другое его обозначение — Ипальнемоуани (Тот, действиями которого живет все).

«ВОТ ОН — ЦВЕТОК, ВОТ ОНА — ПЕСНЯ...»

Стр. 73. *Тотокиуацин* (Дождь птиц).— Известны два правителя города Тлакопана, носившие это имя: один правил в 1431—1469 гг.; второй — в 1487 — 1519 гг. Вероятно, именно второй был поэтом. Кто из двух упомянут в данном стихотворении — неясно. «Цин» — почетная приставка к имени в языке науа.

«КРАЙ НЕСМЕТНЫХ ЗЛАКОВ...»

Стр. 74. *Цветущее древо* (мировое древо).— В пиктографических рукописях понятие Тамоанчан передавалось рисунком цветущего дерева, сломанного посредине.

Ноноуалько — на языке науа название местности в современном мексиканском штате Табаско; в мифах — место переселения племен.

Стр. 75. *Мотекусомацин* (1466—1520) — по испанским источникам — знаменитый Монтесума (или Моктесума). Речь идет о Мотекусоме Шокойоцине II (младшем) — правителе Теночтитлана в 1503—1520 гг. При нем испанский конкистадор Эрнан Кортес (1485—1547) вторгся в Мексику.

«ЯРКОСТЬ ЦВЕТОВ, ПЕСНОПЕНИЯ ПРАЗДНЕСТВ...»

Стр. 76. *Ахра* — тропическое плодовое дерево, растущее в американских странах.

Анáуак (Береговая страна) — название центральной части Мексики (Мексиканского плоскогорья). После испанского завоевания употреблялось как поэтическое наименование всей Мексики.

ПЕСНЬ БОГУ ВОЙНЫ

Стр. 79. *Аколуакан* — город в долине Мехико.

Несауальпилли — см. коммент. на стр. 362.

ПЕСНЯ-ТАНЕЦ

Описание битвы, уподобленной танцу. Противниками ацтеков-мексиканцев являются уэшоцинки (жители города-государства Уэшоцинко).

Стр. 80. *Чичимеки.*— Так называли себя ацтеки в честь племени чичимеков, основателей города-государства Тескоко.

Стр. 81. *Девять Потоков* — одно из названий Тамоанчана.

ПРИЗРАЧНАЯ ДРУЖБА

Стр. 89. *Грибное вино* — настой из ядовитых грибов и кактусов, содержащих галлюциногены; употреблялся во время культовых обрядов. Один из настоев назывался «теонанакатль» (божественный гриб), который подавался вместе с медом в начале пира.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ АУИСОТЛЮ

Песня, которую молодая девушка-нянька поет младенцу Ауисотлю — будущему правителю Теночтитлана в 1486—1502 гг. Ауисотль стал чрезвычайно жестоким повелителем. Даже теперь мексиканцы называют жестокого и вспыльчивого человека «ависоте».

Стр. 91. *Ауисотон* — уменьшительно-ласкательное обращение к маленькому Ауисотлю.

Стр. 92. *Атлишко, Чалько* — названия городов-государств; взяты случайно, вне связи с какими-либо будущими военными победами Ауисотля.

Ашайакатон — будущий правитель Теночтитлана Ашайакатль; см. также коммент. на стр. 360.

БУКЕТ ПЕСЕН-ЦВЕТОВ

Это загадочное произведение, по всей видимости, представляет собой собрание песен, которые поочередно поют обитатели Тлалокана: улыбчиволикий, олень с календарным именем Два-кролик, и Чауичалоцин (Светящийся попугай). Песни даются в сокращении.

Стр. 97. *Нопаль* — одна из разновидностей кактуса.

Черепаший панцирь — ударный музыкальный инструмент.

Тлальтекацин

(XIV в.)

Известный поэт. Правитель города Куаучинанко.

Несауалькойотль

(1402—1472)

Выдающийся поэт. Правитель города-государства Тескоко с 1431 по 1472 год.

«Я, ПЕВЕЦ, НАЧИНАЮ ПЕСНЮ...»

Стр. 107. *Йойонцин* (Могучий силой мужской) — одно из прозвищ Несауалькойотля. Оно относилось и к другим лицам.

«ЭТО ОН, ЭТО ОН-ТО ИСТИН?..»

Стр. 111. *...о, тот-кем-все-дышит.*— Имеется в виду бог Тескатлипока.

Айокуан Куацпальцин

Правитель города Текамачалько в 1420—1441 годах.

Стр. 120. *Тлашкала* — город-государство, враждовавшее с ацтеками.

Куакуауцин

Современник Несауалькойотля. Талантливый поэт. Легенда повествует, что однажды Несауалькойотль, посетив Куакуауцина, увидел его жену и влюбился в нее. Правитель Тескоко послал Куакуауцина в военную экспедицию, где тот погиб. После этого Несауалькойотль взял себе в жены его вдову. Возможно, мотив этот заимствован из Библии (Давид посылает на смерть своего военачальника Урию по той же причине).

«ДА РАСКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ ТВОЕ, КАК ЦВЕТОК...»

Стр. 123. *...его дом...* — Имеется в виду обитель умерших Миктлан.

Ашайакатль
(1449—1481)

Правитель Теночтитлана в 1469—1481 годах. Вел много войн, расширив благодаря им территорию ацтекского государства. Во время войны с матлацинками — племенем, жившим в долине Толуки,— был тяжело ранен. Уже больным он предпринял новую войну—с государством тарасков, располагавшимся на территории теперешнего мексиканского штата Мичоакан. Ацтеки называли эту местность Мичуакан (Страна рыб). Тараски нанесли войскам Ашайакатля сокрушительное поражение.

ПЕСНЬ СТАРИКОВ

В поэме описывается настроение ацтеков-мешиков после поражения в войне с тарасками.

Стр. 126. *Какаматон* — неизвестное лицо; не следует путать с правителем Тескоко времен испанского завоевания.

Тлакаэлель — военный и политический советник при нескольких правителях Теночтитлана. Пользовался необычайным авторитетом и могуществом.

Кауальцин — один из известных военачальников при Ашайакатле.

Стр. 127. *Куэштеки* — ацтекское название индейцев

хуастеков, народа группы майя, живущих в штатах Сан-Луис-Потоси, Тамаулипас и Веракрус.

Тлателольки — жители города-близнеца Теночтитлана — Тлателолько. В 1473 г. Ашайакатль подчинил Тлателолько ацтекской власти.

Сакуацин, Тепенцин, Сиуакуэльцин — неизвестные лица.

Стр. 128. *Воин юга* — один из эпитетов бога Тескатлипоки.

Итлекацин — неизвестное лицо.

Стр. 129. *Куаунауак, Текалько* — города на перешейке Теуантепек. Ашайакатль вспоминает былые победы.

Макуильшочитль

Правитель ацтекского города Тламаналько. Современник Ашайакатля.

ПОБЕДА НАД МАТЛАЦИНКАМИ

Песнь в честь победы ацтеков над матлацинками.

Стр. 130. *Ицкоатль* — правитель Теночтитлана в 1428—1440 гг., один из наиболее могущественных ацтекских правителей, победивший матлациков и жителей Чалько.

Тлакотепек — название многих городов в Мексике.

Стр. 131. *Макана* — боевая палица.

Экатепек — город в долине Толуки.

Аколуакан — город-государство в долине Мехико, союзник Ашайакатля в этой войне.

Тепанекапан — город-государство тепанеков со столицей Аскапоцалько.

Несауальпилли
(1464—1515)

Правитель города-государства Тескоко в 1472—1515 годах, сын Несауалькойотля.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Большая поэма, состоящая из двадцати двух строф; дается в сокращении. В подлиннике имеет сложное название: «Песня Несауальпилли по поводу его нападения на Уэшоцинко. Танцевальная песня по хуастекскому образцу, которую положил на музыку поэт-певец Тесесепоуки. Во время бегства был схвачен и принесен в жертву сын почтенного Шайакамачанцина, правителя Уэшоцинко».

Стр. 132. *Тлакуэпан* (Юноша, предназначенный к жертвоприношению) — возможно, не собственное имя, а эпитет Куашомотля.

Куашомотль (Утиная голова) — очевидно, имя павшего юноши.

Куэштлан — страна хуастеков. Хуастеки считались очень отважными воинами, поэтому погибающий на жертвенном камне (хотя он и происходит из Уэшоцинко) называется в поэме хуастеком за свое мужество.

Тотокиуацин

Об авторе см. коммент. к стр. 73.

Текайеуацин
(XV — XVI вв.)

Одаренный поэт и большой почитатель поэзии. Правитель города-государства Уэшоцинко во времена, предшествовавшие испанскому завоеванию. Сохранилось десять его поэм.

ШАЙАКАМАЧАНУ

Стр. 137. *Шайакамачан (Тлапальтекуцин)* — знатный вельможа из города Амекамеки, поэт. Был убит своими родителями в 1518 г.— по приказу правителя Мотекусомы II. Сохранились два его стихотворения, одно из них посвящено Текайеуацину.

СОСТЯЗАНИЕ ПЕСНОПЕВЦЕВ

Стр. 140. *Айокуан* — правитель Куаутинчана, города племени чалько; даровитый поэт. Из его произведений до нас дошло три поэмы.

Куэцпальцин — правитель города Текамачалько, отец Айокуана.

Стр. 141. *Чичимека(тль)* — здесь: титул правителя города-государства Тескоко, прилагавшийся иногда и к правителям других городов-государств.

Стр. 143. *Киауацин* — правитель города Куэрнавака. Почему он здесь назван правителем города Айапанко, неясно; может быть, это другое лицо.

Тлашкала — независимое от ацтеков государство к востоку от долины Мехико; во время конкисты стало союзником испанцев.

Шикотенкатль — сын одного из четырех правителей Тлашкалы.

Тисатлан — город в Тлашкале.

Стр. 143. *Камашочицин.*— Имя такого поэта неизвестно, возможно, это просто хвалебный эпитет Шикотенкатля, буквально означающий: «Со ртом, наполненным цветами-песнями».

Стр. 144. *Куаутенкос*(тли) (Орел с желтым клювом) — неизвестное лицо.

Стр. 145. *Мотенеуацин* (другое написание Моненкауцин) — брат Шикотенкатля. См. также коммент. ниже.

Теполоуатль — неизвестное лицо, судя по эпитетам — очень знатное. Мотенеуацин посвятил ему свою поэму «Туда, в дом цветов...».

Стр. 150. *Атекпанекатль* (Живущий в водяном дворце) — так называл себя правитель города Толлана Уэмак (994—1070). В какой связи он упоминается здесь — неясно.

Йаомицин, Микоуацин и Айокуацин — неизвестные лица.

Точиуицин Сакатимальцин

Правитель городка Мешикальцинго в 1508—1519 годах.

«ВОТ ВАМ СЛОВА ТОЧИУИЦИНА...»

Стр. 153. *Койольчиуки* (Делатель колокольчиков) — эпитет, которым награждается Точиуицин.

Мотенеуацин
(XV — XVI вв.)

Поэт из Уэшоцинко. Сохранились две его поэмы.

Тетлепанкецавицин

(? — 1524)

Правитель города-государства Тлакопана, союзника Теночтитлана. Казнен Эрнаном Кортесом по ложному обвинению в мятеже.

ПЕСНЬ ВОИНОВ ЧИАПЫ

Стр. 155. *Воины Чиапы (чиапанеки)* — ацтекские воины, отличившиеся в сражении при Чиапе и получившие за него это почетное звание.

ПОГИБ НАРОД МЕШИКАТЛЬ

Стр. 157. *Мешикатль* — одно из названий ацтеков.

ПЛЕНЕНИЕ КУАУТЕМОКА

Стр. 159. *Куаутемок* (между 1494 и 1502—1525 гг.) (Заходящее солнце, или Падающий орел) — имя последнего правителя Теночтитлана, возглавившего героическую борьбу ацтеков против вторгнувшихся испанцев. С его пленением 13 августа 1521 г. закончилось сопротивление жителей Теночтитлана. Куаутемок был казнен Эрнаном Кортесом по ложному обвинению в попытке возмутить индейцев. Теперь Куаутемок — национальный герой Мексики; в центре города Мехико ему воздвигнут памятник.

Теночки — самоназвание ацтеков, происходящее от имени их легендарного предводителя Теноча.

Койоуакан — город на берегу озера Тескоко, резн-

денция Эрнана Кортеса сразу после падения Теночтитлана.

Стр. 159. *Тлакоцин* — ацтекский вельможа, назначенный Кортесом после смерти Куаутемока марионеточным правителем Теночтитлана.

ПОЭЗИЯ МАЙЯ

Дошедшие до нас образцы поэзии народов майя также были записаны на латинице после испанского завоевания. В иероглифических надписях поэтических произведений пока не обнаружено.

На первом месте следует поставить эпос киче (одного из горных народов Гватемалы) «Пополь-Вух» («Книга народа»). В ней повествуется о деяниях божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке, о сотворении мира и людей, излагается история киче. В драме киче «Рабиналь-ачи» («Воин из Рабиналя») изображен поединок сына правителя города-государства Рабиналя со знатным воином киче Кече-ачи. Последний попадает в плен к рабинальцам, и его приносят в жертву богам. Хотя драма эта записана сравнительно поздно (1850 г.), ее доколумбово происхождение бесспорно.

От юкатанских майя до нашего времени дошел сборник культовых и лирических стихотворений, известный под названием «Книга песен из Цитбальче». Он был составлен в середине XV века потомком должностного лица селения Цитбальче Ах-Бамом. В настоящем издании приводятся пять песен из этой книги.

Драматические события конкисты и восприятие их рядовыми общинниками майя нашли отражение в отрывке «Цули» («Чужеземцы»), взятом из произведения другого жанра — книги «Чилам Балам» («Жрец-

предсказатель»), своеобразной летописи, найденной в селении Чумайель. Такие летописи создавались почти в каждом селении майя в XVI—XVIII веках.

ПОПОЛЬ-ВУХ

Стр. 165. *Цаколь* (Создательница) и *Битоль* (Творец) — божественная пара, создавшая, по представлениям киче, мир, других богов и людей. Иные имена этих первоначальных божеств: Великая мать и Великий отец, Шмукане и Шпийакок, Праматерь солнца, Праматерь света.

Сердце небес — эпитет бога Кукумаца (Пернатого змея).

Сердце земли — эпитет бога Хуракана, который мыслился как триединое божество; его эпитеты: Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Чипи-Нанавак и Раша-Нанавак указывают на его сущность как бога-громовержца.

Стр. 166. *Вок* — мифический посол богов в образе сокола.

Хун-Ахпу — бог солнца.

Телев (Могущественная) — богиня-помощница Кукумаца.

Стр. 167. *Там, илок, рабиналь, какчикели, цикинаха* (или цутухнли), *тухальха, учибахаа, кибахаа, батена* — племена языковой группы майя, жившие в горной Гватемале по соседству с киче.

Йаки — так в Гватемале называли пришедших из Центральной Мексики тольтеков.

Стр. 170. *Тохиль, Авилиш, Хакавиц* — боги народа киче.

Стр. 171. *Чрево небес, чрево земли* — эпитеты божественной пары Шмукане и Шпийакока.

РАБИНАЛЬ-АЧИ

Стр. 173. *Хоб-Тох* (Пять-дождь) — календарное имя правителя города-государства Рабиналя, отца Рабиналь-ачи.

...тринадцать раз по двадцать... дней... — священный год в двести шестьдесят дней у древних народов Мексики и Центральной Америки.

ПЕСНЯ СКАЗИТЕЛЯ

Стр. 177. *Чачалака* — птица, предвещающая, по воззрениям майя, своим криком дождь и нападение врагов.

ПЕСНЯ О ЦВЕТКЕ НИКТЕ

Стр. 178. *Никте* — вид мимозы с темно-красными цветами. У народов майя цветок никте был символом любви.

Чукум — местное название растения тилландсия усевндная (испанский мох).

Стр. 179. *Копал* — тропическое растение и получаемая из него смола, которая употребляется как благовоние.

Циит — вид лианы.

ПЕСНЯ НА ВСТРЕЧЕ ЦВЕТ-ДЕВЫ

Свадебная хоровая песня, исполнявшаяся при встрече невесты.

Стр. 180. *Наком* — военачальник в городах-государствах древних майя.

Ах-кулель — должностное лицо: староста или правитель селения.

Стр. 181. *Сугуй-Каак* (Девственный огонь) — богиня нового огня, зажигаемого перед торжественными церемониями, покровительница девушек.

Ш-Кан-Ле-Ош — древняя богиня земли и плодородия.

Ш-Тоот-Муч — неизвестная по другим источникам богиня дождя в образе лягушки.

ПЕСНЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ (I)

Стр. 182. *Сейба* — гигантское дерево; у майя считалось священным; обычно оно росло на центральной площади селения.

Госпожа (*Госпожа-Хозяйка*) — вероятно, богиня луны, хозяйка женщин, рабов и слуг.

ЦУЛИ

В отрывке речь идет о появлении испанцев на Юкатане.

Стр. 185. *Дети народа.*— Имеются в виду майя.

...величье Троих.— Речь идет о древних богах майя, трансформированных в христианскую Троицу.

Стр. 186. *Накшит-Шучитль* — обожествленный майя предводитель тольтеков Кецалькоатль, завоевавший в X веке Юкатан. *Цветок Накшит-Шучитля* — жреческая мудрость.

Р. Кинжалов

ПОЭЗИЯ КЕЧУА

Отсутствие развитой письменности у инков-кечуа, а также запрет, наложенный испанскими завоевателями на исполнение традиционных песнопений, связан-

ных с исконной мифологией и обрядами индейцев, предопределили то, что древняя поэзия кечуа сохранилась плохо. Отдельные ее образцы включили в свои сочинения такие историки, писатели — испанцы, метисы и образованные индейцы, как Кристобаль Молина «Эль Кускеньо» (из Куско) («Сказания и обряды инков», около 1576 г.), Фелипе Гуаман Пома де Айала («Первая новая хроника и доброе правление», 1613), Инка Гарсиласо де ла Вега («История государства инков», 1617), Хуан де Санта-Крус Пачакути («Повествование о древностях королевства Перу», XVII в.) и другие. Ряд образцов кечуанской поэзии содержит знаменитая драма «Ольянтай», написанная на латинице на основе древних преданий в колониальный период, и некоторые антологии XIX века.

Среди собирателей народной поэзии кечуа в XX веке выделяются такие перуанские и боливийские фольклористы и писатели, как А. Виенрих, Х.-М.-Б. Фарфан, Х. Лара, Х.-М. Аргедас и другие.

ХАЙЛИ В ЧЕСТЬ ВИРАКОЧИ

Стр. 189. *Хайли* — жанр древней кечуанской поэзии, в данном случае — священный гимн.

Виракоча — создатель мира и цивилизации, одна из ипостасей многоликого верховного бога инкско-кечуанского пантеона.

ТВОРЦУ ЧЕЛОВЕКА

Хайли

Еще один образец священного гимна-хайли, обращенного к Виракоче.

Стр. 191. *Верхний мир.*— Согласно мифологическим представлениям инков-кечуа, вселенная состояла из трех миров: Верхнего мира — местообитания богов, куда после смерти уходят безгрешные и достойные; Нижнего мира — местожительства людей и обители соблазна; Внутреннего мира, куда уходят после смерти грешники.

Пачака́мак — верховный бог, творец мира и света (он же Виракоча).

Стр. 192. *Гуанако и викунья* — животные, родственные ламе.

Вискача — грызун, живущий в земляных норах.

МОЛИТВА МАНКО КАПАКА

Стр. 193. *Манко Капак* — легендарный основатель инкско-кечуанского государства, завоеванного в XVI веке испанцами.

Стр. 194. *Великий Инка* (Единственный Инка).— Это имя носили правители инкско-кечуанского государства Тауантинсуйо, возглавлявшие замкнутый клан «инков по крови» и считавшиеся олицетворением верховного бога на земле.

ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Еще один образец гимнической поэзии древних кечуа. Моление обращено к верховному богу, предстающему здесь в образе солнца — Инти.

НА СОН

Лирическая миниатюра, один из немногих сохранившихся образцов древнекечуанской лирической поэзии; была включена знаменитым перуанским писате-

лем и историком Инкой Гарсиласо де ла Вегой (ок. 1539 — ок. 1616) в его «Историю государства инков».

ВЛАДЫЧИЦА ВЛАГИ

Древний гимн-хайли; построен на основе мифологической аллегории, отражающей также кровно-родственные отношения внутри клана инков. Владычица влаги, или Небесная царевна, воплощает богиню луны — Мамакилью, покровительницу неба, моря, ветра, дождя и влаги. Она является женой и одновременно сестрой бога солнца Инти. Сочетаясь со своим мужем и братом, она проливает на землю дождь, бросает град, снег. Этот древний хайли также приводится в «Истории государства инков» Инки Гарсиласо де ла Веги.

Стр. 198. *Зодчий мира.*— Имеется в виду бог солнца Интн.

МАТЬ-ЛУНА

Моление о дожде, которое содержит мотивы, сходные с предыдущим произведением.

Стр. 199. *Мать-Луна* — богиня Мамакилья.

Владыка всего.— Имеется в виду верховный бог.

КАНАВА

Образец древней трудовой и заклинательной поэзии крестьян-кечуа. Ритмическая структура этой хоровой песни-хайли, исполнявшейся, очевидно, при постройке ирригационных сооружений, передает ритм работы.

ДЕРЕВУ

Песнь-хайли, певшаяся при сборе урожая. В переводе слово «хайли» означает «победа»; использовавшееся в качестве рефрена, оно передавало чувства радости и довольства.

АЙАУ ХАЙЛИ!

Структура этой древней трудовой песни говорит о том, что она исполнялась мужским и женским хорами во время сева. Основу ее сюжета составляет мифологическая аллегория оплодотворения Матери-Земли Пачамамы, богини плодородия, богом солнца.

Стр. 202. *Айау хайли!* — радостный возглас, означающий: «Вот победа!»

ЭА, ВОТ И ПОБЕДА!

Сходная с предыдущей трудовая песнь-хайли.

ПЕСНЯ МУЖЕСТВА

Трудовая песнь-хайли, в которой фигурируют Инка, повелитель государства, койя — жена правителя и ньюсты — девственницы и жрицы солнца.

Стр. 207. *Ахайли* — ритмический радостный возглас.

ХАРАЙ АРАУИ

Песня разлуки и страдания. В ней Инка обращается к своей возлюбленной, предстающей в образе то койи, то ньюсты.

Стр. 208. *Чинчиркома* — горный кустарник, распространенный в андских странах.

ТУЙЯ

Песня-арауи, исполнявшаяся смешанным хором; в аллегорической форме воссоздает любовный сюжет: влюбленного (птица туйя), намеревающегося увлечь девушку (полакомиться незрелым маисом), подстерегает смертельная опасность. Песня входит в текст кечуанской драмы «Ольянтай».

Стр. 213. *Туйя* — птица, обитающая в андских долинах.

ДВЕ ПТИЧКИ

Разновидность харай арауи, входящая в текст драмы «Ольянтай».

АРАУИ

Любовная песня. Арауи («Ушла голубка, ушла родная...») также входит в текст драмы «Ольянтай».

КАШУА

Игровая, веселая песня, исполнявшаяся в сопровождении танца; и ныне этот жанр широко распространен в кечуанском фольклоре.

УАНКА

Элегический песенный жанр, происходящий, очевидно, от плача.

ВЕЛИКИЙ ИНКА АТАУАЛЬПА

Уанка-плач, созданный в конце XVI — начале XVII века в Куско, древней столице инкского государства; посвящен правителю Инке Атауальпе, который был пленен и казнен испанскими завоевателями в 1533 году.

Стр. 226. *Синяя муха* — характерный и устойчивый образ кечуанской поэзии с древности до наших дней.

Стр. 227. *...с Четырех Пределов...* — то есть со всех концов государства инков Тауантинсуйо, название которого означает «Четыре стороны света, соединенные между собой».

Стр. 229. *Вильях-Ума* — верховный жрец в государстве инков.

Золотом выкупа обогащен алчный испанец... — Испанские завоеватели, обещая Инке Атауальпе сохранить жизнь, вымогли у него баснословный выкуп золотом.

ОПЛАКИВАНЬЕ ДЕВУШКАМИ СМЕРТИ ИНКИ АТАУАЛЬПЫ

Фрагмент из театрализованного действа, посвященного гибели Инки Атауальпы. Речь обращена к испанцу-завоевателю.

Стр. 232. *Инка воевал, уча закону...* — Инки считали себя носителями цивилизации, и, согласно официальной инкской идеологии, завоевание соседних народов велось с целью приобщения их к своей более высокой культуре.

УАУАКИ

Любовная игровая песня, связанная с почитанием культа Матери-Луны; исполнялась хорами юношей и девушек. Мужское начало олицетворяется образом солнца, огня, женское — образами звезд, луны, снега, воды.

УАЙНЬЮ

Игровой танец-песня, чаще всего любовного содержания, который живет в преображенном виде и в современном фольклоре.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Произведение относится к поэтически-песенному жанру таки.

УАККАТАКИ

Разновидность жанра таки, своего рода эклога.

ПЕСНЯ ВОИНОВ

Стр. 240. *Саксауаман* — старинная инкская крепость, прикрывавшая подступы к столице Куско.

ДИКАЯ ГОЛУБИЦА

Эта и две последующие лирические песни яравн, типичные для кечуанского фольклора, прямо связаны своим происхождением с древним жанром арауи.

КАК СВЕТ ОЧЕЙ...

Стр. 243. *Апурймак* — река в Перу.

ПОЛНО, ГОЛУБКА, ПЛАКАТЬ...

Стр. 245. *Хауха* — провинция и город в Перу.

ПАСТОРАЛЬ

Стр. 251. *Кипу* — узелковое письмо, распространенное у инков-кечуа и служившее средством счета и коммуникации.

МОЛЬЕ, МОЛЬЕ...

Стр. 253. *Молье* — дерево, растущее в Андах. Его смола использовалась при бальзамировании инков. В данном случае молье — символ забвения.

Сауко — кустарник с ароматными белыми цветами.

ПТИЦА ПОКУ-ПОКУ

Стр. 256. *Поку-поку* — ночная птица, обитающая в горах на большой высоте.

Я МУХУ КОРМЛЮ...

Это и два последующих стихотворения относятся к танцевально-песенному жанру кечуанского фольклора уайно, происходящему от древнего инкско-кечуанского жанра уайнью. Типичные темы уайно — повседневная жизнь крестьян, сиротство, одиночество, страдания любви.

ХРУСТАЛЬНАЯ РЕКА

Стр. 260. *Тара* — горный кустарник.

ЮНКА

Погребальная песня

Стр. 262. *Кока* — кустарник, листья которого содержат кокаин. Среди жителей андских стран распространен обычай жевать коку, которая одурманивает и создает иллюзию сытости.

НЕТ У МЕНЯ НИКОГО...

Стр. 264. *Кена* — кечуанская флейта.

ЦВЕТОК, УБИТЫЙ КОЛИБРИ

Стр. 266. *Канту́* — кустарник с яркими цветами различных оттенков красного цвета; священный цветок инков.

ЖАЛОБЫ ОВЧАРА

Песня, исполняющаяся при стрижке овец.

ПЕРЕДАВАЙ

Еще одна песня, исполняющаяся при стрижке овец.

КЛЕЙМЕНИЕ ЛАМ

Это событие отмечается крестьянами как праздник.

Хуан Уальпаримачи Майта
(1793—1814)

Кечуанский поэт, стоявший у истоков новой кечуанской письменно-поэтической традиции. Родился в Боливии в бедной крестьянской семье и в юности обнаружил незаурядный поэтический дар. Погиб в возрасте двадцати одного года, командуя отрядом индейцев, во время войны за независимость испанских колоний в Америке. Известны всего лишь немногим более десятка стихотворений Уальпаримачи Майты. Его произведения, в своем жанровом и образном строе тесно связанные с народной поэзией, отмечены в то же время чертами индивидуального авторского стиля, использованием рифмы, воспринятой кечуанской поэзией, очевидно, из испанской традиции. Творчество Уальпаримачи Майты, отразившее рост национального самосознания кечуанцев, стало предвестием нового этапа развития кечуанской поэзии.

РАЗЛУКА

Стр. 278. *Мйсти* — вулкан в Перу, вблизи города Арекипы.

Карлос Фелипе Бельтран
(1816—1896)

Боливийский поэт, писавший на испанском и кечуанском языках. Его произведения отмечены явственными признаками индивидуального стиля, отличающего автора от традиционной кечуанской поэзии.

Луис Кордеро
(1833—1912)

Эквадорский поэт и видный общественный деятель, президент страны в 1892—1896 годах. Писал на испанском языке и на кечуа. Его произведения отразили зарождение в новой кечуанской поэзии темы социального протеста.

Коси Паукар
(Сесар Гуардиа Майорга)
(Род. в 1906 г.)

Один из наиболее известных и значительных перуанских поэтов, пишущих на кечуанском языке; социолог, философ, историк, лингвист. Его лирика относится к высоким достижениям современной поэзии кечуа. Поэт обращается также к политическим, революционным темам. Является автором сборника «Песня сердца, раздумья и возрождения человека» (Лима, 1961), «Поэзия кечуа» (Лима, 1973) и других.

КРАСНОЗВЕЗДНОЙ СТРАНЕ

Стр. 291. *Панти* — розовый цветок, традиционный образ кечуанского фольклора.

Келко Уарак-ка
(Андрес Аленкастре Гутьеррес)
(Род. в 1909 г.)

Известный перуанский поэт, филолог, ученый-лингвист, член Перуанской академии языка кечуа и ее президент в 1961—1963 годах. В своих произведениях

обращается как к гражданским, социальным, революционным, так и к лирическим темам. Автор ряда поэтических сборников, среди них: «Песня в цвету» (Куско, 1955), «Плодоносящая песнь» (Куско, 1964) и другие.

ПОБЕДНЫЙ ХАЙЛИ О ВЕЛИКОМ ЛЕНИНЕ

Поэт использует жанр древней кечуанской поэзии хайли в новом художественном качестве.

Стр. 297. *Инка Пачакутек* — Инка-реформатор XV века, создатель разноплеменного государства Тауантинсуйо.

Тупак Амару.— Речь идет о Хосе Габриэле Кондорканки, индейце-кечуа, который возглавил в 1780—1781 гг. мощное восстание индейцев против испанского ига и принял имя Тупака Амару II в честь Тупака Амару I (см. коммент. к стр. 305). Был пленен и зверски казнен испанцами в 1781 г. В XX веке Тупак Амару II стал символом освободительной борьбы не только кечуанского и перуанского, но и ряда других народов Латинской Америки.

Амаута — учитель, мудрец в государстве инков.

Великий Апу — то же, что и Единственный Инка, верховный правитель государства.

ПУМА — ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОР

Стр. 302. *Пума* — это распространенное в андских странах животное обожествлялось древними кечуанцами.

ДЕВУШКА ИЗ КУСКО

Стр. 304. *Девственница из Куско.*— Здесь девушка сравнивается с инкской жрицей солнца пьюстой.

Хосе Мария Аргедас
(1911—1969)

Известный перуанский романист и поэт. Его прозаические произведения неоднократно переводились на русский язык. Выросший в среде крестьян-кечуа, Аргедас большое внимание уделял вопросам возрождения кечуанской культуры, собирал и издавал кечуанский фольклор. Он является автором ряда двуязычных (испано-кечуа) сборников поэтических произведений, среди них: «Нашему отцу и создателю Тупаку Амару. Хайли и таки» (Лима, 1961), «Цветущая ветвь» (Лима, 1966), «Дрожь» (Лима, 1972).

НАШЕМУ ОТЦУ И СОЗДАТЕЛЮ ТУПАКУ АМАРУ

Поэма сочетает в себе признаки двух древних кечуанских жанров — уанки и хайли. Она обращена к Тупаку Амару, образу, в котором сливаются черты двух носивших это имя исторических деятелей, борцов с испанским игом. Используя и развивая традиционные образы кечуанской поэзии, Аргедас как бы воссоздает в поэме процесс становления нового сознания угнетенного народа.

Стр. 305. *Тупак Амару I* — последний Единственный Инка. Возглавлял независимое индейское государство, созданное в неприступном горном районе уже

после завоевания Перу испанцами. Был пленен и казнен испанскими колонизаторами в 1572 г.

Богозмей — кечуанский мифологический образ.

Салькантай — гора близ города Куско.

Стр. 311. *...и потомки пришельцев обращаются к тебе и слушают тебя...* — Поэт не противопоставляет кечуанцев и потомков европейцев (метисов, креолов) и говорит об общей цели освобождения перуанцев.

О ГУАЯСАМИНЕ

Стихотворение посвящено Освальдо Гуаясамину (род. в 1919 г.), известному эквадорскому художнику, совмещающему в своем творчестве традиции индейской эстетики и приемы современной живописи и обращающемуся к антиимпериалистическим, революционным темам.

Стр. 318. *Дети солнца.* — Имеются в виду инки-кечуа.

ДРОЖЬ

Стихотворение строится на основе традиционных для кечуанской поэзии образов солнца, змея, кондора, гор, обожествлявшихся древней мифологией. В нем развивается типичная для Аргедаса тема освобождения человека из-под власти угнетающих его мифов и социальных сил.

ОДА САМОЛЕТУ

Стр. 325. *Инкарри* — персонаж инкско-кечуанской мифологии, демиург.

Марио Флориан
(Род. в 1917 г.)

Перуанский поэт и прозаик; пишет в основном на испанском языке. Его поэтические произведения близки народной традиции. Автор более двух десятков поэтических книг (первая из них — «Душа» — вышла в 1938 г.). Среди последующих сборников: «Урпи» (Лима, 1944), «Андский хуглар» (Лима, 1951), «Поэзия» (Лима, 1954), «Живая природа» (Лима, 1965), «Песнь Ольянтай-Тамбо» (Лима, 1966) и другие. Стихи взяты из кечуанской газеты «Кроникаван».

ОЛЬЯНТАЙ-ТАМБО

Стр. 327. *Ольянтай-Тамбо* — крепость, принадлежавшая Апу-Ольянтаю. Этот реальный исторический персонаж, поднявший восстание против клана инков, стал героем кечуанской драмы «Ольянтай» (или «Апу-Ольянтай»).

Вилька-Майю — река в Перу.

Стр. 328. *Инти-Райми* — праздник, посвященный верховному божеству древних инков Инти.

Атауальпа Корисонко
(Род. в 1931 г.)

Боливийский поэт и музыкант.

КУБА

Стр. 329. *Гринго* — презрительное прозвище иностранцев, главным образом североамериканцев, в странах Латинской Америки.

Мосох Марка

Современный боливийский поэт. Его стихотворение «Засуха» получило премию на Международном конкурсе литературы кечуа, проведенном Обществом писателей и деятелей искусств Боливии в 1951 году.

ЗАСУХА

Стр. 332. *Гамонал* — помещик.

Сальвадор Паломино

Современный перуанский поэт. Автор сборника «Поэт» (Лима).

РОЖОК-КИУАЙЛЮ

Стр. 333. *Киуайлю* — рожок, сделанный из бычьего рога.

Хуан де ла Крус Салас-и-Санчес

Современный перуанский поэт из Куско, член Перуанской академии языка кечуа. Автор сборников «Мачу-Пикчу — священный трон солнца» (Куско, 1962), «Суримана» (Куско) и других публикаций.

КЕЧУА — ПРЕКРАСНЫЙ МОГУЧИЙ ЯЗЫК

Стр. 335. *...ты назвал племена необъятного андского края.*— В государстве Тауантинсуйо язык кечуа был общим языком для всего множества племен.

Стр. 336. *Луна, Пачамама и солнце* — главные персонажи кечуанской мифологии.

Стр. 336. *Секлья* — горное растение с голубыми цветами.

Вайруро — тропический кустарник с ярко-красными плодами, из которых делают различные украшения.

Стр. 337. *Руна-сими* (язык людей) — язык кечуа.

СВЯЩЕННЫЙ УАНКА СВОБОДЕ

Стр. 338. *Путуту* — музыкальный инструмент, сделанный из морской раковины.

Стр. 339. *Туми* — инкский меч.

Вильям Уртадо де Мендоса

Современный перуанский поэт, автор сборника «Хайли дружбы» (Лима, 1971).

ПУЙЮ-КАУАК

Стр. 340. *Пуйю-Кауак* — горная вершина в южном Перу. Поэт олицетворяет этим образом мощь народа, стремящегося к новой жизни.

Фаустино Эспиноса Наварро

Современный перуанский поэт и лингвист из Куско; один из основателей Перуанской академии языка кечуа и ее президент в 1963—1965 годах.

Лили Флорес

Современная перуанская поэтесса и композитор. Автор сборника «Житница поэзии на кечуанском и испанском языках» (Лима, 1971) и других публикаций.

В. Земсков

СОДЕРЖАНИЕ

В. Земсков. Предисловие 3

ПОЭЗИЯ НАУА

Перевод с испанского

Кецалькоатль и тольтеки. *Перевод Ю. Петрова* 35
* *Песнь* Со-Щитом-Рожденного и Владычицы земных людей. *Перевод К. Бальмонта* . . 39
Песнь о щите. *Перевод М. Самаева* 41
Песнь о матери богов. *Перевод М. Самаева* . . 42
Песнь о женщине-змее Сиуакоатль. *Перевод М. Самаева* 44
* Песнь облачных змей. *Перевод К. Бальмонта* 46
* Песнь богини маиса. *Перевод К. Бальмонта* 48
* Песнь богини рождений. *Перевод К. Бальмонта* 49
Песнь о владыке нашем, испивателе ночи. *Перевод М. Самаева* 50
Песнь в честь Шочипилли. *Перевод М. Самаева* 51

Песнь в честь богини цветов и любви. *Перевод М. Самаева* 52
* Гончар. *Перевод Ю. Зубрицкого* 53
Тламатини-мудрец. *Перевод Ю. Петрова* . . . 54
Куикани-певец. *Перевод Ю. Петрова* 56
Куикапикки-поэт. *Перевод Ю. Петрова* 58
Начало песен. *Перевод М. Самаева* 59
«Песен твоих изумруды нижу я...» *Перевод Ю. Петрова* 63
«Граню изумруды и золото лью для изделий...» *Перевод Ю. Петрова* 64
«Солнце — в гербе твоем, а во владенье...» *Перевод Ю. Петрова* 65
«На ткани цветочной...» *Перевод М. Самаева* 65
«Ликуй с барабаном гремящим вместе...» *Перевод Ю. Петрова* 66
«Даже смарагды могут разбиться...» *Перевод Ю. Петрова* 67
«Блеск бирюзы, пестрота плюмажей...» *Перевод Ю. Петрова* 68
«Даже если все это правда...» *Перевод Ю. Петрова* 69
«Когда я страдаю...» *Перевод Ю. Петрова* . . 70
«Изумруды граню...» *Перевод Ю. Петрова* . . . 70
«Безбрежно счастлив тот...» *Перевод Ю. Петрова* 71
«Как семена, цветы летят...» *Перевод Ю. Петрова* 71
«Прорастают цветы и пышно цветут; укрепляясь...» *Перевод Ю. Петрови* 72
«Вот он — цветок, вот она — песня...» Перевод *Ю. Петрова* 73
«Край несметных злаков...» *Перевод М. Самаева* 74
«Яркость цветов, песнопения празднеств...» *Перевод Ю. Петрова* 76
Песнь богу войны. *Перевод М. Самаева* . . . 78

Песня-танец. *Перевод М. Самаева* 80
Песнь уэшоцинков. *Перевод М. Самаева* . . . 83
Песня сиротства. *Перевод М. Самаева* 86
Призрачная дружба. *Перевод М. Самаева* . . . 89
Колыбельная Ауисотлю. *Перевод М. Самаева* . 91
Букет песен-цветов. *Перевод М. Самаева* . . . 94
Дружба. *Перевод М. Самаева* 98
Мужайся! *Перевод М. Самаева* 99
Цветок-колибри. *Перевод М. Самаева* 99
Алая птица богини. *Перевод М. Самаева* . . . 100
Цветок и песня. *Перевод М. Самаева* 100
Новые цветы. *Перевод М. Самаева* 101
Посмертная жизнь. *Перевод М. Самаева* . . . 101
Птица и бабочка. *Перевод М. Самаева* 102
«Я говорю...» *Перевод М. Самаева* 103

Тлальтекацин

«Здесь в одиночестве воспеваю...» *Перевод Ю. Петрова* 104

Несауалькойотль

«Я, певец, начинаю песню...» *Перевод Ю. Петрова* 106
«Неужто, подобно цветам, я сгину...» *Перевод Ю. Петрова* 108
«Услаждайтесь...» *Перевод М. Самаева* 109
«Цветы и песни...» *Перевод М. Самаева* 110
«Это он, это он-то истин?..» *Перевод М. Самаева* 111
«Ах, чему быть...» *Перевод М. Самаева* . . . 112
«Ах, уходить-то ведь мне одному...» *Перевод М. Самаева* 113
«Спрашиваю я, Несауалькойотль...» *Перевод М. Самаева* 114

«В темное, в тайное я проникаю...» *Перевод М. Самаева* 115
«Я охмелел, я печалюсь, плачу...» *Перевод М. Самаева* 116
«Куда мы уходим?..» *Перевод М. Самаева* . . . 117
Вешняя песня. *Перевод М. Самаева* 118

Айокуан Куэцпальцин

Да пребудет земля! *Перевод Ю. Петрова* . . . 120

Куакуауцин

«Страстное сердце...» *Перевод Ю. Петрова* . . . 121
«Да раскроется сердце твое, как цветок...» *Перевод М. Самаева* 123
«Будь, о дружба, меж нами!..» *Перевод М. Самаева* 124

Ашайакатль

Песнь стариков. *Перевод Ю. Петрова* 126

Макуильшочитль

Победа над матлацинками. *Перевод М. Самаева* 130

Несауальпилли

Погребальная песня. *Перевод М. Самаева* . . . 132

Тотокиуацин

Песня о птицах. *Перевод М. Самаева* 133

Текайеуацин

Мечта слова. *Перевод Ю. Петрова* 135
Дружба. *Перевод М. Самаева* 136
Шайакамачану. *Перевод М. Самаева* 137
Призрачная радость. *Перевод М. Самаева* . . . 138
Состязание песнопевцев. *Перевод М. Самаева* . . 139

Точиуицин Сакатимальцин

Вечная жизнь песни. *Перевод М. Самаева* . . . 151
«Вы, о правители и властелины...» *Перевод Ю. Петрова* 152
«Вот вам слова Точиуицина...» *Перевод Ю. Петрова* 153

Мотенеуацин

Приглашение друзьям. *Перевод М. Самаева* . . 154

Тетлепанкецаницин

Песнь воинов Чиапы. *Перевод М. Самаева* . . . 155

Погиб народ мешикатль. *Перевод Ю. Петрова* 157
Пленение Куаутемока. *Перевод Ю. Петрова* . . 159
Последние дни осады Теночтитлана. *Перевод Ю. Петрова* 161

ПОЭЗИЯ МАЙЯ

Пополь-Вух. *Перевод с киче Р. Кинжалова* . . 165
Рабиналь-ачи. *Перевод с киче Р. Кинжалова* . . 172
Песня сказителя. *Перевод с испанского М. Самаева* 176

Песня о цветке никте. *Перевод с испанского М. Самаева* 178
Песня на встрече цвет-девы. *Перевод с испанского М. Самаева* 180
Песня без названия (I). *Перевод с испанского М. Самаева* 182
Песня без названия (II). *Перевод с испанского* М. Самаева 183
Цули. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 185

ПОЭЗИЯ КЕЧУА

Хайли в честь Виракочи. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 189
Творцу человека. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 191
Молитва Манко Капака. *Перевод с испанского М. Самаева* 193
Вечный свет. *Перевод с испанского Н. Ванханен* 195
На сон. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 197
* Владычица влаги. *Перевод с немецкого К. Бальмонта* 198
Мать-Луна. *Перевод с испанского М. Самаева* 199
Канава. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 200
Дереву. *Перевод с испанского М. Самаева* . . 201
Айау хайли! *Перевод с испанского М. Самаева* 202
Эа, вот и победа! *Перевод с испанского М. Самаева* 204
Песня мужества. *Перевод с испанского М. Самаева* 206
Харай арауи («Нас навсегда, о владычица мыслей...»). *Перевод с испанского М. Самаева* 208
Харай арауи («Эта песня — песня печали...). *Перевод с испанского М. Самаева* 210
Песня узника. *Перевод с испанского М. Самаева* 211

Виновный юноша. *Перевод с испанского М. Самаева* 212
* Туйя. *Перевод с немецкого К. Бальмонта* . . 213
* Две птички. *Перевод с немецкого К. Бальмонта* 215
* Арауи («Ушла голубка, ушла родная...»). *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 217
Арауи («Солнце мое, занялись уже пламенем...»). *Перевод с испанского М. Самаева* 219
Арауи («Видно, под тяжкими тучами...»). *Перевод с испанского М. Самаева* 220
Голубка, помни... *Перевод с испанского М. Самаева* 221
Кашуа. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 223
Уанка. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 224
Великий Инка Атауальпа. *Перевод с испанского М. Самаева* 226
Оплакиванье девушками смерти Инки Атауальпы. *Перевод с испанского М. Самаева* . . 232
Уауаки. *Перевод с испанского Н. Ванханен* . . 233
Уайнью. *Перевод с испанского М. Самаева* . . 236
Песня девушки. *Перевод с испанского Н. Ванханен* 238
Уаккатаки. *Перевод с испанского М. Самаева* . . 239
Песня воинов. *Перевод с испанского М. Самаева* 240
Дикая голубица. *Перевод с испанского М. Самаева* 241
Как свет очей... *Перевод с испанского М. Самаева* 243
Полно, голубка, плакать... *Перевод с испанского М. Самаева* 245
Бедная дроздиха. *Перевод с испанского М. Самаева* 246
Ключ. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 247

Роса. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 247
Влюбленный. *Перевод с испанского М. Самаева* 248
Лицемерка. *Перевод с испанского М. Самаева* 248
Еще посмотрим. *Перевод с испанского М. Самаева* 249
Сострадание чужеземца. *Перевод с испанского М. Самаева* 249
Трус. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 250
Пастораль. *Перевод с испанского М. Самаева* . . 251
Хозяин. *Перевод с испанского М. Самаева* . . 252
Молье, молье... *Перевод с испанского М. Самаева* 253
Ивушка с веткой зеленой... *Перевод с испанского М. Самаева* 254
Над озерной гладью... *Перевод с испанского М. Самаева* 255
Жизнь мне дала моя мать... *Перевод с испанского М. Самаева* 255
Птица поку-поку. *Перевод с испанского М. Самаева* 256
Когда на острове... *Перевод с испанского М. Самаева* 257
Я муху кормлю... *Перевод с испанского М. Самаева* 258
Хрустальная река. *Перевод с испанского М. Самаева* 260
Что за беда ей спится? *Перевод с испанского М. Самаева* 261
Юнка. *Перевод с испанского М. Самаева* . . . 262
В этих потемках. *Перевод с испанского М. Самаева* 263
Нет у меня никого... *Перевод с испанского М. Самаева* 264

Я на горе поджег траву сухую... *Перевод с испанского М. Самаева* 265
Цветок, убитый колибри. *Перевод с испанского М. Самаева* 266
Ни крошечной росинки... *Перевод с испанского М. Самаева* 267
В мотылька обращенный... *Перевод с испанского М. Самаева* 268
Жалобы овчара. *Перевод с испанского М. Самаева* 269
Передавай... *Перевод с испанского М. Самаева* 270
Бабочка-посланница. *Перевод с испанского М. Самаева* 271
Зловещий кондор. *Перевод с испанского М. Самаева* 272
Даже отец. *Перевод с испанского М. Самаева* 273
Клеймение лам. *Перевод с испанского М. Самаева* 274

Хуан Уальпаримачи Майта

Разлука. *Перевод с испанского Н. Ванханен* . . 275
Когда бы стало возможно... *Перевод с испанского Н. Ванханен* 279
Мать. *Перевод с испанского Н. Ванханен* . . . 281

Карлос Фелипе Бельтран

Песня. *Перевод с испанского С. Гончаренко* . . 282

Луис Кордеро

Прощальная песня индейца. *Перевод с испанского С. Гончаренко* 283

Коси Паукар
(Сесар Гуардиа Майорга)

Поэты, восстаньте из пепла! *Перевод с испанского С. Гончаренко* 286
Краснозвездной стране. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 289
Уальга. *Перевод с испанского С. Гончаренко* . . 292
Приди же! *Перевод с испанского С. Гончаренко* 294

Келко Уарак-ка
(Андрес Аленкастре Гутьеррес)

Победный хайли о великом Ленине. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 296
* Гражданину города Куско. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 301
Пума — повелитель гор. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 302
Девушка из Куско. *Перевод с испанского С. Гончаренко* 304

Хосе Мариа Аргедас

Нашему отцу и создателю Тупаку Амару. *Перевод с испанского С. Гончаренко* 305
Кубе. *Перевод с испанского С. Гончаренко* . . 314
О Гуаясамин! *Перевод с испанского С. Гончаренко* 317
Дрожь. *Перевод с испанского С. Гончаренко* 319
Ода самолету. *Перевод с испанского Н. Ванханен* 322

Марио Флориан

Ольянтай-Тамбо. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 327

Атауальпа Корисонко

* Куба. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* . . . 329

Мосох Марка

* Засуха. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* . . 331

Сальвадор Паломино

Рожок-киуайлю. *Перевод с испанского Н. Ванханен* 333

Хуан де ла Крус Салас-и-Санчес

Кечуа — прекрасный могучий язык. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 335
* Священный уанка свободе. *Перевод с кечуа А. Хайретдиновой* 338

Вильям Уртадо де Мендоса

* Пуйю-Кауак. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 340

Фаустино Эспиноса Наварро

День труда — 1 Мая. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 343

Лили Флорес

Ночь-река. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 345
Повелителю-океану. *Перевод с кечуа Ю. Зубрицкого* 347

Комментарии 348

К37 **Кецаль и голубь:** Поэзия науа, майя, кечуа. Пер. с исп. и индейск. языков/Сост. и предисл. В. Земскова; Коммент. В. Земскова и Р. Кинжалова.— М.: Худож. лит., 1983.— 398 с. (Б-ка латиноамериканской поэзии)

Настоящий сборник является первой попыткой представить на русском языке цельную картину поэтического творчества коренных народов Латинской Америки — индейцев науа, майя, кечуа.

Почти все стихи переводятся впервые.

К $\frac{4703000000\text{-}109}{028(01)\text{-}83}$ 165-83 И(Латин)

I p. 10 v.